1088.
ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское
ІЮНЬ 1912
Географическое Общество.
Д19 6/1

АЛТАЙСКІЙ СБОРНИКЪ

Изданіе Алтайскаго Подъ-Отдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ XI.

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ. Рѣка Уба и Убинскіе люди (литературно-этнографическій очеркъ). ВЫСОТЫ мѣстностей на Алтаѣ, вычисленныя Г. К. Тюменцевымъ по даннымъ В. И. Верещагина. СПИСОКЪ извѣстныхъ сеоковъ алтайскихъ инородцевъ. Я. БИРЮКОВЪ. Сибирскіе заговоры.

БАРНАУЛЪ.
Типо-Литографія Главнаго Управленія Алтайскаго округа
1912 г.

Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Шкафъ 19
Полка 6 № 1

ИЗДАНІЯ

бывшаго Общества Любителей Изслѣдованія Алтая нынѣ Алтайскаго Подъ-Отдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

Продаются Совѣтомъ Общества и въ книжныхъ магазинахъ.

„Алтайскій Сборникъ", т. I. Томскъ. 1894 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: *Н. Зобнина:* Приписные крестьяне на Алтаѣ.—*Н. Наумова:* Сарбыска (быт. набросокъ).—*А. Кауфмана:* Общинные порядки.—*Г. Майера:* Алтайскіе серебряные рудники.—*Н. Казаринова:* Холерная эпидемія въ Сузунѣ въ 1892 г.—*А. Недзвецкаго:* Краткій очеркъ холерной эпидеміи въ г. Барнаулѣ. Матеріалы по переселенію на Алтай.—*И. О:* Къ вопросу объ Алтайской общинѣ.—*Ф. Засса:* Списокъ растеній Алтайскаго округа.—Смѣсь. О вскрытіи и замерзаніи р. Оби у Барнаула.—Библіографія Алтая.

„Алтайскій Сборникъ", т. II, Барнаулъ 1898 г. Цѣна 60 к.

С. П. Швецова: „Г. Барнаулъ по переписи 26 марта 1895 г." Вып. I. Населеніе Вып. II. Жилища.

„Алтайскій Сборникъ", т. III. Барнаулъ 1898 г Цѣна 50 к.

Е. П. Рыловой: „Начальная школа въ Алтайскомъ округѣ".

„Алтайскій Сборникъ", т. IV. Барнаулъ. 1899 г. Цѣна 2 р. 50 к.

С. П. Швецова: Переселенцы на Алтаѣ. Результаты статистическаго изслѣдованія мѣстъ водворенія переселенцевъ въ Алтайскомъ округѣ въ 1894 г. Вып. I.—Поселенныя и сводныя экономическія таблицы. Вып II.—Описаніе переселенческихъ поселковъ.

„Алтайскій Сборникъ", т. V. Барнаулъ. 1903 г. Цѣна 1 р.

Н. Лифляндъ: О поѣздкѣ въ 1903 г въ Кузнецкій каменноугольный бассейнъ.—*А. Б. Кунгурцевъ:* Къ вопросу о травосѣяніи въ Озерно-степномъ районѣ Алтайскаго округа.—О распространеніи улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій въ Алтайскомъ округѣ.—*І. И. Биль:* О дорогѣ, построенной черезъ Шульбинскій боръ отъ г. Семипалатинска на Бель-Агачъ.—О проведеніи колеснаго пути отъ Онгудая до Кошъ-Агача по такъ называемому, Чуйскому тракту.—*Н. Б. Шеръ:* Изъ поѣздки къ Кумандинцамъ въ 1898 г.—*М. П. Ковригина:* Неурожай хлѣбовъ въ юго западной части Алтайскаго окр. въ 1900 г. и размѣры продовольственной нужды въ 10 селеніяхъ Покровской волости Барнаульскаго уѣзда.—Результаты подворной переписи, произведенной въ 1900 г. въ 10 селеніяхъ Покровской вол. Барнаульскаго уѣзда (таблицы)

„Алтайскій Сборникъ", т VI. Барнаулъ. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

В. И. Верещагинъ: По Восточному Алтаю. Дневникъ путешествія въ 1905 г.—*П. Игнатовъ:* Изслѣдованія Телецкаго озера на Алтаѣ лѣтомъ 1907 г.—*И. И. Тыжновъ.* Изъ исторіи горнозаводскаго населенія на Алтаѣ (Матеріалъ для исторіи крѣпостного права въ Сибири).

„Алтайскій Сборникъ", т. VII. Барнаулъ. 1907 г. Цѣна 70 к.

Н. М. Трегубовъ: Сибирское переселенческое селеніе село Чистюнька Барнаульской волости Барнаульскаго уѣзда.

„Алтайскій Сборникъ", т. VIII. Барнаулъ. 1907 г. Цѣна 1 р. 60 к.

Н. Овчинниковъ: Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ. (Введеніе. Единицы, которымъ отводятся надѣлы; составъ этихъ единицъ. О составѣ и размѣрѣ надѣловъ въ Томскомъ уѣздѣ. Приложеніе: таблицы I, II, III, IV).

„Алтайскій Сборникъ", т. IX. Барнаулъ. 1908 г. Цѣна 1 р.

И. Тыжновъ: Краткая записка о состояніи Бѣлокурихинскаго минеральнаго источника въ 1905 г. *Н. Богатыревъ.* Объ орѣховомъ и звѣровомъ промыслахъ Кумандинскихъ инородцевъ Бійскаго уѣзда. *В. И. Верещагинъ.* Отъ Барнаула до Монголіи (Путевыя замѣтки).

„Алтайскій Сборникъ", т X. Барнаулъ 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

В. И. Верещагинъ: Поѣздка по Алтаю лѣтомъ 1908 г. (путевыя замѣтки). *Г. Э. Іогансенъ.* Орнитологическіе сборы А. И. Лаврова въ Барнаульскомъ, Бійскомъ и Змѣиногорскомъ уѣзд. Томской губ. *П. П. Пилипенко.* Алтайскій метеоритъ 1904 г. *В. Н. Мамонтовъ.* На поискахъ Алтайскаго метеорита. *А. П. Выдринъ.* Списокъ высотъ нѣкоторыхъ пунктовъ Кузнецкаго уѣзда, по барометрическимъ наблюденіямъ 1908 и 1909 г.г. *Н. Я. Овчинниковъ:* О «писаныхъ» камняхъ въ Томскомъ уѣздѣ.

„Алтайскій Сборникъ", т. XI Барнаулъ 1911 г. Цѣна

Г. Д. Гребенщиковъ. Рѣка Уба и Убинскіе люди (литературно-этнографическій очеркъ). Высоты мѣстностей на Алтаѣ, вычисленныя Г. К. Тюменцевымъ по даннымъ В. И. Верещагина. Списокъ извѣстныхъ сеоковъ Алтайскихъ инородцевъ. *Я. Бирюковъ.* Сибирскіе заговоры.

АЛТАЙСКІЙ

СБОРНИКЪ

п. 26142.

Изданіе Алтайскаго Подъ-Отдѣла Западно-Сибирскаго
Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ XI.

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ. Рѣка Уба и Убинскіе люди (литературно-этнографическій очеркъ). ВЫСОТЫ мѣстностей на Алтаѣ, вычисленныя Г. К. Тюменцевымъ по даннымъ В. И. Верещагина. СПИСОКЪ извѣстныхъ сеоковъ алтайскихъ инородцевъ. Я. БИРЮКОВЪ. Сибирскіе заговоры.

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ 8 Шкафъ 19
Полка 6 № 1

БАРНАУЛЪ.
Типо-Литографія Главнаго Управленія Алтайскаго округа.
1912 г.

АЛТАЙСКИЙ
СБОРНИКЪ

Замѣченныя опечатки въ статьѣ „Рѣка Уба и Убинскіе люди“.

Стран.	*Стр. сверху*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать.*
4	1	украшённая	укрощённая
—	19	деревенскую	деревянную
5	20	выдалъ	выжалъ
18	24	появленіе	появленія
24	8	бездолжной	безъ должной
39	18	братъ	брата
41	27	предсѣдательствомъ	предводительствомъ
43	4	приважно	преважно
44	5	глядь	гляди
56	12, 30	перелины	пелерины
60	24	быть	бысть
65	17	они	онѣ
74	21, 22	недоразумѣнія	недоумѣнія
76	8, 9	Стреneное	Стрежное

„Сибирскіе заговоры“.

Стран.	*Строка*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
1	6 св.	Батюшка	Батюшка,
—	8 сн.	ноють	ноютъ
4	9 св.	озевище	озёвище
5	9 св.	океанъ-море—На	океанъ-море. На
—	8 сн.	бсру	беру
6	2 св.	вечернюю-Марены	вечернюю-Маремьяны
10	5 сн.	раба на умѣ	раба (имя рекъ) на умѣ

утерянъ. По этому данный экземпляръ является вторичнымъ и потому менѣе подробнымъ. *Авторъ.*

РѢКА УБА

и убинскіе люди.

Литературно-этнографическій очеркъ*)

I.

Рѣчная система Убы, истоки ея и устье.

Рѣка Уба—дочь юго-западнаго Алтая. Ея свѣтлыя голубыя воды, стремительный бѣгъ и властный говоръ—являются лучшей метрикой ея царственнаго, альпійскаго происхожденія. Являясь правымъ притокомъ Верхняго Иртыша, она растянулась по юго-западнымъ отрогамъ Алтая болѣе, чѣмъ на 400 верстъ.

Рѣка Уба сливается съ Иртышемъ какъ разъ на полпути между Усть-каменогорскомъ и Семипалатинскомъ, т. е. примѣрно въ ста верстахъ отъ того и другого, причемъ р. Убу не слѣдуетъ смѣшивать съ р. Ульбой, упавшей въ Иртышъ также справа около самаго Устькаменогорска.

---

*) Первый экземпляръ статьи этой будучи посланнымъ въ Алтайскій подъ-отдѣлъ Г. О. въ совершенно законченномъ видѣ имѣлъ болѣе тщательную и подробную обработку, но онъ не дошелъ до своей цѣли и былъ утерянъ. По этому данный экземпляръ является вторичнымъ и потому менѣе подробнымъ. *Авторъ.*

Основная артерія р. Убы состоитъ изъ четырехъ главныхъ притоковъ, берущихъ начало въ западныхъ склонахъ горнаго Алтая, а именно считая снизу—рѣкъ: Бѣлой Убы *нижней* (или правой по теченію) Становой Убы, Черной Убы и Бѣлой Убы *верхней* (или лѣвой по теченію).

Нижняя бѣлая Уба беретъ свое начало въ роскошномъ альпійскомъ озерѣ на горѣ Сѣдлухѣ, т. е. на сѣверномъ водораздѣлѣ, противоположные, т. е. сѣверные склоны котораго направляютъ свои потоки уже въ р. Обь, образуя р. Бѣлую, слившуюся съ р. Чарышемъ.

Принявъ рѣчку Шумиху и нѣсколько горныхъ потоковъ безъ названія р. Бѣлая Уба сливается съ главной Убой, какъ разъ въ верхнихъ Убинскихъ порогахъ, т. е. приблизительно въ 200 верстахъ отъ устья Убы.

Рѣка Становая Уба беретъ свои, широкимъ вѣеромъ раскинувшіеся истоки у юго-западныхъ склоновъ Коргонскихъ бѣлковъ, сѣверные склоны которыхъ питаютъ р. Иню, упавшую также въ р. Чарышъ. Въ число вышеуказаннаго вѣера истоковъ р. Становой Убы должны быть включены еще р. Коровиха съ ея вѣтвистой вершиной и мелкіе потоки изъ бѣлка Свирѣпаго. Принявъ по пути нѣсколько горныхъ рѣчекъ, брошенныхъ западнымъ подоломъ Коксинскаго хребта, р. Становая Уба падаетъ въ главную Убу верстахъ въ ста выше р. Бѣлой Убы, между огромными горами Большой и Малый Теремки.

Затѣмъ идутъ Черная Уба и Бѣлая Уба *верхняя*, слившіяся вмѣстѣ выше впаденія Становой Убы верстахъ въ 25. Р. Черная Уба беретъ свое начало у западнаго подола Тургусунскаго Хребта, южные склоны котораго даютъ р. Тургусунъ—правый притокъ р. Бухтармы. Затѣмъ—Черная Уба мимоходомъ принимаетъ около десяти бурныхъ потоковъ съ юго-западныхъ склоновъ Коксинскихъ бѣлковъ, сѣверо-восточные склоны которыхъ, какъ извѣстно, рождаютъ р. Коксу—лѣвый притокъ Катуни.

Бѣлая Уба *верхняя* въ вершинѣ своей представляетъ собою

цѣлый кустъ изъ многочисленныхъ рѣчекъ и потоковъ, стремящихся въ нее съ обѣихъ сторонъ, и беретъ начало по сосѣдству отъ Черной Убы, причемъ лѣвыми притоками своими упирается въ сѣверо-западный подолъ Ивановскаго хребта, противоположные склоны котораго даютъ р. Ульбу, падающую въ Иртышъ у г. Устькаменогорска. Такимъ образомъ, вѣтвистые истоки р. Убы, захвативъ площадь болѣе чѣмъ въ двѣсти верстъ шириною, касаются своими вѣтвями цѣлой системы альпійскихъ хребтовъ, т. е. Коргонскаго, Коксинскаго, Тургусунскаго и Ивановскаго.

Если къ изложенному выше мы прибавимъ, что р. Уба въ среднемъ своемъ теченіи, между впаденіемъ р. Становой Убы и нижней Бѣлой Убы, т. е. на разстояніи около ста верстъ— приняла свыше пятнадцати, довольно большихъ, горныхъ рѣчекъ, то для насъ станетъ вполнѣ понятной та пресѣченность верховьевъ Убы, которая по красотѣ и дикости природы очень близко роднитъ Убинскій Алтай съ Алтаемъ Катунскимъ.

Ниже впаденія р. Нижней Бѣлой Убы, т. е. отъ верхняго порога р. Уба становится уже плотоходной и послѣ стоверстнаго крайне капризнаго теченія по узкому и величавому горному ущелію, покрытому лѣсомъ и пересѣченному еще цѣлымъ рядомъ горныхъ рѣчекъ, она вырывается на болѣе спокойную, безлѣсную хотя и холмистую степь и постепенно поворачивая влѣво, еще верстъ черезъ сто падаетъ въ рѣку Иртышъ, какъ разъ на грани послѣднихъ холмовъ и начавшейся степной равнины, ушедшей къ Семипалатинску и дальше. Причемъ передъ впаденіемъ въ Иртышъ Уба разбивается на нѣсколько протокъ, главная изъ которыхъ равняется ста саженямъ и подбѣгаетъ къ Иртышу совершенно перпендикулярно, отчего ея свѣтлыя струи далеко бѣгутъ на перерѣзъ мутному Иртышу, рождая пѣнистыя гривы и глубокія водныя воронки.

Но долина устья Убы совершенно плоская безъ крутыхъ и высокихъ береговъ и теряется въ сплошныхъ таловыхъ, черемуховыхъ и тополевыхъ забокахъ. Вообще Уба передъ впаденіемъ въ Иртышъ кажется утратившей говорливую свирѣ-

пость горной рѣки и украшенная равнинами, а можетъ быть испуганная близкимъ бракомъ съ суровымъ Иртышемъ ползетъ къ нему тихо, какъ бы задумавшись Но болѣе всего странно, что слившись съ Иртышемъ, она, какъ будто, не увеличиваетъ ни широты его, ни многоводности.

Онъ просто, небрежно взявъ ее подъ мышку, сурово стремится къ своей блѣдной и угрюмой невѣстѣ Оби....

II.

Убинскіе казаки.

У самаго устья р. Убы ниже ея впаденія, на правомъ берегу Иртыша, стоитъ Убинское станичное поселеніе. Это небольшой, дворовъ въ полтораста, опрятный и довольно стройный поселокъ, расположенный на невысокомъ, но ровномъ плато, со стороны Иртыша защищенномъ огромной и высокой тополевой рощей, на фонѣ которой рельефно бѣлѣетъ церковь поселка.

Улицы прямыя, дома большей частью деревянные, крытые тесомъ, съ чистыми оградами и весьма опрятными горницами, въ которыхъ почти въ каждой вы увидите: чистые, самотканые половики, старомодный посудный шкафъ съ комодомъ, большое простое зеркало, опрятно прибранную деревенскую кровать съ высоко взбитыми подушками, периной и цвѣтнымъ покрываломъ. У гладко выбѣленныхъ или оклеенныхъ обоями стѣнъ старинной конструкціи деревянные тяжелые стулья и диваны съ кривыми и толстыми ножками, а на стѣнахъ, кромѣ иконъ и лубочныхъ яркихъ картинокъ изъ серіи русскихъ войнъ и русскихъ сказокъ, вы непремѣнно увидите портреты какихъ либо полководцевъ и командировъ, среди которыхъ предпочтеніе Линевичу, Скобелеву, Куропаткину, Стесселю, Мищенко и другимъ героямъ историческихъ войнъ. Кромѣ того, подъ самымъ зеркаломъ обязательно нѣсколько фотографій съ изображеніемъ по два и по три молодыхъ казака, въ крайне принужденныхъ позахъ, съ саблями на голо, съ

закуренными папиросами и въ сапогахъ съ высокими рубчатыми голенищами.

Казаки-мужчины отличаются порядочной долей практическаго ума, ловкостью въ джигитовкѣ и любовью къ военнымъ подвигамъ, но всѣ они крайне не расторопны въ дѣлахъ своего домашняго хозяйства.

Земледѣліемъ въ послѣднее время стали заниматься всѣ безъ исключенія, причемъ почти всѣ тяжелыя работы ихъ исполняютъ степные киргизы, которые находятся у Убинскихъ казаковъ въ вѣчныхъ и невылазныхъ долгахъ. Въ то время, какъ крестьяне сосѣднихъ селъ не могутъ найти рабочихъ и даютъ большія цѣны, казаки за полцѣны и безъ особыхъ затрудненій имѣютъ рабочихъ сколько угодно. При этомъ отношеніе къ киргизу самое деспотическое. Укажу на примѣры: Въ пос. Убинскомъ есть очень богатый казакъ-урядникъ С. Онъ только тѣмъ и состояніе свое пріобрѣлъ, что умѣло и неуклонно держалъ въ кабалѣ десятки бѣдныхъ киргизъ. Дѣлалъ онъ это такъ: съ зимы охотно даетъ киргизу въ долгъ продукты первой необходимости: муку, мясо, соль, чай и даже деньги, но съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ ему извѣстное количество хлѣба или выкосилъ и поставилъ опредѣленное число стоговъ сѣна. Беря необходимое бѣднякъ киргизъ за зиму конечно влѣзетъ въ такіе долги, которыхъ отработать за все лѣто не въ силахъ. Но наниматель не только не претендуетъ на это, но и вновь даетъ киргизу на нужные расходы, только назначаетъ проценты и не деньгами, а той же работой именно: если, допустимъ, какой либо Крытпай долженъ былъ въ прошломъ году поставить двѣсти копенъ сѣна, а поставилъ полтораста, т. е. 50 не доставилъ, то нынче это количество онъ долженъ поставить въ удвоенномъ размѣрѣ. И вотъ теперь еще несмотря на дороговизну труда у С. имѣется нѣсколько десятковъ такихъ должниковъ, которые работаютъ за старые долги совершенно безплатно. Нѣкоторые работаютъ за долги отцовъ, которые давно умерли.

Не исполнить же работъ казаку немыслимо, т. к. казакъ, благодаря своей деспотической настойчивости всегда съумѣетъ

заставить киргиза отработать или больно наказать, включая сюда взысканіе убытковъ и физическое наказанье одновременно. Не даромъ же еще недавно лѣтъ 10—15 назадъ одинъ вооруженный, только нагайкою, казакъ могъ безнаказанно перепороть весь аулъ и заставить его же угощать себя кумысомъ и бараниной. Казаки очень рѣдко относятся къ киргизу по человѣчески. Отлично владѣя киргизскимъ языкомъ, они часто между собою говорятъ по киргизски и никакія киргизскія тайны не минуютъ ихъ слуха. Очень рѣдко называютъ они настоящимъ именемъ киргиза. Большею частью: «Крыпайка» (вмѣсто Крыпай) «Джумачишка» (вмѣсто Джуматай»), а то и просто «орда», «остроголовый», «лопатка», «головешка», «собака». И никогда не скажутъ, что умеръ киргизъ, а скажутъ всегда: «пропалъ собака»....

Въ виду такого пользованія киргизскимъ простодушіемъ и выносливостью даже бѣднѣйшіе казаки живутъ относительно безпечно и занимаются, кромѣ посѣва хлѣбовъ, скотоводствомъ и посѣвомъ арбузовъ, которые на песчаной почвѣ пріиртышскихъ уваловъ родятся очень обильными и особенно сладкими, почему изъ большинства деревень крестьяне покупаютъ ихъ сотнями возовъ, да кромѣ того арбузы десятками плотовъ сплавляютъ въ Семипалатинскъ и Омскъ.

Въ противоположность мужчинамъ казачки—женщины весьма не далеки, забиты, очень трудолюбивы, выносливы и чрезвычайно опрятны и скромны. Каждая изъ нихъ обязательно промышляетъ листовымъ табакомъ, который убинскіе казачки садятъ въ огородахъ и ростятъ при заботливой бдительности и ручной поливкѣ. Поэтому всѣ казачьи дѣвушки и молодыя женщины цѣлое лѣто пребываютъ на солнцѣ, таская на коромыслахъ воду изъ Иртыша. Зато въ праздники онѣ любятъ нарядиться, подражая въ отношеніи костюма городскому мѣщанству. Очень любятъ ботинки со скрипомъ и съ глубокими калошами, бѣлые платья и кисейные шарфики, платья «принцессой» т. е. въ талію, тугіе пояса и бѣлые фартуки съ пѣтухами. Очень дорожатъ скромностью и подражаніемъ сельской интеллигенціи, къ которой относятся весьма

почтительно и самой умной дѣвушкой считается та, которая меньше говоритъ и совсѣмъ не смѣется и которая больше всѣхъ сидитъ дома. Самой же характерной чертой казачьей женщины или дѣвушки можно считать аккуратное произношеніе буквы «ц». Онѣ всегда скажутъ четко и обязательно «курица», «Богородица» и считается очень дурнымъ тономъ и необразованностью не исполненіе этого правила.

Также и молодые люди Убинской станицы весьма трезвы, чистоплотны и обходительны. Любятъ форснуть вычищеннымъ сапогомъ, цвѣтной рубашкой, свѣтлымъ кушакомъ и узкими брюками и въ присутствіи дѣвушки или женщины не сдѣлаютъ неприличнаго жеста и не скажутъ дурного слова, а на игрищахъ или на вечеркахъ относятся даже съ изысканною фамильярностью, называютъ дѣвушекъ по имени и отчеству и по возможности на «вы». Но дѣвушки при танцахъ просто садятся къ нимъ на колѣни, а при припѣвахъ и играхъ охотно цѣлуютъ ихъ, стараясь при этомъ не улыбаться, чтобы не сказали чего дурного. Но очень дурно казачьи дѣвушки и женщины поютъ, какими-то однотонными, тонкими и нестройными голосами. Зато танцуютъ недурно, хотя и однообразно, потупляя глаза и стараясь не улыбаться.

Въ свою очередь и кавалеры, молодецки крутясь вокругъ своихъ дамъ и выдѣлывая каблуками громкія трели, ѣдятъ своихъ дамъ глазами и изъ почтенья къ нимъ, до перерыва не вытираютъ даже крупныхъ капель пота на разрумяненныхъ лицахъ.

И всѣ казаки отъ мала до велика къ грамотѣ относятся болѣе, чѣмъ снисходительно, но въ то же время никакая крестьянская фантазія не способна рисовать такія нелѣпыя картины суевѣрія, какъ сплошь да рядомъ дѣлается это среди казаковъ не только ст. Убинской, но и всей почти Семипалатинской казачьей линіи.

III.

Деревни и люди низовьевъ Убы.

Отъ поселка Убинскаго долина р. Убы почти не замѣтна и кажется простой, широкой низиной. Кое гдѣ лишь огороженной небольшими увалами, легкими холмами и раздольными гривами.

Отъ поселка вверхъ по Убѣ справа по теченью идутъ роскошные луга, поросшіе частыми забоками изъ тальника и черемухи, а слѣва по теченью идутъ покатые и спаханные увалы. На шестой верстѣ, возлѣ единственнаго, отвѣснаго, но не высокаго утеса съ лѣвой стороны имѣется перевозъ, очень примитивный, на канатѣ. Ширина Убы здѣсь около восьмидесяти саженъ. А въ семи верстахъ отъ поселка, на лѣвой сторонѣ Убы, на низкой равнинѣ и на фонѣ громадной тополевой роши, рисуется большое сѣрое, неопрятное, но довольно богатое крестьянское село Убинское, съ новой церковью, винной лавкой, обычно пустыми и длинными хлѣбозапасными магазинами и очень небольшой школой. Черезъ село Убинское идетъ Семипалатинско-Зайсанскій почтовый трактъ. Здѣсь насчитывается до 400 дворовъ, изъ которыхъ около половины новоселовъ по преимуществу съ юга Россіи и глинобитныя и саманныя хаты ихъ съ соломенными крышами и ограды съ журавлями криницъ, т. е. колодцевъ, рѣзко выдѣляются отъ посѣдѣвшихъ, мѣстами скосившихся, мѣстами раскрашенныхъ и шитыхъ тесомъ домовъ старожиловъ, ворота которыхъ обязательно тесовыя съ фигурчатой рѣзьбой надъ крышкой и съ жестянными звѣздочками на полотнахъ, а иногда и на корнизахъ домовъ. Крыши домовъ почти все двускатныя съ вдавленными лбами и съ рубчатой рѣзьбой или пѣтушками на о́хлупняхъ. Дома высокіе съ глухими крыльцами, съ низкими, но прочными подвалами, съ маленькими раскрашенными окошками и росписными ставнями. Но и въ с. Убинскомъ есть дома, въ которыхъ сохранился еще дѣдовскій обликъ. Здѣсь все говоритъ о глубокомъ почтеньи къ

старинѣ и о крѣпости стариковскихъ завѣтовъ. Въ избахъ пахнетъ свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ, жирными щами и кислыми овчинами тулуповъ, которые всегда лежатъ на палатяхъ, а въ горницахъ съ росписныхъ широкихъ божницъ смотрятъ суровые потемнѣвшіе лики иконъ. Небѣленные потолки и стѣны украшены какими-то фантастическими, напоминающими современный декадентскій стиль, цвѣтами и фигурами мѣстнаго творчества, въ углу у двери солидно разсѣлась большая русская печь съ ввалившимися глазами—печурками и темной пастью цѣла, а возлѣ нея стоитъ огромная кровать съ массою подушекъ и длиннымъ цвѣтнымъ, преимущественно краснымъ съ большими желтыми цвѣтами, пологомъ. На полу цвѣтные половики, противъ печки росписной, подвѣшенный на крючкахъ шкафъ съ посудой, а въ красномъ углу у широкихъ лавокъ, крѣпкій толстоногій столъ, покрытый самотканной кубовой скатертью. И степенная тишина овладѣвая вами, уноситъ васъ въ древнюю Москву и солидно внушаетъ жуткое почтенье къ русской самобытности, которая впрочемъ сейчасъ же исчезаетъ при появленіи въ горницѣ хозяйки, по большей части недалекой, простодушной и слишкомъ типичной для нашего времени крестьянской бабы, забитой, изнуренной трудомъ и болѣзнями, истощенной дѣтьми и побоями мужа. А когда входитъ, одергивая короткую рубаху, заросшій бородою и согнутый подъ тяжестью мужицкаго ярма хозяинъ и заговоритъ съ вами торопливымъ, неправильнымъ языкомъ о нуждѣ, о надвигающемся малоземельи, объ истощеніи земли и о дороговизнѣ всего, вы невольно соприкасаетесь съ настоящей дѣйствительностью и не только видите, что добрые крестьянскіе устои отжили, но и чувствуете грядущую неизбѣжность въ коренномъ переворотѣ всей ихъ жизни. И чѣмъ больше присматриваешся къ жителямъ села Убинскаго, этого старѣйшаго существующаго около двухсотъ лѣтъ села, тѣмъ яснѣе вырисовываются уродливости вырождающейся самобытности. Объ этомъ говорятъ пестрыя одежды отъ росписного сарафана до розовой кофточки, отъ старомоднаго дѣдовскаго кафтана до

базарнаго пиджака и отъ почтенной длинной сѣдины до стриженной головы и бритой бороды включительно. И развѣ гдѣ либо у стараго дома на заваленкѣ, въ праздничную пору, вы увидите яркаго выразителя подлиннаго сибирскаго крестьянства. Это какой нибудь древній старикъ съ костылемъ въ высокой четырехъугольной шапкѣ, въ позеленѣвшемъ отъ времени бархатномъ кафтанѣ. Сидитъ онъ, качая старой головой и думаетъ о милой старинѣ принесенной изъ глубины вѣковъ, о Русской были, о чистотѣ и простотѣ былыхъ нравовъ, не утраченныхъ и подъ ударами неволи и испытаній за вѣру.... А въ это время внучата его, подростки, тайкомъ, рискуя поджечь амбаръ, гдѣ либо въ укромномъ мѣстѣ курятъ базарныя папиросы и знаютъ то, о чемъ всю свою жизнь не зналъ дѣдъ, этотъ доживающій свои дни обломокъ старой Руси....

Главнымъ занятіемъ крестьянъ с. Убинскаго является земледѣліе, а за послѣдніе годы молочное хозяйство и частью рыбалка, извозъ, т. к. они живутъ на тракту, а также и пчеловодство. Очень часто можно встрѣтить чрезвычайно остроумныхъ и интересныхъ людей, играющихъ первую скрипку въ мужицкихъ настроеніяхъ и дающихъ тонъ. Такъ напримѣръ, нѣкто Е...ъ И....чъ, бесѣдуя со мной говорилъ о себѣ:

— По годамъ то надобы на печкѣ давно лежать, а по дѣламъ-то выходитъ на жарѣ торчать приходится... А жара, братецъ ты мой, такая, что у меня на плѣшинѣ хоть блины пеки!..

Это одинокій, бездѣтный старикъ, все время работающій самъ и на пашнѣ и дома. Онъ разсказалъ мнѣ интересную исторію о томъ, какъ нѣкто Ив. Петр., проповѣдуя Толстого поселился въ ихъ деревнѣ и около четырехъ лѣтъ работалъ безплатно то у того, то у другого.

— Спасался, спасался да потомъ у псаломщника фарпосного (т. е. изъ ст. Убинской) бабу и слямзилъ!... Слямзилъ да и съ деньженками знать-то... А бабеночка-то, слышь, мяконькая была, ну да и спасенье-то прискучило видно... Потомъ деньженки-то порастресъ да и бабеночку-то бросилъ. Псаломщикъ-то запилъ да въ чахоткѣ умеръ, а она будто-бы съ пу-

ти сбилась совсѣмъ... Вотъ тебѣ и апостолъ! — заключилъ Е...ъ И....чъ и прибавилъ съ характерной для него скороговоркой:—Ишъ вотъ какъ спасаются, а нашему брату, вахлаку, гдѣ такъ догадаться... Такъ видно ужъ намъ положено: *здѣсь-то* какъ червяку ползать, да еще и *тамъ-то* въ смолѣ кипѣть!...

Выше с. Убинскаго долина Убы постепенно начинаетъ съуживаться, загородившись съ правой стороны высокимъ яромъ, а съ лѣвой—давъ мѣсто широкому лугу, сплошь усыпанному таломъ, черемухой, гороховникомъ и жимолостью, а верстахъ въ десяти начинаются уже легкіе взгорья слѣва и раздольныя высокія гривы справа, причемъ слѣва по теченью Убы на гладкой равнинѣ, огороженной холмами, ровной чередою виднѣется больше десяти древнихъ чутскихъ кургановъ, увѣнчанныхъ кудрявыми кустами черемухи; а тотчасъ за ними на крутомъ лѣвомъ берегу Убы прилѣпилось небольшое селенье Орловское.

Селенье это выстроилось не больше 10—12 лѣтъ назадъ изъ переселившихся сюда горнозаводскихъ обывателей с. Риддерскаго, переселившихся потому что съ сокращеніемъ работъ тамъ они стали бѣдствовать, а земли для пашни не хватило. Но и здѣсь они, привыкшіе къ шахтѣ, не могутъ оправиться и селенье выглядитъ очень жалкимъ, забытымъ Богомъ и людьми, а жители его являютъ собою ту, типичную для сибирскаго мужика, промежуточность, которая не похожа ни на крестьянина, ни на мѣщанина и въ то же время, въ слабой степени содержитъ въ себѣ признаки и того и другого вмѣстѣ.

Переѣхавъ здѣсь на лодкахъ на правую сторону Убы и поднявшись на увалъ, мы очутились на столбовой дорогѣ, идущей отъ Семипалатинска въ Барнаулъ. Среди тучныхъ пашенъ и травъ по высокому и ровному увалу мы двинулись въ сѣверномъ направленіи и видѣли, какъ открывшееся передъ нами широкой голубой лентой русло р. Убы, нѣжась въ зелени луговъ и сплошныхъ забокъ, вдали круто

повернуло вправо, на востокъ и потерялось тамъ среди первыхъ синѣющихъ отсюда предгорій Убинскаго Алтая, а позади насъ оставался слегка искривленный и синѣющій вдали за-иртышскій горизонтъ.

Черезъ десять верстъ мы попали въ большое, богатое и интересное село Красноярское, расположенное на правомъ берегу Убы, подъ высокимъ уваломъ, на прижавшемся къ нему клочкѣ луга.

Населеніе здѣсь то-же что и въ деревнѣ Убинской, съ тою лишь разницей, что здѣсь лучше сохранилась самобытность старожильческаго крестьянства и меньше наблюдается пестроты, свойственной промежуточности или такъ сказать полукрестьянства. Однако окраины села изобилуютъ переселенческими куренями и избами съ соломенными крышами. Въ общемъ населенье с. Красноярскаго можно считать въ большинствѣ своемъ довольно зажиточнымъ. Склоненная къ Убѣ и обрѣзанная около нея крутымъ глинистымъ уваломъ тучная и плодородная грива, безъ единой горки, безъ единаго дерева, поднимается на сѣверо-западъ отлогимъ двѣнадцативерстнымъ переваломъ. Обогнувъ правую сторону Убы на нѣсколько десятковъ верстъ она уходитъ почти на сто верстъ въ глубь до Шульбинско-Локтевскаго бора. Эта то грива, вся испещренная квадратами пашенъ и является лучшей кормилицей и надеждой не только трехтысячнаго Красноярскаго населенія, но и населенія всѣхъ смежныхъ деревень: Вавилонки, Сугатовскаго, Золотихи и Локтя на сѣверъ отъ Красноярска и Перерыва, Жерновки и Бородулихи на западъ отъ него. Эта же грива является и строгой, замѣчательно ровной, гранью послѣднихъ предгорій горнаго Алтая и начавшихся и ушедшихъ до самаго слiянія Иртыша съ Обью, степей. Съ перевала этого въ ясную погоду можно наблюдать на юго-западѣ далекія перламутровыя марева—признакъ пустынь, а на сѣверо-востокѣ едва видныя бѣлоснѣжныя вершины Ивановскаго хребта, вѣнчающія лиловыя волны западнаго Алтая. И эта грань между безграничныхъ равнинъ степей и бурныхъ застывшихъ горныхъ

волнъ— рождаетъ настроеніе не то безотчетнаго восторга, не то упоительной тоски...

Для лучшей характеристики жителей с. Красноярскаго необходимо сдѣлать маленькую экскурсію въ сторону отъ Убы.

Въ двадцати двухъ верстахъ отъ с. Красноярскаго на западъ есть интересное, родственное Красноярску, но болѣе типичное и еще лучше сохранившее самобытность, село Перерывъ или Ново-Шульбинское. Это село охотно поддерживаетъ с. Красноярское въ смыслѣ сохраненія самобытности, т. к. Красноярцы очень часто берутъ изъ него невѣстъ и отдаютъ за Перерывцевъ своихъ дочерей. А т. к. Перерывъ лучше уберегъ дѣдовскіе завѣты относительно вѣры, обрядовъ и семейныхъ отношеній, то Красноярцы въ значительномъ большинствѣ отдаютъ Перерыву первенство и по возможности подражаютъ ему.

Перерывскіе старожилы еще недавно гремѣвшіе богатствомъ и славой теперь значительно обѣднѣли, благодаря почти захлеснувшей ихъ волнѣ переселенія, которое не только стѣснило ихъ въ отношеніи землепользованія, но и въ значительной степени пошатнуло старые завѣты. И все же еще много старожиловъ въ Перерывѣ, которые еще не падаютъ подъ натискомъ времени и крѣпко держатся стараго закала; не берутъ въ жены никого кромѣ дочерей старожиловъ и сами не отдаютъ безъ разбора. Берегутъ старинные обряды, вѣру, костюмы и обычаи. Кромѣ того въ этомъ имъ способствуетъ то обстоятельство, что они въ сторонѣ отъ тракта и ломка старины происходитъ не съ такой быстротой, какъ въ Красноярскѣ. Идя по Перерыву изъ конца въ конецъ вы, на разстояніи почти четырехъ верстъ, криво растянувшагося по равнинѣ села увидите строго разграниченные двѣ противоположности: съ западной части села бѣленыя саманныя хаты, высокіе овины, длинные журавли криницъ, малорусскія свитхи и поневы, а съ восточной части: высокіе, прочные, деревянные дома, крытые тесомъ и украшенные рѣзьбой и цвѣтистыми узорами на окнахъ и ставняхъ, глухіе дворы съ тесовыми крытыми воротами и, если въ праздникъ: красные, съ круп-

ными разводами сарафаны и, что замѣчательнѣе всего: частые группы у воротъ или на заваленкахъ замѣчательно красивыхъ, съ смуглыми лицами, длинными тонкими носами, черными длинными и ровно стриженными волосами—мужчинъ разныхъ возрастовъ. И всѣ они одѣты въ большіе сапоги съ мѣдными подковками, въ цвѣтные и широкіе ситцевые штаны и рубахи, въ черныя базарныя шляпы и въ черные бархатные халаты и кафтаны. И картина такого постоянства и выдержанной стильности—поразительно оригинальна.

Вотъ это же самое, но въ болѣе слабой степени можно наблюдать и въ Красноярскѣ, стоящемъ на почтовомъ трактѣ и потому болѣе подверженномъ соблазну цивилизаціи.

Но двинемся дальше вверхъ по Убѣ.

Сдѣлавъ десятиверстный зигзагъ, мы огибаемъ высочайшій яръ, и переѣхавъ по прочному мосту черезъ первый правый притокъ р. Убы довольно большую рѣчку Вавилонку, круто поворачиваемъ направо, къ Убѣ и въ сторонѣ отъ тракта, какъ разъ на крутомъ изгибѣ Убинской долины, какъ бы на верхушкѣ дуги, встрѣчаемъ деревню Вавилонку, названную такъ не потому что она имѣетъ родственное отношеніе къ древнему Вавилону, а потому что, по выраженію жителей, р. Уба здѣсь дѣлаетъ «вавилонъ», поворотъ дугообразный. Довольно большая, но менѣе зажиточная д. Вавилонка рѣзко бросается своей отсталостью, какъ отъ Красноярска, такъ и отъ с. Убинскаго, которое по типу своего населенія она больше всего напоминаетъ. Но эта отсталость совсѣмъ не такая какъ въ Перерывѣ. Тамъ сознательная, упрямая отсталость, отсталость во имя стариковскихъ завѣтовъ, а здѣсь отсталость тупая и темная, отчего населеніе Вавилонки является жалкимъ и какимъ-то безпомощнымъ въ своей наивности и безхитростной простотѣ. Вся жизнь съ прогрессомъ, культурой и новостями проходитъ совсѣмъ мимо, по тому отстоящему только въ трехъ верстахъ почтовому тракту, который обновляетъ и двигаетъ къ видоизмѣненію Красный Яръ и с. Убинское. Здѣсь много лѣтъ не

было ни школы, ни церкви, которую недавно кое-какъ выстроили, а общеніе съ двумя, находящимися въ противоположныхъ концахъ рудниками: Сугатовскимъ и Николаевскимъ, отстоящими въ 9 верстахъ каждый, лишь способствовало большей придавленности тѣла и души вавилонцевъ, ибо бывшія въ этихъ рудникахъ горныя работы, на которыя часть вавилонцевъ ходила, лишь давили и выжимали изъ нихъ лучшіе соки и уродовали ихъ крестьянскія души.

Невольно хочется остановиться все же и на томъ, что подобные вавилонцамъ крестьяне, отличаются рѣдкой скромностью и наивностью, приближающими ихъ къ возрасту мало развитыхъ, запуганныхъ дѣтей.

Надо видѣть, съ какимъ, напримѣръ, страхомъ и растерянностью такой крестьянинъ входитъ всего лишь въ присутствіе волостного правленія.

Что же касается наиболѣе крупныхъ представителей власти, то столкновеніе съ ними повергаетъ этихъ людей положительно въ священный ужасъ.

Для примѣра я приведу картинку допроса мужика мировымъ судьею. Мировой судья совсѣмъ и не сердитый, онъ только серьёзно сосредоточенъ и дѣловитъ.

Передъ нимъ, переминаясь съ ноги на ногу, стоитъ высокій лѣтъ сорока крестьянинъ и смущенно щупаетъ собственную опояску.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ судья.

— Чё-это?..—отвѣчаетъ тотъ вопросомъ.

— Твое имя?..

Мужикъ оглядывается назадъ и все еще не понимая въ чемъ дѣло, молчитъ.

— Я спрашиваю какъ тебя зовутъ?—уже повышая тонъ спрашиваетъ судья.

— Али меня-то!..—догадывается свидѣтель, и прибавляетъ: —да Иваномъ звали, ваше степенство...

— Звали?.. А теперь какъ зовутъ?..

— Это насъ-то?—переспрашиваетъ опять вопрошаемый, называя себя во множественномъ числѣ.

— Ну, да, васъ-то!—уже кричитъ раздражившійся судья.

— Дакъ Иваномъ, молъ, Иваномъ, ваше благородіе...

И такъ далѣе въ этомъ же родѣ.

Здѣсь не мудрено понять истинную причину такой, кажущейся многимъ, тупости. Привыкшій къ примитивнымъ отношеніямъ крестьянской среды, мужикъ почти никогда не имѣетъ общенія съ людьми цивилизованными и сталкиваться съ ними ему приходится лишь въ какомъ-либо сутяжномъ, всегда щекотливомъ, дѣлѣ.

Вотъ почему нѣкоторые старики съ гордостью заявляютъ всегда, какъ высшее доказательство своей честности: «и въ свидѣтеляхъ не бывывалъ».

Это и доказываетъ ихъ замкнутость въ своей слишкомъ особенной по простотѣ наивности и дѣлаетъ ихъ похожими на мало развитыхъ дѣтей, съ которыми надо обходиться съ материнской заботливостью и лаской, а отнюдь не съ розгою, что только портитъ и уродуетъ ихъ.

Выше д. Вавилонской верстахъ въ 5 по лѣвому берегу Убы, въ устьѣ второго съ низу притока рч. Таловки, стоитъ новое селеніе Усть-таловское домовъ въ 200. Здѣсь поселились лѣтъ 12—15 назадъ добровольные переселенцы преимущественно изъ Воронежской губерніи. Будучи хорошими земледѣльцами люди эти рѣзко отличаются отъ старожиловъ своей неопрятностью и грубостью. Въ ихъ жилища трудно войти, такъ онѣ пропахли всевозможными слѣдами неопрятности. Въ сторону отъ Убы въ 3 верстахъ находится селеніе Николаевское тоже въ 200—250 дворовъ, съ церковкой безъ колокольни, съ одной школой и брошенными казенными рудниками. Здѣсь люди, превратившись изъ горнозаводскихъ рабочихъ, достаточно освоились уже съ ролью земледѣльцевъ, но все еще не могутъ отдѣлаться отъ чисто «бергальскихъ» (отъ слова «бергайеръ») замашекъ кутить по праздникамъ, бить женъ и дѣтей, выбивать двери и окна у сосѣдей и по цѣлымъ недѣлямъ опохмѣляться. Эти люди, являясь осколками бывшаго горнозаводскаго режима, въ сильной степени унаслѣ-

довали отъ самодурствовавшаго начальства дикость нравовъ и пребывая въ нихъ до сего времени, безропотно, какъ рабы несутъ крестъ своего невѣжества... Но въ то же время—какъ это ни странно—себя считаютъ неизмѣримо выше коренныхъ крестьянъ—поляковъ и очень часто награждаютъ ихъ эпитетами «крестьянишки», «чалдоны», «рохли» и т. д.

Благодаря большому пристрастію многихъ изъ нихъ къ водкѣ они охотно принимали къ себѣ новоселовъ, которые совмѣстно съ новыми и новыми пришельцами теперь кругомъ опахали ихъ и въ какіе либо 10—15 лѣтъ отъ просторныхъ полей, облегавшихъ с. Николаевское ничего ни осталось. Вокругъ с. Николаевскаго на разстояніи отъ 3 до 9 верстъ стоитъ восемь селеній, а именно: означенные Орловское, Красноярское, Вавилонское, Усть-Таловка, Рулевское, Озерки или Верхъ-Таловское и Половинное, населенное «молоканами» и стоящее на лѣвомъ берегу Убы выше Усть-Таловки версты на 2. А сѣвернѣе въ 9 верстахъ стоитъ еще громадное съ многотысячнымъ населеніемъ с. Шемонаиха. Такимъ образомъ с. Николаевское, являясь старожильческимъ, оказалось почти обезземеленнымъ въ самомъ началѣ земельнаго устройства. Что же будетъ дальше, когда всѣ селенья, а въ томъ числѣ и Николаевское возрастутъ населеніемъ?... И начальство, вѣдавшее нарѣзкой земли не только не учло густоту населенія, но и вырѣзало изъ надѣловъ Николаевцевъ самые лучшіе участки земли въ пользу Кабинета и сдаетъ ихъ въ аренду новоселамъ.

п. 26142.

IV.

Культурный центръ края—с. Шемонаиха.

На правомъ берегу Убы, выше устья верстъ на 60, расположено огромное, болѣе чѣмъ въ 800 лворовъ, село Шемонаевское съ каменной церковью, каменной больницей, большой школой, волостью, почтой и телеграфомъ, лѣсничимъ, приставомъ и прочей менѣе значительной сельской знатью.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

С. Шемонаевское—узелъ четырехъ большихъ дорогъ: на Семипалатинскъ, на Барнаулъ, на Устькаменогорскъ и на Бійскую казачью линію.

Широко раскинувшееся по двумъ упавшимъ въ Убу рѣчкамъ, это село состоитъ изъ цѣлаго лабиринта кривыхъ улицъ и переулковъ съ угрюмыми, старинной архитектуры, кривыми и высокими домами и съ непрерывной сѣтью обширныхъ бревенчатыхъ дворовъ и жердяныхъ пригоновъ. Село это основано въ концѣ XVII столѣтія, т. е. болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ и населено крѣпкимъ и суровымъ крестьянскимъ народомъ, именуемымъ здѣсь «поляками».

Неуклонно слѣдуя преданьямъ старины, крестьянство это почти два вѣка не мѣняло ни внутренняго уклада жизни, ни внѣшней оболочки и, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, было какъ бы застывшимъ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ суровой неподвижности.

Богатство добывалось трудолюбіемъ, духовныя потребности удовлетворялись церковью, отдыхъ находили въ праздничныхъ посидѣлкахъ на заваленкѣ и въ рѣдкихъ случаяхъ въ медовомъ домашнемъ пивѣ, послѣ третьяго стакана котораго не поднять руки для буянства; а высшее просвѣщеніе исчерпывалось мирнымъ чтеніемъ псалтыри. И вся иная жизнь проходила мимо, не нарушая ровнаго теченія спокойной жизни и лишь развѣ появленіе всесильныхъ самодуровъ—управителей, а позднѣе земскихъ засѣдателей вспугивали на время житейскую тишь, да и тѣ, въ концѣ концовъ, не оставляли замѣтныхъ слѣдовъ, ибо старые люди были крѣпки и къ кулаку и къ розгѣ, и оставались въ той же добродѣтельной патріархальности, въ которой и пребывали почти до нашихъ дней. Но наши дни, съ ихъ огромными событіями и всеобщимъ распадомъ, пошатнули и эту упругую неподвижность крѣпкаго крестьянства и Шемонаиха, дававшая тонъ многимъ окрестнымъ селамъ и изобиловавшая умными и духовно могучими патріархами, къ совѣту которыхъ прислушивались цѣлыя волости—надломилась въ самомъ корнѣ и среди мо-

лодежи вы немного теперь встрѣтите почитателей этой старины.

Вотъ сценка на паромѣ черезъ Убу.

Старый перевозчикъ съ длинной, пожелтѣвшей и спутанной бородой въ четыреугольной шапкѣ, рукавицахъ и сермягѣ, подпоясанной шерстяной опояской низко, у самыхъ бедеръ, стоитъ у рулевого весла.

Паромъ отправился отъ лѣваго берега на правый т. е. къ селу. На паромѣ, кромѣ насъ, земская подвода съ волостнымъ кандидатомъ, хохлацкая бричка, двѣ бочки съ дегтемъ, верховой старенькій киргизъ и нѣсколько молодыхъ бабъ съ тяжелыми снопами чесноку, который онѣ держали на головахъ комлями внизъ, какъ большія зеленыя короны. Загорѣлыя ноги въ низкихъ кожаныхъ башмакахъ безъ чулокъ, сарафаны высоко подтыканы, а изъ красныхъ фартуковъ сдѣланы кошельки. Въ ушахъ огромныя серебряныя серьги. Двое помощниковъ кормовщика: бородатый мужикъ и молодой парень кричатъ на дегтярей:

— Беритесь-ка за шесты!

Дегтяри и киргизъ угодливо хватаются за шесты, а молодой парень начинаетъ крутить папироску.

Старикъ брезгливо сплевываетъ:

— Тьфу! Ровно онъ безъ этой чертовой соски и не живъ прямо... Епишка брось!..—голосъ у старика круглый, большой, хорошо сохранившійся, и когда онъ говоритъ, длинная борода вся цѣликомъ откинулась на плечо и вздрагиваетъ. Голубые поблекшіе глаза смотрятъ умоляюще и грустно, но парень, свернувъ папироску и взявъ ее въ губы, самодовольно улыбается и лѣзетъ за пазуху за коробкой спичекъ...

— Епишка!..—кричитъ старикъ и будто порывается отъ кормы.

Парень уже закурилъ и легкій вѣтерокъ несетъ удушливый зеленоватый дымъ прямо въ лицо старику... Онъ плюется...

Бабы и бородатый помощникъ громко смѣются и кричатъ старику:

— Умирай ты скорѣй, а то прокоптятъ они тебя, внучатки-то... И въ рай не пустятъ копченаго-то...

Старикъ, умолкнувъ, отвертывается и начинаетъ въ отчаяніи сердито бить весломъ о голубыя убинскія волны, чтобы хоть на нихъ выместить свою тяжелую обиду...

И это одинъ изъ зажившихся патріарховъ старины, когда-то знатныхъ и сильныхъ. Парень его внукъ, а мужикъ—работникъ. Еще въ девяностыхъ годахъ старикъ этотъ пользовался большимъ вліяніемъ, служа много лѣтъ старшиной и будучи очень богатымъ... А теперь, на старости, долженъ грести весломъ и слушать горькія насмѣшки внука и работника.

Въ Шемонаихѣ есть нѣсколько большихъ торговыхъ лавокъ, а въ декабрѣ бываетъ ярмарка. Кромѣ того въ этомъ году закончена постройкой большая крупчатная мельница.

Всѣ жители исповѣданья единовѣрческаго и до сихъ поръ еще сохранилась незначительная кучка стариковъ, ревниво оберегающихъ старинность обрядовъ въ богослуженіи, и если они услышатъ, что священникъ въ чемъ либо ошибся или отступилъ отъ подлиннаго текста священнаго писанія, то они тутъ же въ церкви крикнутъ ему строго:

— Не такъ, батя, не такъ!—и священникъ долженъ въ ту же минуту поправиться.

Всѣ мужчины въ церкви становятся впереди, а женщины обязательно у порога и если здѣсь же становится какой либо неопытный богомолецъ—бабы энергично протолкаютъ его впередъ. Причемъ всѣ бабы и старухи въ церковь ходятъ въ тѣхъ самыхъ кичкахъ, въ которыхъ вѣнчаются. (Кичка—это головной уборъ въ видѣ кокошника древнерусской женщины). Дѣти становятся въ центрѣ храма передъ алтаремъ, а взрослые мужчины замыкаютъ ихъ полукругомъ, надзирая за ихъ поведеніемъ, при чемъ не считается предосудительнымъ, если здѣсь кто либо посторонній изъ стариковъ пощиплетъ за виски или за уши какого либо расшалившагося мальчугана.

Пѣніе въ церкви старинное и хоръ всегда случайный, изъ желающихъ, при чемъ, если запоетъ женщина, ей обязательно погрозятъ пальцемъ, т. к. пѣніе, видимо, составляетъ привилегію мужчинъ и мальчиковъ.

Для развлеченія молодежи въ длинные зимніе вечера устраиваются посидѣлки или вечерки. Это происходитъ такъ. Какая либо дѣвушка, выпрашиваетъ у матери или родственницы на одинъ вечеръ избу, въ которую приглашаетъ своихъ подругъ. Тѣ приходятъ, съ работой, преимущественно съ пряжей или шитьемъ и при тускломъ освѣщеніи сальнаго огарка или маленькой закопченой лампы прядутъ или шьютъ, сидя по лавкамъ, и поютъ пѣсни. Но дѣвахи еще до этого, какъ только узнали о посидѣлкахъ, сообщаютъ одному или двумъ изъ знакомыхъ парней, а то и просто ребята бродя вечеромъ по улицѣ, сами услышатъ пѣсни дѣвицъ и заходятъ безпрепятственно. Угощенія на такихъ посидѣлкахъ не бываетъ, развѣ какой либо парень дешевыхъ конфектъ или орѣховъ принесетъ. Чаще всего здѣсь происходитъ то, что на мѣстномъ языкѣ имѣетъ названіе «женихаются», т. е. парни сглядываютъ себѣ невѣстъ, а дѣвушки жениховъ.

Любопытны въ Шемонайхѣ лѣтнія игрища молодежи, происходящіе на полянкахъ, чаще всего у хлѣбозапаснаго магазина, а то и за селомъ на чистой открытой мѣстности. Въ Шемонаихѣ, гдѣ дѣвушекъ и парней насчитывается ежегодно по нѣсколько сотъ, такія полянки въ лѣтніе праздничные дни представляютъ изъ себя грандіозное зрѣлище по своей живой пестротѣ. Вся площадь усѣяна живыми движущимися красными, синими, зелеными, желтыми, голубыми и другими яркими цвѣтами.

И несмотря на очевидную некультурность и непоэтичность взаимныхъ отношеній молодежи, отъ нея все же брызжетъ силой и здоровьемъ и вѣетъ простымъ и прочнымъ смысломъ.

Къ труду Шемонаевцы относятся съ большой любовью, особенно къ труду на землѣ. Любопытно наблюдать лѣтомъ, выѣхавъ на любую изъ дорогъ, ведущихъ на покосы или

пашни, когда въ понедѣльникъ изъ Шемонаихи безпрерывной нитью бѣгутъ бойкія, сытыя пары лошадей, впряженныя въ крѣпкія простыя телѣги, усаженныя здоровыми полными смѣха и пѣсенъ мужчинами, женщинами, парнями и дѣвицами. И особенно характерно то, что почти всѣ молодожены ѣдутъ отдѣльно, на особой парѣ, сидя близко другъ къ другу рядомъ, при чемъ мужчины въ бѣлыхъ рубахѣ и штанахъ и въ войлочной шляпѣ лодочкой, а женщины въ красномъ сарафанѣ и обязательно съ какой либо работой въ рукахъ— вязанье, вышиванье или шитье. Это на случай ненастья, росы и всякаго вынужденнаго антракта въ полевой работѣ. По цѣлымъ недѣлямъ они не выѣзжая живутъ въ полѣ и всякая отдѣльная супружеская чета имѣетъ свою бѣлую холшевую палатку.

Шемонаевцы работать большіе мастера. Это выносливые, ловкіе и проворные косари и жнецы и ихъ бабы въ рѣдкихъ случаяхъ уступаютъ своимъ мужьямъ.

И если близко присмотрѣться къ жизни простого нетронутаго цивилизаціей, народа долины Убы, то можно увидѣть въ немъ столько своеобразной красоты и прелести, что не трудно полюбить его больше чѣмъ современную издерганную и выдохшуюся интеллигенцію, потерявшую пути къ истинной жизни и способную только ныть и нытьемъ своимъ отравлять все свѣтлое и яркое въ жизни...

Недаромъ же Л. Н. Толстой въ продолженіи своей большой жизненной дороги пытался насъ убѣдить въ этомъ и изъ затхлой атмосферы города звалъ на чистый воздухъ, въ просторное поле народной, простой жизни.—

Отъ Шемонаихи начинаются уже большіе горы. Такъ напротивъ села на лѣвомъ берегу возвышается огромная гора являющаяся угломъ цѣлой горной гряды ушедшей на юго-востокъ. А на востокѣ отъ села стоитъ, похожая на исполинскій саркофагъ гора Мохнатая, состоящая изъ сплошныхъ безжизненыхъ гранитныхъ утесовъ. Природа здѣсь уже становится нарядѣе.

На рѣкѣ Убѣ въ 14 верстахъ выше Шемонаихи, на лѣвомъ увалѣ, надъ такъ называемымъ Овчинниковымъ лугомъ имѣется небольшой заселокъ, состоящій изъ двухъ-трехъ десятковъ небольшихъ глинобитныхъ и частью деревянныхъ избъ. Здѣсь водворены переселившіеся лѣтъ 15 назадъ изъ Виленской губ. бѣлоруссы. Характерно воспоминаніе мѣстныхъ жителей о томъ, какъ первое время жили эти люди, не привыкшіе къ суровой сибирской природѣ. Пріѣхали они подъ осень большимъ обозомъ. Всѣ нарядные, въ пиджакахъ, узкихъ брюкахъ и лаковыхъ сапогахъ, хотя и въ посконныхъ рубашкахъ. На головахъ картузы и теплаго ничего не было. Сами высокіе, тонкіе и бѣлолицые. И вотъ всѣ эти люди должны были на спѣхъ вырыть въ землѣ въ яру увала темныя норы и жить въ нихъ всю зиму, еле умѣя добыть себѣ дровъ и хлѣба. Но интересно то, по замѣчанью сибиряковъ, что люди эти привезли съ собою свою южную жизнерадостнось, которая умерла въ нихъ только къ нашимъ днямъ. По крайней мѣрѣ въ первые годы въ ихъ земляныхъ норахъ подъ звуки гармоники и скрипки очень часто танцевались мазурки, краковьяки и польки всѣхъ сортовъ.

Теперь они акклиматизировались, погрубѣли и стали зажиточнѣе. Причемъ большинство дѣвушекъ вышло замужъ за сибиряковъ, а большинство парней женилось на сибирячкахъ и скоро отъ бѣлоруссовъ останется одно воспоминанье.

Въ шести верстахъ отъ заселка Овчинниковскаго есть старая очень типичная деревня Выдриха, въ которой еще лучше сохранилась старина средневѣковой Руси. Особые представители крестьянской патріархальности могли бы служить матеріаломъ не только для литератора, но и для художника. Это не просто крестьяне, это богатые, умные и умѣющіе сохранять свое достоинство бояре... Таковы—мѣстный крестьянинъ А. П. Фирсовъ, Степ. Ст. Солдатовъ, Сухоруковы, Санаровы и много другихъ... Послѣдніе годы, правда въ значительной степени подорвали ихъ авторитетъ въ глазахъ молодежи, но и теперь можно наблюдать семьи, гдѣ полновластнымъ главою является старшій членъ ея, передъ которымъ

всѣ преклоняются и воля его равняется волѣ свыше. Такъ у Фирсова два сына оба почти по европейски воспитаны, бываютъ въ Москвѣ и ведутъ крупныя торговыя дѣла своего отца, но во всемъ спрашиваются у своего отца, который грамотѣ научился послѣ 30 лѣтъ своего возраста и теперь грамотенъ и свѣдущъ настолько, что по своимъ судебнымъ дѣламъ съ крестьянами выступаетъ въ качествѣ собственнаго юрисконсульта и не бездолжной эрудиціи.

Когда онъ былъ старшиною, то часто составлялъ бумаги на имя высшаго начальства, къ которому, кстати сказать, относится и до сихъ поръ очень почтительно и оно всегда находитъ въ его обширномъ домѣ радушный и умѣлый пріемъ. Его жена и снохи носятъ сарафаны, и вообще режимъ въ его домѣ таковъ, что когда одна изъ его снохъ пала жертвой соблазна въ отсутствіи своего мужа, бывшаго въ солдатахъ, то должна была искупить свой грѣхъ тѣмъ, что наложила на себя руки... Но мы не ставимъ такую патріархальность, какъ образецъ крестьянскаго семейнаго уклада, а напротивъ, какъ исключеніе, ибо А. П. Фирсовъ богатей не отъ трудовъ своихъ, а отъ чисто промышленныхъ торговыхъ оборотовъ, что несомнѣнно стоитъ въ связи съ неизбѣжной эксплуатаціей мѣстнаго населенія, среди котораго А. П. хотя и пользуется почетомъ, но не пользуется любовью.

Другой патріархъ С. С. Солдатовъ является сватомъ Фирсова и отличается своей скупостью и замкнутостью. Многіе свои десятки тысячъ онъ хранитъ гдѣ то въ подземельяхъ, а своимъ женѣ и снохамъ сарафаны и рубашки къ празднику выдаетъ изъ-подъ замка и своеручно. Деньги свои онъ нажилъ хлѣбными операціями въ старые годы, сплавляя хлѣбъ на сотняхъ плотовъ въ Семипалатинскъ и Омскъ.

Какъ и Фирсовъ старикъ этотъ необычайнаго ума, но въ противоположность прямому и громогласному Фирсову, онъ тихъ, молчаливъ и скрытенъ. Его умъ остръ и немного сатириченъ, такъ что многія его остроты и изреченья вошли въ пословицу.

Какъ на болѣе типичныхъ патріарховъ можно указать на тѣхъ изъ главъ семействъ, которыя занимаются исключительно земледѣльческимъ трудомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Вся семья у такихъ патріарховъ находится въ безпрерывномъ трудѣ, какъ и самъ патріархъ, за то безъ ущерба ближнему, люди эти живутъ въ полномъ достаткѣ и независимости. Одинъ изъ такихъ патріарховъ также былъ старшиною и нѣкій администраторъ попыталъ было попробовать на немъ силу своихъ кулаковъ. Патріархъ не отвелъ «высокоблагороднаго» кулака, но принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться справедливости и добился. Высокое благородіе было свергнуто съ высокой должности. И вообще, если всмотрѣться въ недавнее прошлое убинскихъ старожиловъ, то все, что лучшаго въ немъ было—это патріархальность, охранявшая не только вѣру и чистоту нравовъ, но и человѣческое достоинство. Этихъ людей не легко было превратить въ безропотныхъ и безличныхъ рабовъ. Это были люди съ большой человѣческой душею и мягкимъ, отзывчивымъ къ ближнему сердцемъ. Всякаго незнакомаго странника сами позовутъ, накормятъ, обогрѣютъ и вымоютъ въ банѣ. Выругаться нехорошимъ словомъ, поѣсть молока въ пятницу, ослушаться старшаго—было рѣдкимъ и большимъ грѣхомъ, и оттого дѣти до 20 лѣтъ были цѣломудренны, а семейныя отношенья освѣщались согласіемъ, взаимнымъ уваженіемъ и мирнымъ трудолюбіемъ...

Выше д. Выдрихи, на правомъ берегу Убы есть большое село Большая Рѣчка гдѣ, имѣется три церкви: православная, единовѣрческая и австрійская. Народъ здѣсь больше всего напоминаетъ красноярскій и убинскій (с. Убинскаго) и въ значительной степени отличается отъ шемонаевцевъ и особенно выдрихинцевъ, какъ по костюму, такъ и по общей картинѣ нравовъ. Въ общемъ, конечно, это однѣ и тѣ же «поляки» вышедшіе изъ предѣловъ Польши, гдѣ они скрывались отъ преслѣдованія Петра Великаго за старую вѣру, но видоизмѣнившіеся по разнымъ причинамъ мѣстнаго происхожденія, въ недавнемъ прошломъ.

А еще выше верстъ на 12 на лѣвомъ берегу Убы распо-

ложено огромное и самое верхнее въ низовьяхъ Убы село Верхъ-Убинское или Лосиха, въ обшемъ отъ устья рѣки отстоящее въ ста верстахъ. Это село является главнѣйшимъ пунктомъ убинскаго старообрядчества т. к. здѣсь сосредоточены всѣ многочисленныя толки и секты русскихъ раскольниковъ. Здѣсь насчитывается до пяти тысячъ жителей, есть три церкви, волость, цѣлая площадь лавокъ, бываетъ ярмарка и есть каменные магазины. О жителяхъ Лосихи мы скажемъ болѣе подробно ниже.

V.

Страничка старины.

Въ с. Лосихѣ, вмѣсто существующей теперь Владимірской волости, раньше было Крутоберезовское волостное правленіе, а еще раньше именно въ концѣ 18 столѣтія была Крутоберезовская земская изба, подчиненная управлявшей тогда всѣмъ горнымъ Алтаемъ канцеляріи Колывано—Воскресенскаго горнаго начальства. При архивѣ волостного правленія и до нашихъ дней сохранились любопытные документы древняго дѣлопроизводства, среди которыхъ имѣются даже рапорты сельскихъ властей, писанные на берестѣ. Нѣкоторыя бумаги конца XVIII вѣка и начала XIX намъ удалось достать въ подлинникѣ. Это списокъ съ манифеста императора Павла I о бракосочетаніи дочери его великой княгини Александры Павловны, списокъ съ манифеста императора Александра Благословеннаго о созывѣ войскъ на отечественную войну 1812 года, указы отъ Колывано—Воскресенскаго горнаго начальства, приказы земскихъ управителей и рапорты сельскихъ старшинъ. Документы эти любопытны, какъ по ихъ содержанію, а также и какъ памятникъ старинной каллиграфіи; что же касается ихъ слога и языка, то современныя казенныя канцеляріи едва ли ушли отъ нихъ въ своемъ прогрессѣ, хотя и пишутъ уже посредствомъ Ремингтона. Я приведу тексты лишь трехъ такихъ бумагъ, больше всего характеризующихъ духъ стараго времени.

Приказъ. Въ Круто-березовское волостное Правленіе.

Господинъ маіоръ Голенишевъ-Кутузовъ рапортомъ по таковому жъ къ нему редута Плоскова отъ казацкаго пятидесятника Коломнина доноситъ, что изъ того редута отпущенные до деревни Старо-Алейской казаки Максимъ Даниловъ и Исакъ Карповъ, гдѣ они прежде жительство имѣли, для забранья хлѣба и своего собственнаго экипажа на срокъ не явились, почему посыланъ былъ нарочный казакъ, коему Староалейской деревни жители объявили, что тѣ казаки отправились на двухъ лошадяхъ въ одной телѣгѣ въ деревню Плосскую, потомъ на редутъ Плосской не бывали, а лошади ихъ нашлись пониже деревни Екатерининской по теченію на правой сторонѣ Алея и по объявленію перевозчиковъ—крестьянъ, что того жъ числа съ перевозу украдена одна лодка, а потому видно, что тѣ казаки бѣжали. Примѣтами жъ оные, Даниловъ: двухъ аршинъ семи вершковъ, лицомъ бѣлъ, волосы и брови русые, голова клиномъ, на лѣвой ногѣ рубецъ. Карповъ ростомъ двухъ аршинъ пяти вершковъ, лицомъ смуглъ, глаза каріе, волосы и брови темнорусые, на лѣвомъ боку бѣлое пятно. На нихъ одежды: на первомъ армякъ, шуба поношенная, опояска шерстяная, шляпа, черки, чулки шерстяные; на второмъ шапка верверетовая круглая, армякъ, шуба поношенная, опояска шерстяная, сапоги. Съ собою снесли ружье, винтовокъ двѣ, дробовикъ одинъ, двѣ сумы съ сухарями, которыя по многомуйску нигдѣ не найдены. Для того Крутоберезовское Волостное Правленіе имѣетъ о присматриваніи и о поймѣ веденія своего жителямъ распубликовать и ежели гдѣ найдутся, оныхъ забить въ крѣпкія колодки и за стражею прислать въ крѣпость Устькаменогорскую. Генералъ маіоръ—(подпись неразборчива) мая 27 дня 1799 года № 167 г.—Устькаменогорской.

Это такъ сказать старинное удостовѣреніе того, какъ раньше убѣгали. А убѣгали сплошь да рядомъ и убѣгали надо думать не отъ сладкой жизни.

А вотъ второй памятникъ старины.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Все-

россійскаго изъ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства Крутоберезовскому волостному правленію.

Сообщеніемъ Тобольское губернское правленіе д. 3 числа минувшаго мая с. г. знать даетъ, что состоящая на крестьянинѣ Тихонѣ Іевлевѣ недоимка по указу правительствующаго сената изъ 1-го департамента д. 6 мая 1798 года *сложена*. А по справкѣ оказалось онаго крестьянина Іовлева вслѣдствіе требованія его черезъ управителя Крутоберезовскимъ волостнымъ правленіемъ къ высылкѣ въ свое жительство по случаю накопившейся на немъ немалой казенной недоимки и къ справленію съ прочими крестьянами наряду заводской работы посланы къ управляющему въ Барнаулѣ благочиніемъ г. Маіору Зубареву и Крутоберезовскому волостному правленію указами велѣно: Зубареву Іевлева отослать при врачебномъ письменномъ видѣ за обывательскою стражею въ оное волостное правленіе, на что онъ г. Зубаревъ донесъ, что крестьянинъ Іевлевъ въ волостное правленіе 2. числа марта сего года высланъ, а волостному правленію при присылкѣ того Іевлева въ неотлучкѣ изъ своего жительства отдать на вѣрное поручительство или волостному правленію имѣть за нимъ присмотръ и кромѣ исправленія заводскихъ работъ никуда не отпускать, при чемъ стараться взыскивать съ него не только Государственныя подати и исправленіе заводскихъ работъ, но и въ число состоящей на немъ по *винному содержанію* недоимки, сколько возможно будетъ въ годъ, однако жъ не менѣе 24 руб. (Предполагается ассигнаціями: рубль считался около 35 коп.—сумма франц. франка) и отсылать тѣ деньги къ записѣ въ приходъ въ уѣздное казначейство. Канцелярія горнаго начальства приказала: о вышепрописанномъ оному Крутоберезовскому волостному правленію дать знать указомъ. Іюня 17 дня 1799 года. Иванъ Алексѣевъ. Секретарь Василій Протопоповъ. Канцеляристъ Семенъ Черчебинъ. № 4974».

Итакъ правительствующій сенатъ недоимку съ Іевлева сложилъ, а канцелярія, изъ которой почему то повелѣваютъ указомъ Его Величества, приказываетъ взыскивать съ Іевлева не только недоимки, но и работы и налоги «по винному со-

держанію» и сверхъ всего никуда его не отпускать, кромѣ какъ на заводскія работы.

Приведу еще одну бумагу изъ архива, которая характеризуетъ старое время съ совершенно иной стороны, т. е. время, когда и урядниковъ за ихъ непристойность простые старосты заколачивали въ крѣпкія колодки и представляли куда слѣдуетъ... (Мы объ этомъ мечтать уже не можемъ).

«Въ Крутоберезовское волостное правленіе деревни Большерѣченской отъ старшинъ Травникова и Кирьянова. Рапортъ. Урядникъ Петръ Груздевъ, напившись пьянъ, который на лошади ѣздитъ и всякаго ругаетъ. и меня старшину и замахивается на каждова плетью и на старшину замахивался и отставного Федора Яркова также всячески ругалъ и называлъ меня прохвостомъ, а именно за то, что я не пустилъ со скотиною въ селеніе и всю сходку и старшину обзывалъ всѣхъ ворами. При семъ урядникъ Груздевъ за буйство въ колодкѣ представляется. Сентября 5 дня 1812 года. Сельская приложена (печать)».

Но это въ своемъ родѣ исключеніе, да и урядникъ Груздевъ, вѣроятно, совсѣмъ иного типа, нежели современные его коллеги. Больше же всего бумагъ въ Крутоберезовскомъ архивѣ, такъ сказать розыскного характера... Ищутъ подати, ищутъ бѣглыхъ, ищутъ для отбыванія тѣлеснаго наказанія розгами и шпицрутенами, ищутъ отступниковъ отъ православной вѣры и ищутъ бродягъ и колодниковъ.

Недостатокъ времени не далъ намъ возможности глубже и продолжительнѣе погрузиться въ Крутоберезовскій архивъ, въ которомъ можно достать очень богатый историческій матеріалъ.

Словомъ всѣ эти крѣпкія столѣтнія бумаги знакомятъ насъ съ тѣмъ желѣзнымъ режимомъ, который когда то безпощадно давилъ обитателей Убы: заколачивалъ въ крѣпкія колодки, обращалъ въ бѣгство, принуждалъ къ каторжной работѣ. И неудивительно поэтому, что верховья Убы съ ихъ

дремучими лѣсами, тѣснинами и глушью являлись лучшимъ убѣжищемъ безчисленныхъ бѣглецовъ.

Вотъ эти то бѣглецы: отъ наказанья, отъ тяжкаго ярма, отъ платежа непосильныхъ податей и отъ всевозможныхъ притѣсненій и гоненій за вѣру и были первыми обитателями верховьевъ рѣки Убы.

Относительно охраненія православія и тогда еще были особыя духовныя учрежденія, что мы усматриваемъ изъ бумагъ того же архива. Такъ напримѣръ земскій управитель Ахвердовъ отъ 31 января 1799 г. за № 166 приказываетъ Крутоберезовскому волостному правленію:

«Препровождая при семъ въ оное правленіе два семипалатинскаго духовнаго десято—начальства сообщенія, предписываю немедленно произвесть по онымъ на законномъ основаніи слѣдствіе, которое и съ сими бумагами по окончаніи представить мнѣ».

Это значитъ, что нѣкое духовное десято—начальство производило бдительный сыскъ надъ убинцами въ ихъ религіозныхъ исканіяхъ и преслѣдовало на законномъ основаніи.

На основаніи же другихъ преданій былъ въ началѣ 19 вѣка слѣдующій случай:

Въ верховья Убы для розыска нѣкоторыхъ бѣжавшихъ преступниковъ былъ высланъ военный отрядъ. Отрядъ этотъ вернулся въ Лосиху съ доброй сотней разныхъ обитателей верховьевъ Убы. Большинство изъ нихъ не были ни въ чемъ виновны, кромѣ неплатежа податей и жили въ лѣсу изъ страха передъ начальствомъ. Но всѣхъ ихъ отдали подъ судъ, какъ бѣглыхъ бродягъ и посадили въ Устькаменогорскій острогъ. Тогда вступились двѣ деревни Лосиха и Малая Убинка и стали хлопотать о выдачѣ подсудимыхъ имъ на порученіе. Хлопотали долго и при большомъ расходѣ. Наконецъ добились, что всѣ арестованные имъ были выданы. И вотъ всѣ эти взятые на поруки убинцы стали поочередно «умирать». Въ теченіе почти 3-хъ мѣсяцевъ они всѣ около ста человѣкъ,

«умерли и похоронены» т. е. другими словами, снова ушли въ верховья Убы подъ новыми именами и фамиліями, хотя всѣмъ имъ торжественно и были справлены поминки.....

Имена и фамиліи они давали себѣ сами путемъ самокрещенія. А крестили себя просто: раздѣнутся и съ молитвой погрузятся въ воду р. Убы, одѣнутъ чистое бѣлье и назовутъ себя по святцамъ новымъ именемъ. Отсюда произошли такъ называемые «самокресты», которые значительное время и населяли р. Убу въ верхнемъ ея теченьи.

VI.

Убинскіе старовѣры вообще и поморское законобрачное согласіе въ частности.

Появленіе на Убѣ русскихъ раскольниковъ имѣетъ свою обширную и интересную исторію, о которой мы скажемъ въ другой работѣ. Въ настоящемъ же очеркѣ мы остановимся на краткомъ ознакомленіи читателя съ старовѣрами на Убѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ послѣднее время и въ которомъ находятся теперь.

Послѣ завоеванія Польши, гдѣ они скрывались отъ преслѣдованія русскихъ властей ихъ сотнями семей выслали въ Сибирь, и часть этихъ то «поляковъ» или, по забайкальскому, «семейскихъ» поселилась въ глухихъ и потаенныхъ уголкахъ Алтая, въ томъ числѣ и на рѣкѣ Убѣ, долина которой привлекла ихъ красотой природы и богатствомъ почвы.

Въ данное время на Убѣ есть слѣдующіе сектанты: единовѣрцы, австрійцы, стариковцы (они же бѣглопоповцы), федосѣевцы, спасовщики или нѣтовцы, самокресты, оховцы или воздыханцы, однопоклонники или дырники и наконецъ поморцы. Мы кратко укажемъ на главныя отличія этихъ толковъ между собой.

Австрійцы, приближаются къ единовѣрію, ибо признаютъ священство, но въ отличіе отъ единовѣрія священство это

ставитъ свое, руководствуясь правилами такъ называемой Бѣлокриницкой іерархіи.

Единовѣрцы же отъ православныхъ отличаются лишь сохраненіемъ дониконіанскаго текста въ служебныхъ книгахъ, придерживаются двуперстнаго креста и старинныхъ обрядовъ въ богослуженьи и пѣніи.

Стариковцы сами себя характеризуютъ такъ: «Мы никуда не пошедши», т. е. обходятся безъ поповъ, при посредствѣ своихъ стариковъ или дьяковъ въ большинствѣ случаевъ грамотныхъ и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. Однако они же приглашаютъ къ себѣ бѣглыхъ или растриженныхъ поповъ, которыхъ предварительно обязываютъ проклясть «никоніанскія ереси». Эти попы иногда наѣзжаютъ и служатъ, а также снабжаютъ стариковъ св. дарами, которыми тѣ пользуются иногда по десятку лѣтъ, сохраняя ихъ на сухарикахъ или разводя медомъ. Поэтому то, стариковцы называются и бѣглопоповцами.

Федосѣевцы—это тѣ же поморцы, но секта эта учреждена старцемъ Федосѣемъ Васильевичемъ еще въ концѣ XVII вѣка, когда онъ бѣжалъ отъ Петровскихъ строгостей въ Польшу Эта секта не признаетъ священства, пока не будетъ учреждена іерархія по книгамъ и обрядамъ древняго христіанства, по этому временно оно обходится какъ и *поморцы,* своими стариками. На отличіе поморцевъ заключается въ томъ, что они признаютъ законность брака а федосѣевцы допускаютъ бракъ подъ условіемъ епитимьи и всю жизнь женщину замужнюю считаютъ блудной дѣвицей, такъ какъ по завѣтамъ Федосѣя Васильевича сыны его секты могутъ спастись лишь безбрачными, а если допускаютъ бракъ, то это уже блудъ, несущій съ собою наказанье.

Поморцы—это слѣдовательно тоже что федосѣевцы, но они считаютъ фактъ пришествія Антихриста совершившимся и строго отграничиваютъ себя отъ всѣхъ новшествъ, признавая ихъ еретичествомъ сквернымъ. Называются они поморцами потому, что основали свою секту на сѣверномъ поморьѣ, въ Выговской пустыни.

Спасовщики—говорятъ, что нужно молиться и каяться одному Спасу безъ всякихъ свидѣтелей и посредниковъ. А такъ какъ многіе изъ нихъ не признаютъ ничего и никого, кромѣ Бога, то ихъ называютъ и нѣтовцами, хотя есть версія, что нѣтовцы, кромѣ того, отвергаютъ всякую необходимость спорить изъ за вѣры.

Самокресты. Это такая секта, которая не признаетъ иного крещенья, какъ крещенья по разумѣнью, т. е. взрослыми, когда крестящійся самъ можетъ разбираться, какая вѣра по его мнѣнію болѣе истинна. Крестятся эти раскольники собственноручно съ молитвой по псалтырю и съ именемъ по святцамъ.

Оховцы, или воздыханцы,—это люди, сознающіе грѣховность жизни своей и предпочитающіе, вмѣсто молитвъ и обрядовъ, всегда помнить и вздыхать о грѣхахъ своихъ.

Однопоклонники. Это люди, не признающіе никакого предметнаго божества, кромѣ божества внѣ времени и пространства. Поэтому они поклоняются одному Богу и обязательно подъ открытымъ небомъ, кланяясь на востокъ. А когда молятся въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, то открываютъ какое либо спеціально устроенное отверстіе. Отсюда и называютъ ихъ «дырниками».

Была на Убѣ еще такъ называемая «бѣлоногая вѣра». Это вотъ что значитъ: пріѣзжалъ въ 60-хъ годахъ въ Сибирь подъ строгимъ инкогнито бѣглый раскольникъ архіерей, который вездѣ отправлялъ службу съ омовеніемъ ногъ, т. е. держалъ ноги бѣлыми и кто послѣдовалъ ему, того и называли «бѣлоногимъ».

Когда приходится встрѣчать эти иногда курьезныя названія, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что, въ силу постоянныхъ религіозныхъ споровъ, сектанты часто острятъ другъ надъ другомъ и названія «оховцы», нѣтовцы», «дырники», «бѣлоножки» и др. даютъ не сами себѣ, а другъ другу, стараясь этимъ уязвить противника.

Обиліе вѣрованій, съ одной стороны, и потеря главныхъ руководителей и патріарховъ, которыхъ разными администра-

тивными мѣрами устраняли съ Убы—съ другой, способствовали еще большимъ спорамъ и дробленіямъ, и среди раскольниковъ получилось замѣшательство. Они чаще стали спорить и сомнѣваться, чаще переходить изъ вѣры въ вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивать прежнюю аскетическую стойкость и подвижничество.

Но искра исканія истины не гасла у старовѣровъ, и одинъ изъ наиболѣе твердыхъ и предпріимчивыхъ раскольниковъ, житель верхъ-убинскихъ дебрей—Иванъ Федотычъ Егоровъ, будучи уже 50-лѣтнимъ старикомъ, посылаетъ своего старшаго сыиа, 20 лѣтняго юношу Нифантія, въ далекую сторону въ Сибирскую тайгу, гдѣ должны скрываться истинные раскольники, найти истинную вѣру Христову.

Было это въ 80-хъ годахъ, когда и отсутствіе путей сообщенія въ Сибири и гоненіе на старовѣровъ требовали отъ юнаго искателя вѣры большой находчивости и самостоятельности.

Нифантъ отправляется въ путешествіе, какъ и другіе странники «Бога ради» и долгое время пропадаетъ безъ вѣсти, странствуя по глухимъ угламъ Томской тайги.

Наконецъ, гдѣ то на рѣкѣ Яѣ онъ знакомится съ старообрядческимъ семействомъ поморцевъ Нифантовыхъ. Здѣсь онъ долгое время живетъ, присматривается къ ихъ обычаямъ и религіи и находитъ, что это то самое, зачѣмъ послалъ его отецъ. Вполнѣ усвоившій всѣ мотивы и запасшійся книгами, онъ однако не принимаетъ сразу новую вѣру, но возвращается въ убинскіе лѣса къ отцу, котораго и знакомитъ детально съ святымъ богажемъ, вынесеннымъ изъ путешествія.

Старикъ отецъ, пораженный откровеніемъ, въ тотъ же мѣсяцъ шлетъ всѣхъ своихъ сыновей, тогда еще молодыхъ, въ разные концы Убы и даже на р. Алей съ вѣстью, чтобы всѣ старообрядцы, желающіе объединиться въ истинной вѣрѣ, собирались въ с. Бобровское, гдѣ въ то время жили самые крѣпкіе старовѣры и было ихъ больше, чѣмъ въ Лосихѣ. И вотъ на завтра со всѣхъ концовъ Убы и Алея верхами мчатся угрюмые сѣдобородые христіане, причемъ изъ одной толь-

ко Гилевой, что на Алеѣ, выѣхало около шестидесяти всадниковъ и проѣхало больше ста верстъ въ одну ночь.

Представьте себѣ, что гдѣ-то въ угрюмой и дикой странѣ, по горнымъ тропамъ темной ночью во весь опоръ мчится больше ста верстъ эта кавалькада въ шестьдесятъ стариковъ—витязей, въ зипунахъ и рукавицахъ, на самолучшихъ взмыленныхъ коняхъ затѣмъ, чтобы провѣрить, а можетъ быть и отстоять свою духовную правду....

Но первый духовный соборъ въ с. Бобровкѣ не пріемлетъ новую вѣру Егорова. И послѣ шумной бесѣды, продолжавшейся около двухъ дней, всѣ разъѣзжаются, не сдавшись.

Но не успокоившійся Егоровъ вскорѣ собираетъ второй соборъ въ Лосихѣ, но и здѣсь, благодаря огромному вліянію мѣстнаго дьяка Федосѣевскаго согласія, многіе изъ сомнѣвающихся примыкаютъ къ федосѣевцамъ, а вѣра Егорова опять остается не пріемлемой. Тогда молодой начетчикъ Нифантій Егоровъ разъясняетъ отцу, что федосѣевцы должны быть безбрачными, тогда какъ лосевскіе федосѣевцы всѣ женятся. Это вдохновляетъ старика Егорова организовать третій соборъ, который онъ и устраиваетъ уже въ д. Гилевой, на берегу Алея. Но и здѣсь послѣ долгихъ религіозныхъ споровъ старикъ Егоровъ долженъ былъ убѣдиться, что его предложеніе не пройдетъ. Тогда онъ при тысячномъ стеченіи народа единолично и собственноручно крестится въ р. Алеѣ и первый принимаетъ ту вѣру, которую вывезъ его сынъ съ р. Яи.

Это и было первое на Убѣ принятіе исповѣданія такъ наз. поморскаго законобрачнаго согласія. Но старикъ Егоровъ долгое время является одинокимъ въ своей вѣрѣ и даже члены его семьи и сынъ Нифантій не рѣшаются принять новую вѣру. Старикъ отдѣльно пьетъ и ѣстъ, отдѣльно молится и черезъ годъ полнаго аскетизма побѣждаетъ. Сначала крестятся его дѣти, затѣмъ нѣкоторые сосѣди, позже начинаютъ у него креститься лосевцы, пріѣзжая къ нему, какъ къ первосвященнику, десятками.

А къ разсматриваемому нами времени поморское законо-

брачное согласіе является преобладающимъ уже во всемъ верховьи Убы и всѣ остальныя секты совершенно теряются среди поморцевъ, исключая конечно нижне-убинскихъ австрійцевъ и стариковцевъ, живущихъ въ сторонѣ отъ Убы. Поморцы неустанные дѣятели, непримиримые спорщики, и широкая проповѣдь ихъ является одной изъ главныхъ чертъ ихъ жизни. Кромѣ того, это удивительно впечатлительный, подвижной и до хитрости смѣтливый народъ.

Теперь поморское согласіе является главенствующимъ и по соціальному, вѣрнѣе экономическому, значенію для лосевцевъ и верхубинцевъ. Это понятно вотъ почему. Теперь почти всѣ богатые крестьяне перешли въ поморство и имѣть дѣло съ ними не поморцамъ въ большинствѣ случаевъ не только не удобно, но и немыслимо. Въ бракъ съ поморкой не вступишь, пока не примешь поморства самъ, точно также и не выдашь своей дочери за поморца, не превративъ ея въ поморку. Дальше: всѣ поморцы имѣютъ огромныя пасѣки, скотоводство и другія отрасли хозяйства. Сношенія съ ними на этой почвѣ не поморцамъ крайне затруднительны, точно также и въ отношеніи общественныхъ интересовъ поморцы, благодаря своей сплоченности, всегда возьмутъ перевѣсъ, а потому большинство не поморцевъ идетъ въ ихъ вѣру изъ чисто экономическихъ выгодъ. Вотъ почему слѣдовательно и главари поморства всячески содѣйствуютъ укрѣпленію своей вѣры и пріобщенію къ ней большаго количества прихожанъ, и дѣйствительно среди поморцевъ очень трудно найти бѣдняка.

Подъ условіемъ не проходить впередъ и не молиться, мнѣ удалось попасть на богослуженіе поморцевъ въ ихъ молитвенный домъ въ с. Лосихѣ, почему я считаю нужнымъ подѣлиться и этими впечатлѣніями. Вообще для лучшей характеристики нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ убинскихъ старообрядцевъ, я приведу нѣсколько краткихъ штриховъ.

Лосевскій молитвенный домъ—снаружи имѣетъ видъ обыкновенной раскрашенной деревенской церкви съ колокольней наверху, съ оградой вокругъ и съ тремя главами. Внутри же имѣетъ форму большого четырехугольнаго и продолговатаго

зала съ гладкимъ потолкомъ, съ некрашенными стѣнами и безъ алтаря. Иконостасъ представляетъ собою нѣсколько ярусовъ, поставленныхъ врядъ старинныхъ иконъ на передней стѣнѣ. Передъ каждою иконой горитъ свѣчка домашней работы изъ желтаго «яраго» воска, а передъ амвономъ люстра въ 9 свѣчей. Всюду въ молитвенномъ домѣ поставлены скамьи, табуреты и лавки. Когда я вошелъ, сопровождаемый острыми взглядами старовѣровъ, служба еще не начиналась. Всѣ сидѣли на скамьяхъ, а дѣти на амвонѣ, спиною къ иконостасу. Молодой дьякъ стоялъ у аналоя и нараспѣвъ читалъ евангеліе. Слушали всѣ, хотя нѣкоторые, увидѣвъ меня, стали перешептываться.

Кончилось чтеніе, и старшій дьякъ, одѣтый просто въ черную поддевку изъ нанбука, вошелъ на амвонъ и, перекрестившись двуперстно, замеръ въ неподвижной позѣ.

Всѣ зашевелились, встали съ мѣстъ и стали класть «начало». «Начало» кладутъ передъ всякой продолжительной молитвой. Всѣ вразъ перекрестятся и трижды поклонятся въ землю, каждый вслухъ произнося краткую молитву. Отъ общихъ поклоновъ и общей молитвы вслухъ, на минуту водворяется глухой шумъ, будто ворвалась буря. Затѣмъ тотчасъ же, какъ по одному мановенію, все смолкаетъ, и всѣ какъ по командѣ, замираютъ въ неподвижной позѣ, поджавъ кисти рукъ подъ мышки и смотря на иконы. Всѣ женщины, стоящія слѣва позади, одѣты въ черныя юбки и платки, повязанные по русски, а всѣ мужчины приходятъ въ церковь въ черныхъ длинныхъ поддевкахъ, глухо застегнутыхъ на груди, и въ черныхъ же бутылахъ, подвязанныхъ ниже колѣнъ. По приходѣ въ молитвенный домъ, молящійся широко крестится, съ размаху дѣлаетъ поясной поклонъ, затѣмъ достаетъ изъ кармана четырехугольную, сшитую изъ цвѣтной матеріи подушечку, бросаетъ ее на полъ и отдаетъ земной поклонъ, опираясь на нее. Затѣмъ встанетъ, повернется лицомъ къ входу и на три стороны поклонится всѣмъ моляшимся. Эти подушечки въ изобиліи висятъ на стѣнахъ вмѣстѣ съ шапками и лежатъ на скамьяхъ для желаю-

ихъ. Характерно еще, что и дѣти отъ 6 до 12 лѣтъ, иногда босыя, безъ шапокъ на совершенно кремовыхъ головахъ, но въ черныхъ поддевкахъ, также съ размаху кланяются сначала иконамъ, и взявъ кисти рукъ подъ мышки, замираютъ въ неподвижной позѣ, поставивъ ноги пятками врядъ. Въ отдѣльности никто не молится: всѣ въ одно мгновеніе, смотря на дьяка. Пѣніе старинное, болѣзненно-ноющее и обязательно надтреснутыми, какъ-бы дребезжащими голосами, производимыми скорѣе носомъ, нежели горломъ. Слушая это пѣніе, невольно уносишься въ первые вѣка христіанства, когда, гонимые язычествомъ, христіане пѣли гдѣ либо въ подземельяхъ, въ пещерахъ и когда, наряду съ славословіемъ Бога, они не могли не выразить въ голосѣ своихъ мученическихъ страданій и скорби.

По окончаніи службы всѣ садятся на скамьи, начинаютъ разговаривать и уходятъ лишь нѣкоторые, но большинство ожидаетъ здѣсь же собесѣдованья, иногда на общественныя темы, но больше на религіозныя. Въ это время ко мнѣ поочереди подошли нѣсколько старовѣровъ съ вопросами: что я за человѣкъ? Когда я объяснилъ, не скрывая своей цѣли, тогда они поинтересовались моей вѣрой. И вотъ каждый изъ нихъ, получивъ отвѣтъ, что я православный, т. е. никоніанинъ, быстро отходилъ отъ меня и начиналъ торопливо молиться и кланяться.

Я приведу одинъ изъ отрывковъ междумолитвеннаго собесѣдованія.

Старшій дьякъ беретъ евангеліе, садится на простую тяжелую скамью и нараспѣвъ начинаетъ читать его, то и дѣло разъясняя слушателямъ текстъ, напримѣръ:

—*Текстъ*: «иже возлюбитъ отца или матерь свою паче Мене—нѣсть Мене достоинъ!»

Комментарій дьяка:—Ишь вотъ Онъ что говоритъ, Господь-то. Значитъ, примѣрно, отецъ али мать совѣтуетъ тебѣ перемѣнить истинную вѣру—отшатись отъ нихъ, прійди къ Господу Богу... Значитъ ради истинной вѣры, даже отца и матери не слушаться Онъ дозволяетъ.

Слушатели жадно ловятъ каждое слово и какъ бы въ назиданье кому-то, оглядываясь назадъ, даютъ слѣдующія реплики:

—Гм... Ишь вотъ оно какъ!

—Да, вотъ Онь значитъ Господь-то!..

—Ну такъ вѣдь оно не зря и сказано...

—На вотъ! На то и святое писанье!..

А на одной изъ среднихъ скамей сидитъ огромный мужикъ съ большой сѣдой бородой и совсѣмъ еще молодымъ лицомъ. задернутый носъ котораго придаетъ ему выраженье веселости и задора и громаднымъ басомъ говоритъ:

—Вотъ я и говорю Семену Прокопьевичу-то... австріякъ вѣдь онъ—пошто же молъ ты не идешь къ намъ? А онъ и молвитъ мнѣ: крѣпко-то крѣпко вы молитесь, спаси васъ Богъ, а все таки, говоритъ, бросить свою боязно, потому-говоритъ — родители такъ молились! «А оно ишь вотъ чё сказано!»

А дьякъ продолжаетъ:

«Иже возлюбитъ братъ или дщерь свою паче Мене—нѣсть Мене достоинъ!»

А большой мужчина опять поддакиваетъ:

—Да-а! Значитъ отъ всѣхъ сродственниковъ?.

И дьякъ поверхъ очковъ побѣдоносно оглядываетъ присутствующихъ, пока сказанныя слова не произведутъ должнаго эффекта.

Послѣ собесѣдованія начинается служба часовъ, во время которыхъ дьякъ скромно и тихо даетъ возгласы и изъ особой кадильницы съ ручкой производитъ кажденіе. Кадитъ онъ каждую икону правой рукой крестообразно, причемъ передъ каждой иконой отдѣльно крестится, а затѣмъ кадитъ молящихся, которые въ это время подставляютъ пригоршни.

По окончаніи часовъ я просилъ показать мнѣ находящуюся въ церковной оградѣ старообрядческую школу, только что выстроенную, но не отдѣланную, въ которой обучаютъ по

псалтири и по старинкѣ, давая школьникамъ указку. Старовѣры согласились, но послѣ осмотра мною школы произошелъ маленькій инцидентъ. Меня окружила большая толпа мужчинъ и стала довольно недружелюбно допрашивать меня, кто я, зачѣмъ, почему и имѣю ли документъ?

Выдвинулся впередъ нѣкто Акипсимъ Евтѣевичъ Карѣловъ. Это пожилой но энергичный кержакъ съ полусѣдой бородой и острыми синими глазами, смотрящими презрительно:

—Да ты признавайся: студентъ ты?

—Нѣтъ не студентъ!

—А я говорю: студентъ!

—Ну хорошо, пусть студентъ!—говорю.

—Ага, студентъ! Значитъ еретикъ и супротивникъ! Я говорю вамъ—обращается онъ къ прочимъ—што нечего толковать съ нимъ!..

Остальные мужики неодобрительно на меня косились. Положеніе создалось смѣшное и непріятное. Пришлось повысить голосъ, чтобы овладѣть вниманьемъ толпы.

Послѣ непродолжительнаго объясненія о томъ, что студенты не враги никому вообще, а я въ частности, я попросилъ проводить меня къ ихъ старшему дьяку. Онъ оказался здѣсь же Это небольшой, но коренастый и смуглый старикъ съ умными сѣрыми глазами—Григорій Арефьевичъ Козловъ.

Онъ снисходительно согласился побесѣдовать со мною, но назначилъ для этого вечерніе часы, когда онъ вернется съ пасѣки..

Пока что, меня оставили на свободѣ, но неугомонный Акипсимъ все время слѣдилъ за мною и то и дѣло съ группой мужиковъ проходилъ мимо моей квартиры. А когда послѣ обѣда я отправился къ Козлову, онъ встрѣтилъ меня на улицѣ, окруженный цѣлой толпой любопытствующихъ и услужливо сопровождалъ меня до дьяка.

У Козлова мы устроили цѣлую бесѣду, которая началась

тѣмъ, что Акипсимъ сталъ насмѣшливо исповѣдывать меня, засыпая священными текстами и своеобразными, не совсѣмъ цензурными каламбурами...

Очень долго Акипсимъ форсилъ передо мною своимъ краснорѣчіемъ и свободой мысли, но пріѣхалъ съ пасѣки верхомъ дьякъ Козловъ и онъ услужливо взялъ его лошадь и сталъ разсѣдлывать.

Затѣмъ въ просторной и опрятной русской избѣ Григорія Арефьевича, за крѣпкимъ сосновымъ столомъ, подъ руководствомъ умнаго и степеннаго хозяина мы долго бесѣдовали и здѣсь Акипсимъ говорилъ со мной, уже какъ со взрослымъ и велъ себя благопристойно, а по окончаніи бесѣды мы разстались совершенно довольные другъ другомъ, причемъ всѣ присутствовавшіе относились ко мнѣ уже не свысока, а какъ къ равному и съ полнымъ довѣріемъ, повѣдавъ мнѣ самыя сокровенныя тайны минувшихъ своихъ бѣдъ и напастей.

А напасти были настолько велики, что до указа 17 апрѣля 1905 года старообрядцу нельзя было ни родиться, ни умереть, т. к. ни обряда крещенія, ни обряда погребенія, совершить было нельзя.

Преслѣдовали не только священники, но и всѣ, кому хотѣлось поживиться на счетъ старовѣровъ.

— Соберутся у кого либо два старообрядца—сейчасъ же обыскъ. Если не нашли книгъ, а увидѣли только капельку воска—придирка—значитъ, молились, значитъ протоколъ!... Лѣтъ пятнадцать назадъ въ одно изъ тайныхъ богослуженій ворвались подъ предсѣдательствомъ священника мѣстные поселковые казаки и, разбросавъ всѣ книги и иконы, избили и разогнали всѣхъ старообрядцевъ.

Кромѣ сказаннаго, Лосиха весьма характерна еше очень частыми старообрядческими молебнами. Молебны эти устраиваются такимъ образомъ. Какая либо старовѣрческая семья, какъ изъ поморскаго, такъ изъ другихъ согласій, приглашаетъ къ себѣ дьяка, пѣвчихъ и моляшихся т. е. своихъ родныхъ и знакомыхъ и проситъ ихъ помолиться о здравіи дан-

ной семьи или отдѣльнаго члена ея, а нерѣдко и за упокой какого либо усопшаго. Но прежде чѣмъ созвать молебенъ, варятъ хорошее медовое пиво и готовятъ много стряпни. Послѣ непродолжительной молитвы, всѣ усаживаются за столы и съ молитвой во славу Божію начинаютъ питаться. Хозяева безпрерывно обносятъ всѣхъ медовымъ пивомъ, которое такъ хмельно, что двухъ—трехъ стакановъ достаточно, чтобы не привыкшій къ нему не смогъ подняться съ мѣста. Но привыкшіе лосевцы выпиваютъ его много и вскорѣ отъ молитвъ переходяхъ къ оживленнымъ разговорамъ, затѣмъ мало по малу затягиваютъ пѣсню... И скучные будни нецвѣтистой жизни, такимъ образомъ, нарушены до слѣдующаго объединяющаго всѣхъ молѐбна.

Правда, такія молѐбны нерѣдко кончаются рукопашной, но за то всѣ ея послѣдствія старовѣры разрѣшаютъ собственными средствами и по преимуществу мировой на новомъ молебнѣ...

Въ заключеніе моего очерка приведу нѣсколько бѣглыхъ сценокъ, рисующихъ бытовую сторону убинскихъ старообрядцевъ.

Наибольшей людностью въ селахъ по Убѣ отличаются торговыя лавки, въ которыхъ жители узнаютъ злободневныя новости, публикуютъ событія, обмѣниваются впечатлѣніями и просто глазѣютъ. Здѣсь можно иногда наблюдать весьма интересныя сценки.—

Такъ, напримѣръ, входя въ лавку, крестьяне отыскиваютъ глазами икону своего «согласія», т. к. въ лавкахъ всегда три иконы: православная, стариковская и поморская и если молится поморецъ, то стариковецъ одновременно молится не станетъ, а выждетъ. Бываетъ и такъ: входитъ дѣвушка, здоровая, бѣлокурая и румянная, съ гладко прилизанной бѣлой косой, а передъ иконой ея у прилавка стоитъ киргизъ. Она крестится и смотря на киргиза, говоритъ:

—У-у, дьяволъ!—Это выходитъ вмѣсто молитвы, и киргизъ добродушно смѣется:

– Ты видно чорту молишься?!. Ой, джеманъ урусъ: вѣра твоя туда сюда болтаетъ!..

Входитъ мужичекъ, по-казачьи одѣтый, съ шапкой на ухо, видимо идущій издалека въ лѣса на промыслы и приважно озирается по сторонамъ.

—Что нужно?—спрашиваетъ приказчикъ.

—Погоди! надо поглядѣть сперва!

Долго смотритъ на полки и затѣмъ торжественно произноситъ:

—А ну ка, дай осьмушку махорки!

—А еще что?

—А больше ничего!—и лѣзетъ за голенище достать четыре копѣйки за табакъ.

Присутствующіе старовѣры сурово отвертываются и презрительно сплевываютъ.

Входятъ двое: старенькая, совсѣмъ изсушенная жизнью баба и высокій уже пожилой и бородатый сынъ ея, одѣтый въ длинную коричневую рубаху, войлочную шляпу и бутылы. Старушка въ красномъ подшалкѣ и нарядной покромкѣ кладетъ на прилавокъ свои черныя, жилистыя руки и, приглядываясь къ полкамъ, щуритъ свои слезящіеся глаза.

Мужикъ говоритъ:

—Дай-ка, торговый, чего нибудь покрасивше на сарафанъ!

Старуха, улыбаясь, вытираетъ крючковатою рукой и безъ того сухія губы свои и протестуетъ:

—Ой, да на што мнѣ, старухѣ, покрасивше-то!

Да пофорси ты у меня! Умрешь скоро дакъ и не доведется больше мнѣ наряжать-то тебя;—возражаетъ онъ строго... Старухѣ это нравится, она радостно хихикаетъ и не противится.

Посреди лавки стоятъ, разговаривая, двѣ полныя молодыя бабы, нарядно одѣтыя. Одна съ новымъ подойникомъ на рукѣ, а у другой въ рукахъ мотокъ цвѣтного гаруса. Въ это

время съ улицы входитъ подвыпившій лысый мужикъ и, взявъ одну изъ бабъ за плечо лѣвой рукою, правой показываетъ на нее, и устремивъ глаза къ приказчику, восхищенно кричитъ:

Баба-то! Баба-то, глядь, какая! Ровно перина, ѣдятъ ее мухи!..

Та хихикаетъ, швыркаетъ носомъ и, отгибая на бокъ голову, косится черезъ плечо на подругу и надменно молвитъ:

Ишь че!.. Гляди-ка ты на ево!..

И такія сценки, иногда чрезвычайно художественныя по содержанію, можно наблюдать почти во всѣхъ убинскихъ селеніяхъ.

Въ общемъ жизнь убинскаго народа всегда полна своеобразнаго интереса, особенно въ зимнее время, когда учащаются вечерки, пирушки, молебны и свадьбы. Тогда можно наблюдать дѣйствительное кипѣніе и душъ и сердецъ этого скромнаго и непригляднаго во время трудового лѣта народа.

Одѣтая во все красное, съ румяными отъ здоровья и мороза лицами, молодежь просится на картину. Громкія, лихія и стройныя пѣсни, удалыя тройки и пары, убранныя лентами и кистями гаруса, раскрашенныя кошевы и пошевни, расшитые бархатные халаты и рѣкой льющаяся медовая брага.—Это не жизнь, а сплошная оригинальная опера и для любителя русскаго жанра здѣсь широкое поле для художественной жатвы, будь этотъ любитель поэтъ, художникъ или даже композиторъ...

VII.

Средняя Уба и ея пороги.

Отъ Лосихи русло Убы идетъ извилистымъ и высокимъ корридоромъ между громадныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Природа здѣсь въ значительной степени приближается къ природѣ Катунскаго Алтая, а такъ какъ здѣсь южнѣе и постояннѣе климатъ, то мѣстная флора еще богаче и цвѣтенье ея

продолжительнѣе. Вся долина р. Убы въ среднемъ ея теченіи заселена старовѣрами и преимущественно поморцами. Такъ каждое устье впадающихъ въ Убу многочисленныхъ рѣчекъ имѣютъ по три по четыре заимки, на которыхъ всегда имѣется отъ двухъ до шести дворовъ. Занимаются жители главнымъ образомъ скотоводствомъ и пчеловодствомъ, частью лѣсосплавомъ, а съ недавнихъ поръ, когда порѣдѣли лѣса на крутыхъ склонахъ горъ и на высокихъ горныхъ террасахъ, стали появляться хлѣбные полосы. Онѣ висятъ какъ панно или картины и ласкаютъ взглядъ своей яркой бархатистой зеленью.

Для болѣе полной характеристики убинской природы, я приведу картинку своего путешествія по одной изъ тропинокъ на берегу Убы.

Капризной, тонкой и кривой паутинкой вьется эта горная тропа по обрывистому притору.

Внизу голубой широкой лентой шумитъ Уба, ополаскивая крупные валуны, похожія на пышныя и большія пшеничныя булки. А тамъ, гдѣ Уба стихла въ глубокомъ плесѣ будто на отдыхѣ, она отразила въ себѣ голубой лоскутъ неба и крупный утесъ противоположнаго берега, увѣнчанный темными пихтами, и кажется, что повиснувъ внизъ верхушками, отраженныя пихты смотрятъ въ безпредѣльную глубь опрокинутаго неба.

Вечерѣетъ...

Оранжевыя тучи съ золотыми краями тихо и беззвучно выползаютъ изъ-за высокой лохматой горы, будто идутъ по ея темени и тоже отражаются въ водѣ золотымъ пожаромъ... И оттого, что солнце склонилось за верхушку другой остроконечной горы, отъ нея брошена голубоватая прохладная тѣнь на подолы ея сосѣдокъ, и подрѣзанныя тѣнью внизу онѣ кажутся покрытыми сверху красно-зелеными колпаками и весело улыбаются прощальному свѣту дня... Будто просвѣтленныя какой-то торжественной радостью, вспыхнули ихъ короны огнемъ молитвы и тихо ждутъ ночного дремотнаго покоя...

По краямъ тропинки высокая и сочная трава. Лошадь моя идетъ медленно и срываетъ ея цвѣтущія верхушки. Сзади, заворотивъ бородатое лицо вверхъ, къ вершинѣ горы, ѣдетъ мой товарищъ Дементій Федорычъ и про себя потихоньку что-то мурлычетъ, и въ тактъ шаговъ своей лошади качаетъ бутылами, воткнутыми въ гнутыя изъ черемухи стремена.

Мы ѣдемъ все выше, все выше и, наконецъ, пересѣкаемъ голубую линію тѣни, очутившись въ предѣлахъ золотого колпака, одѣтаго закатомъ солнца...

Вотъ тропа всползаетъ на крутой и совсѣмъ отвѣсный обрывъ и высокій перевалъ, откуда бросается въ головокружительную пропасть.

На вершинѣ останавливаемся, залюбовавшись поразительной пышностью и величіемъ открывшейся панорамы... Вдали огромные и сизые силуэты горныхъ хребтовъ, вблизи темно-зеленыя цѣпи Убинской долины и темно-синій лабиринтъ безконечныхъ морщинъ, прорытыхъ настойчивостью горныхъ потоковъ... Альпійскіе луга, щетина лѣсовъ и все это позолоченное сверху и густо затушеванное внизу приникшими предвечерними тѣнями, создаетъ впечатлѣніе чего-то сказочнаго, что властно уноситъ въ міръ иныхъ ощущеній.

А Дементій все еще мурлычетъ и смотритъ уже внизъ на глубоко запавшую въ ущелье Убу и, подбоченясь рукой о свое бедро, онъ въ своемъ кошемномъ шишакѣ напоминаетъ мнѣ былиннаго витязя, размышляющаго у трехъ дорогъ: куда ему ѣхать?

Любуюсь имъ и не хочу, чтобы онъ шевелился: будто это легендарный окаменѣлый богатырь, слившійся съ массивомъ горы.

— Ну, шевели давай!—говоритъ онъ просто и дружески.— А то тамъ есть неловкій приторъ еще: ночью-то не ладно тамъ...

— А что?

— Да не ловко, молъ: оборваться не долго...

Поползли внизъ, готовые каждую минуту покатиться по заячьи, кувыркомъ... Но объ этомъ не думаешь, потому что окрыленная красотой душа летитъ гдѣ-то надъ синевой ущелій, надъ прохладой лѣсовъ и надъ неподвижностью угрюмаго величія скалъ...

Вѣтви деревьевъ царапаютъ, толкаются, а лошади заднихъ ногъ не переставляютъ и тихо перебирая передними, пдывутъ, плывутъ внизъ по влажной и кривой тропѣ...

И вокругъ этотъ самобытный лѣсъ.

Рядомъ съ высокой стройной пихтой стоитъ непринужденно выросшая береза, склонившись на плечо могучей осины рядомъ съ догнивающей упавшей лѣсиной—цѣпь молодыхъ елей, черемухи, калины и березъ. Вотъ иструхшій пень и изъ средины его поднялась молодая акація, а вотъ у ствола старой ели огромный муравьиный замокъ, высотою до двухъ аршинъ и до трехъ аршинъ въ діаметрѣ. Вотъ лежитъ, какъ большая изба, покрытая мхомъ каменная глыба и изъ подъ нея сочится свѣтлый ручеекъ, образуя ниже маленькое озерко. Вотъ заросшія травою и молодыми кустами вершины упавшихъ березъ: онѣ бѣлы и звонки, какъ высохшія кости верблюда. Вотъ почти изгнившій и кѣмъ-то видимо давно заготовленный, но не взятый строевой лѣсъ, а вотъ, какъ монахи въ рясѣ, обгорѣвшіе, высохшіе пихтовые пни, памятники опустошительныхъ пожаровъ. А дальше деревья бѣгутъ въ гору все выше и выше на самые готически-причудливые конусы, гдѣ, какъ острыя иглы стоятъ не выдержавшіе холода пихты и, засохшія, ждутъ своей гибели на корню... Внизу реветъ Уба и мечется, какъ закованный въ каменныя стѣны голубой змѣй, а трава мѣстами такъ высока, что верхушки ея бьютъ по лицу...

Спустились на дно ущелья, и вдругъ стало темно и сыро.

— Ѣсть хошь?—спрашиваетъ Дементій и изъ-за пазухи тонкой сермяги своей достаетъ бѣлый помятый калачъ, данный намъ днемъ на одной изъ заимокъ...

Раздѣлили пополамъ, а мой Дементій точь въ точь какъ Илья Муромецъ «ѣдетъ, хлѣба кусъ жуя».

Дорогу пересѣкаетъ бурная рѣчка, такая бурная, что бѣлой пѣной кипитъ отъ бѣшеной скачки и прыгаетъ, прыгаетъ черезъ отшлифованные камни...

— Ночуемъ?—спрашиваетъ Дементій громко, чтобы перекричать рѣчку.

Остановились мы въ размышленьи... Затѣмъ молча слѣзли, хлѣбъ обмакнули въ воду...

— Чай согрѣю тебѣ!—искушаетъ онъ меня.

Вижу, что ему хочется ночевать: лошадей жаль...

— Только не чай, а кашу:—говорю я, зная, что товарищъ, какъ старовѣръ, чаю не пьетъ.

— Да, вѣдь, ты стосковался поди по чаю-то! Ужъ недѣлю не пьешь!..

— Нѣтъ кашу!—и начинаемъ развьючивать коней.

Собираю хворостъ, приминаю высокую и уже влажную траву простымъ броскомъ на боковую, возбужденно смѣюсь и безпричинно громко кричу, чтобы разбудить красивое горное эхо...

Совсѣмъ стемнѣло. Реветъ возлѣ насъ рѣчка, пасутся въ высокой травѣ привязанные за лѣсину кони, чутко поднимая уши и къ чему-то прислушиваясь...

Ярко пылаетъ костеръ, бросая отъ насъ большія тѣни въ глубь лѣса и чернымъ пятномъ виситъ надъ нимъ котелокъ съ кипящей кашей...

Дементій Федорычъ, ломая черезъ колѣно хворостъ то и дѣло оглядывается на лошадей и просто, не торопясь, говоритъ:

Этто у Селиверста на заимкѣ трехъ сразу задралъ, смотри!..

— Водится же?

— Куда «онъ» дѣвался! У меня на той недѣлѣ двѣ колодки въ пасѣкѣ испакостилъ... Да умный вѣдь, окаянный: сначала, въ рѣчку снесетъ, утопитъ пчелъ-то, а потомъ торнетъ о землю и вылижетъ...

Облокотившись, лежу у костра и смотрю на огонь, а ду-

шей уношусь въ глубь загородившихъ насъ глухихъ убинскихъ дебрей, гдѣ какъ и много вѣковъ назадъ, вольно гуляетъ медвѣдь, и говорливо рокочутъ горные потоки.

И немножко жутко, но больше красиво на душѣ и клонитъ ко сну...

Дементѣй торопливо встаетъ на одно колѣно и относитъ съ огня поплывшій котелокъ:

— Стой, стой, стой!—увѣщеваетъ его—ишь какъ разгулялся.. Не спи, Митричъ, кашу ѣсть скоро будемъ!..

Встаю на ноги, прогоняя сонъ и смотрю назадъ, а тамъ все слилось въ сплошную черную стѣну и слышно лишь отдаленный шумъ Убы и говоръ сосѣдней рѣчки.. И видно—только однѣ далекія и яркія звѣзды.

Забредаю въ траву и, какъ погруженный въ воду, выхожу обратно совсѣмъ мокрый и ободренный холодной росою.

— Искупался?—добродушно смѣется Дементѣй и, мѣшая кашу- совѣтуетъ: Сушись давай у огонька! . . . . . .

. . . . . .

На заимкѣ Дементѣя Федорыча Недобиткова я сдѣлалъ на нѣсколько дней привалъ.

Мы теперь находимся въ среднемъ ея теченіи, верстахъ въ 200 отъ устья.

Прохладнымъ и румяннымъ іюньскимъ утромъ вмѣстѣ съ Дементіемъ Федоровичемъ съ его заимки мы тронулись къ верхнимъ Убинскимъ порогамъ. Отъ самой заимки пришлось всползать на крутой и довольно опасный бомъ или, по убинскому, приторъ, идя по которому лошади часто оступались, рискуя свалиться. Затѣмъ извилистой долиной рѣчки Карагужихи, мимо хлѣбныхъ посѣвовъ, луговъ и тополевыхъ рощъ, мы версты черезъ три достигли заимки Александра Ивановича Троеглазова, отъ которой уже доносился до насъ сдержанный говоръ Убы.

Долина ея идетъ здѣсь съ сѣверо-востока на западъ неровнымъ тѣнистымъ и высокимъ горнымъ коридоромъ и те-

ряется внизу у подножія горы Порожной, кажущейся отсюда совсѣмъ неприступной и пятнисто бурой, будто преградившей путь рѣкѣ. Повернувъ внизъ. т. е. влѣво, мы вскорѣ увидѣли и самую Убу, свѣтло-голубую кристально чистую, съ красиво выложеннымъ изъ разноцвѣтныхъ и отшлифованныхъ галекъ, русломъ. Сравнительно неширокая, она идетъ здѣсь быстро, перескакивая черезъ точеные валуны и жмется къ крутому, покрытому густымъ лѣсомъ, лѣвому берегу, по которому извилистой и каменистой тропой мы и поѣхали. Лошади, тяжело дыша, останавливались, оглядывались, но, понукаемыя прыгали по каменнымъ ступенямъ, извивались на кривыхъ спускахъ и то и дѣло изъ-подъ копытъ ихъ срывались внизъ камни. Но вотъ тропинка нырнула въ воду. Мы остановились и видѣли, какъ, внизу, на срединѣ, Уба зловѣще встряхивала бѣлыми гривами.

Ну голова у тѣ не закружится?—спрашиваетъ Дементѣй Федорычъ и не дожидаясь отвѣта, въѣзжаетъ въ голубыя волны.

Здѣсь Уба, передъ страшными воротами пороговъ, какъ бы задумалась и, разлившись широко по руслу, бѣжитъ не торопясь. Голова дѣйствительно кружилась, когда мы отъѣхали отъ берега нѣсколько саженъ. Сначала было не выше колѣна, но вотъ чѣмъ дальше, тѣмъ глубже и казавшаяся съ берегу покойной, водная гладь быстро стремится здѣсь упругой толпой дружныхъ волнъ, спруживая лошадей и враждебно толкая ихъ внизъ, чтобы разбить тамъ о первые зубья порога. Лошади прядутъ ушами, фыркаютъ и, осторожно выбирая мѣсто между крупныхъ галекъ, идутъ медленно, напирая всѣмъ крупомъ навстрѣчу водѣ. Но вода шумитъ и уже захлестываетъ на спину лошадей, заливается въ сапоги, а за лошадьми образуетъ пѣнистые, шумные гребни, которые игриво расчесываютъ черные хвосты лошадей.

Выѣхали.

На ровномъ берегу прилѣпились хлѣбные посѣвы, а выше, на крутомъ склонѣ—заимка и тотчасъ же за нею грандіозныя горныя гряды. Вскорѣ мы въѣзжаемъ въ лѣсъ и под-

нявшись на крутой карнизъ горы, видимъ, какъ русло Убы, все болѣе суживаясь, повертываетъ вправо въ узкое, страшно крутое и высокое ущелье. Здѣсь же внизу показались и такъ называемые Зубья Порога, какъ разъ у начала Порожной сопки, которая обративъ свой каменный профиль на востокъ, даетъ мѣсто кривому каменному коридору Убы, который и отдѣляетъ ее отъ противоположной длинной пѣпи горъ, продолженіемъ которой, повидимому, когда-то была и сама гора Порожная. Вотъ бѣлые гребни воды все чаще и чаще и Уба становится совсѣмъ узкой и темно-зеленой и, перепрыгивая черезъ огромныя, отточенныя скалы, реветъ, какъ сто разсерженныхъ медвѣдей. И такъ въ продолженіи почти семи верстъ, т. к. верхній Убинскій порогъ опоясываетъ всю Порожную гору на разстояніи по крайней мѣрѣ четырехъ пятыхъ ея окружности. Вотъ Уба повертываетъ все правѣе, почти на востокъ, лавируя по своей каменной улицѣ, а безпрерывный корумъ изъ много аршинныхъ валуновъ сопровождаетъ ее съ обѣихъ сторонъ бѣлыми кривыми барьерами.

Останавливаемся.

Я сажусь на огромный, покрытый бурымъ мхомъ, камень, на которомъ въ видѣ тубаретки, лежитъ тоже обомшенная каменная тумбочка, и смотрю внизъ, гдѣ по безпорядочно наваленнымъ бѣлымъ кригамъ (валунамъ) съ оглушительнымъ ревомъ и головокружительной быстротой несется Уба, замкнутая здѣсь въ русло не шире 10—12 саж. По зеленой темнотѣ ея теченія и по зыбкимъ волнамъ я заключаю о ея страшной глубинѣ. Падая съ камня на камень, тяжелыя изломанныя волны грозно потрясаютъ своими бѣлыми гривами и гудя, грузно качаются въ своей каменной перинѣ. А за Убой, которую я перебрасываю камнемъ, отвѣсной стѣной лѣзетъ къ самому небу пятнисто-сѣрый, нахмуренный утесъ горы Порожной, вершина которой увѣнчана совершенно острыми и почти безжизненными, воткнувшимися въ синеву неба, конусами, лишь слегка опушенными чахлымъ лѣсомъ.

Немножко ниже конусовъ по карнизу горы ползутъ облака и кажутся пышными движущимися сугробами снѣга, а

сзади меня огромнымъ, многоверстнымъ и темно-зеленымъ амфитеатромъ лежитъ глубокая горная впадина, вся укутанная въ лѣса и вся изрѣзанная мелкими пѣвуче-кристальными и спѣшащими въ Убу ручьями.

Но вотъ Уба начинаетъ поворачивать влѣво. Сначала отлого, а затѣмъ все круче и круче, пока черезъ версту или полторы не пошла назадъ. И какъ разъ здѣсь справа къ ней прибѣжала Бѣлая Уба и широкой говорливо сверкающей пеленой влилась въ—главную Убу и бѣшенно закачалась вмѣстѣ съ нею въ зыбкомъ пѣнисто-зеленомъ танцѣ. Главная Уба, какъ бы желая увильнуть отъ Бѣлой Убы еще круче взяла влѣво и пошла на югъ, а затѣмъ на юго-востокъ и только, миновавъ гору Порожную, снова повернула на западъ. Переѣхавъ въ бродъ Бѣлую Убу, мы должны были здѣсь оставить своихъ лошадей и дальше отправиться пѣшкомъ, т. к. горныя стѣны совсѣмъ придвинулись къ руслу Убы. Шли мы по сплошному коруму, прыгая съ глыбы на глыбу, каждую минуту подвергая себя опасности. Мѣстами Уба бурлитъ у самыхъ ногъ между тѣхъ самыхъ глыбъ, на которыя мы перепрыгиваемъ, и тогда мы, при помощи рукъ, карабкаемся на обрывы, откуда бурлящая Уба зелеными волнами и бѣлыми гривами зоветъ насъ къ себѣ и кружитъ голову.

Наконецъ мы достигаемъ Каменныхъ Воротъ, гдѣ вся Уба сжалась въ борозду не шире семи саженъ и то и дѣло скачетъ трехъ-аршинными отлогими водопадами и бушуетъ такъ оглушительно, что мы совершенно не слышимъ другъ друга. Еще черезъ 200 саженъ приблизительно, мы добрались до такъ называемыхъ Гладкихъ Плитъ. Это огромная сплошная каменная катушка, ушедшая вглубь рѣки и вширь берега на десятки саженъ, причемъ Уба зыбкими зелеными волнами высоко зализываетъ почти не высыхающія плиты. А, приблизительно, еще черезъ версту такого же неудобнаго пути мы доходимъ до такъ называемыхъ Каменныхъ Ступъ. Это въ различныхъ формахъ, выточенныя въ каменныхъ плитахъ углубленія, въ видѣ сосудовъ, вазъ, блюдъ, ваннъ, котловъ и ча-

новъ. Причудливыя формы огромныхъ, достигающихъ 2—3 аршинъ глубиною и отъ аршина до двухъ въ поперечникѣ, каменныя чаши эти заставляютъ удивляться той настойчивости воды, благодаря которой исполнена эта многотрудная токарная работа, тѣмъ болѣе, что она продолжается ежегодно сравнительно небольшой періодъ времени, т. е. весеннее половодье. Происходитъ это такъ: когда поднимается вода, сила теченія и движеніе воды достигаютъ такой страшной энергіи, что приходятъ въ движеніе всѣ большіе и маленькіе камни и если имъ, благодаря малѣйшему углубленію, нѣтъ выхода, то они безпрестанно танцуютъ и кружатся на одномъ мѣстѣ и чѣмъ больше ихъ накопляется, тѣмъ успѣшнѣе идетъ работа вглубь и вширь, а въ результатѣ съ теченіемъ многихъ вѣковъ получились и вотъ эти каменныя ступы. Ниже, саженяхъ въ ста мы встрѣтили еще такъ называемую Каменную Повѣть. Это рядъ гранитныхъ наслоеній съ постепенно отвалившимися отверстіями въ видѣ пещеръ. По крайней мѣрѣ повѣть, въ тѣни которой укрылись мы, была не меньше шести саженъ въ квадратѣ. Верхній слой плитъ, опершись на восемь слоевъ такихъ же плитъ, повисъ надъ указаннымъ пространствомъ на высотѣ почти двухъ аршинъ и даетъ возможность любоваться отсюда на глубокое русло Убы, въ которую впрочемъ при малѣйшей неосторожности можно легко отсюда полетѣть.

Здѣсь коридоръ Убинскаго русла почти прямой и версты черезъ двѣ Уба принимаетъ все болѣе спокойное теченіе и, расширяясь, даетъ возможность отправлять по ней плоты и лодки. Черезъ этотъ же порогъ лѣсъ сплавляютъ несплоченнымъ, отправляя его большими партіями и собирая лишь внизу на лодкахъ. Иногда въ порогѣ лѣсъ застрявъ одной лѣсиной въ валунахъ, нагромождается по нѣсколько сотъ въ одну кучу и, спрудивъ воду, ломается или выбрасывается силою воды, или нагромождается въ еще большемъ количествѣ. И тогда самые смѣлые изъ плавщиковъ, раздѣваясь, бросаются по зыбкимъ и стремительнымъ волнамъ вплавь къ этимъ грудамъ и каждую минуту рискуя жизнью, разворачиваютъ

лѣсъ, но на берегахъ въ это время съ длинными жердями стоятъ другіе, протянувъ концы жердей на средину рѣки. Это на тотъ случай, если, кого либо изъ находящихся на лѣсу, помчитъ внизъ. Такіе смѣльчаки всегда получаютъ двойную плату и почти всегда изъ своихъ предпріятій выходятъ благополучно. Хотя быть убитымъ въ Убинскомъ порогѣ не считается особенной рѣдкостью, т. к. сплошные водопады, не ожидая пока человѣкъ поплыветъ, ударяютъ его о подводную глыбу и выбрасываютъ уже изуродованнымъ и мертвымъ. Такіе случаи стали чаще наблюдаться съ тѣхъ поръ, какъ Убинскіе пороги частью взорвали динамитомъ, т. к. прежнія гладкія глыбы были менѣе опасны, чѣмъ взорванныя съ острыми углами.

Поздно вечеромъ вернулись мы на заимку Дементія Федоровича и долго въ ушахъ нашихъ стоялъ шумъ: это гремѣла Уба, проложившая путь черезъ свои гранитныя препятствія, чтобы миновавъ ихъ, выбраться на свободу туда въ лоно Иртыша, затѣмъ Оби, а затѣмъ уже устремиться и въ океанскіе просторы!...

VIII.

Старообрядческая женская обитель.

Съ тѣмъ же Дементѣемъ Федорычемъ отправились мы дальше вверхъ по Убѣ. И чѣмъ дальше вверхъ тѣмъ очаровательнѣе горная убинская природа, такъ что трудно устоять отъ нѣкоторыхъ лирическихъ отступленій.

Поднявшись на любую изъ горныхъ высотъ вы невольно притихаете очарованные окружающей природой. Куда вы не взглянете, всюду, точно застывшія гигантскіе волны, стоятъ бирюзовыя горы и сизыя, точно рытымъ бархатомъ окутанныя дали. Гдѣ то далеко на изломанномъ горизонтѣ поднимаются дымчатые хребты, увѣнчанные бѣлоснѣжными коронами вѣчныхъ снѣговъ и когда небо облачно, вы не сразу смо-

жете отличить, гдѣ горы и гдѣ облака. И только когда по вершинѣ горы поплыветъ бѣлый силуэтъ пышнаго облака, вы можете судить о страшныхъ высотахъ этихъ царственныхъ горъ. Взгляните внизъ—тамъ въ извилистыхъ и тѣнистыхъ долинахъ бѣшенно прыгаютъ по отшлифованнымъ глыбамъ голубыя говорливыя рѣчки... Бѣгутъ и встряхиваютъ бѣлыми гривами и несмолкаемо разсказываютъ свои старыя легенды и дивныя сказки...

Посмотрите себѣ подъ ноги—подъ ними разостланъ роскошный коверъ изъ цвѣтовъ, сотканный самимъ Богомъ и обрызганный чистыми душистыми росами Алтайскихъ ночей...

И вотъ среди такой-то природы въ малодоступныхъ ущельяхъ, въ 160--или 170 верстахъ выше Лосихи, за какіе либо 5—6 лѣтъ послѣ указа о вѣротерпимости выросла женская старообрядческая обитель, въ которой теперь живутъ уже сорокъ сестеръ. Окрестные старовѣры зовутъ ихъ матушками дѣвицами и нѣжно оберегаютъ ихъ колонію.

Обитель старообрядокъ находится въ горахъ на лѣвомъ берегу р. Убы, въ глухихъ, бездорожныхъ лѣсахъ, въ долинѣ рч. Банной. Прежде чѣмъ попасть въ нее, мы долго ѣхали по лѣснымъ тропинкамъ вверхъ по рѣкѣ Убѣ и наконецъ у сѣверо-восточнаго подола горы Средняго Теремка, на фонѣ красиваго зеленаго лѣса и на берегу шумной рѣчки Банной вырисовался голубой куполъ новой деревянной церкви, а затѣмъ и вся церковь съ цѣлымъ рядомъ крышъ и построекъ Покровскаго старообрядческаго монастыря.

Долина р. Банной широкимъ и отлогимъ разваломъ падаетъ на сѣверо-востокъ въ долину Убы. Кромѣ группъ березъ, тополя и мелкаго кустарника кое-гдѣ возвышаются пирамиды пихтъ, а выше по склонамъ Средняго Лѣваго Теремка идетъ хвойный лѣсъ до стѣнъ утеса, которымъ заканчивается вершина Теремка. Противъ впаденія Банной за Убой возвышается третій, покрытый лѣсомъ, конусъ горы, а влѣво за нимъ, на сѣверъ, виднѣются безлѣсныя и безжизненныя высоты Коргонскихъ бѣлковъ съ небольшими снѣжными полями.

Когда мы приближались къ монастырю, то въ лѣсу направо послышались женскіе голоса, а влѣво къ рѣчкѣ, понуривъ голову и согнувъ спину съ ведрами на коромыслѣ шла инокиня въ простомъ синемъ сарафанѣ изъ грубаго холста, въ бѣломъ холщевомъ передникѣ и темномъ платкѣ, повязанномъ по русски, концы подъ подбородкомъ, при чемъ изъ этого же платка сдѣланъ былъ навѣсъ въ видѣ глубокаго козырька, закрывающаго всю верхнюю часть лица, отчего ни глазъ, ни чертъ лица видно не было. Вотъ показалась часть изгороди, возлѣ которой работали пять инокинь въ грубыхъ пестрыхъ одеждахъ: холщевые сарафаны, «бутылы» на ногахъ, холщевые передники, бѣлые рукава и темные перелины на плечахъ, въ видѣ длиннаго воротника до локтей, съ красной оторочкой по краю. Платки также скрывали большую часть лицъ...

Я подъѣхалъ къ одной, что постарше и спросилъ: можно ли въѣхать въ монастырь и какъ это сдѣлать?

— Можно, можно, поѣзжайте, тамъ примутъ васъ!—отвѣтила старушка, отрываясь отъ работы, которая заключалась въ томъ, что она держа въ лѣвой рукѣ осиновый колъ, а въ правой тяжелый топоръ, тесала его на высокомъ пнѣ... При чемъ, показывая дорогу на мостикъ, она ловко взяла топоръ въ руку, сдѣлавъ изъ топорища указку.

Мы тронулись къ строеніямъ, которыя начались еще на этой сторонѣ рѣчки двумя жилыми—одна пятистѣнная, другая однокомнатная—избами, съ дворами, сараями и амбарами. Дальше удобный мостикъ, жердяная изгородь и легкіе ворота, возлѣ которыхъ мы и стали въ ожиданіи. Ждать пришлось недолго, такъ какъ изъ главнаго корпуса въ ту же минуту показалась въ темномъ холщевомъ платье съ перелиной, въ темномъ платкѣ и въ бѣломъ передникѣ еще нестарая монахиня и, ласково улыбаясь, низко поклонилась и сказала:— Милости просимъ, дорогіе гостеньки!

Я счелъ долгомъ объяснить о цѣли своего пріѣзда. Тогда оказалась нужда доложить игуменьѣ, которой не оказалось дома, она была на работѣ. Доложили старшей по ней, т. е.

ея помощницѣ матери Иринѣ, а пока насъ пригласили въ новую большую избу съ длинными столами и скамьями, съ русской печью и небѣленными стѣнами. Это оказалась трапезная (столовая). Вскорѣ вошла въ длинномъ тонкомъ, нанбуковомъ халатѣ высокая инокиня, въ черномъ платкѣ, но безъ пелерины, съ постнымъ блѣднымъ лицомъ, синими губами и острыми голубыми глазами, окруженными лучами многолѣтней скорби. Смотрѣла она слегка исподлобья и говорила немного грубоватымъ голосомъ. Объяснивъ ей цѣль моего пріѣзда, я попросилъ позволенія пожить въ монастырѣ дня два-три. Она, задавъ еще нѣсколько вопросовъ, не отъ казны ли я и зачѣмъ нужно ознакомленіе съ бытомъ старообрядцевъ, приказала встрѣтившей насъ матушкѣ Аполлинаріи (она завѣдуетъ экономіей и пріемомъ гостей), чтобы та отвела насъ въ гостинную избу, но прежде накормила бы... Та быстро стала хлопотать у стола, но я пока отказался, ибо, проѣхавъ долгое время по неудобной грязной дорогѣ, хотѣлъ выкупаться и переодѣться. Тогда насъ съ моимъ проводникомъ отвели за рѣчку въ первую пятистѣнную избу, въ которой мать Аполлинарія, охотно бесѣдуя со мною, стала готовить мнѣ постель на самодѣльной кровати, покрывать чистыми цвѣтными самотканными скатертями столики, приготовила въ прихожей комнатѣ постель и моему проводнику, показала мнѣ мѣсто, гдѣ можно выкупаться, повѣсила чистое, тончайшаго холста полотенце съ вышивными наконечниками, застлала красную подушку бѣлой, чистой холстинкой, положила свѣжее стеганное одѣяло и просила приходить поужинать, когда я устроюсь. Пока я не торопясь купался да переодѣвался, на церкви зазвонили въ небольшой колоколъ къ вечерней молитвѣ. Отъ обѣда пришлось отказаться ибо надо было идти въ церковь, испросивъ на это позволеніе. Разрѣшеніе дали охотно, но попросили не молиться вмѣстѣ съ ними.

Монахини скоро потекли изъ своихъ келій въ часовню, тихой согбенной походкой въ перевалку, шваркая тяжелыми сапогами, бутылами или просто пимными туфлями въ видѣ калошъ. Прошла, накрытая схимой старая сморщенная, съ сѣ-

дыми волосами на подбородкѣ, старушка, мать извѣстнаго на Убѣ и даже въ Питерѣ старовѣра Федора Афанасьевича Гусева, который ко дню коронованія Государя Императора Николая II-го поднесъ Его Величеству въ даръ бадейку убинскаго меда. Въ Питеръ онъ ѣздилъ довольно часто то по религіознымъ, то по своимъ тяжебнымъ дѣламъ. Онъ же былъ однимъ изъ терпѣливыхъ и настойчивыхъ ходатаевъ о разрѣшеніи вѣротерпимости, данной указомъ 17 апрѣля 1905 года. Тутъ же суетилась въ свѣтлыхъ рукавахъ и темномъ сарафанчикѣ, подпоясанномъ ремнемъ, шестилѣтняя дѣвочка съ бѣлокурыми волосами, забранными въ косичку. Это дочь Устькаменогорскаго прасола и старовѣра Ив. Никиф. Федорова. Дѣвочка эта отдана родителями уже два года тому назадъ, когда ей было 4 года и привыкла къ монастырю такъ, что не хочетъ ѣхать домой и угрозу отвезти ее домой дѣлаютъ лишь когда она что либо «нагрезитъ».

Вотъ вышла изъ своей келейки молодая, но еще не постриженная сестра съ красивымъ лицомъ и быстрыми темными глазами, съ лѣстовкой на рукѣ, въ черной новой нанбуковой ризѣ, прямыми складками падающей къ ногамъ. Темная шаль накрыта на голову такъ, что сложенные углы ея лежатъ не косякомъ на спинѣ, а прямо, вися по бокамъ, а надъ глазами глубокій козырекъ изъ той же шали, которая подъ подбородкомъ сцѣплена булавкой. Это монастырскій чтецъ.

Войдя въ часовню, я чувствовалъ себя какъ-то неловко и, сталъ у окна справа. На скамейкѣ сидѣла мать Ирина и, подойдя ко мнѣ сказала:

— Если устанете—садитесь на скамью!

Въ церкви прежде всего бросается въ глаза богатство иконостаса и удивительная опрятность. Весь полъ застланъ свѣтлыми, чистыми самотканными половиками, стѣны окрашены розовой краской, прямой потолокъ голубою и всѣ пять ярусовъ иконъ въ гладкомъ багетѣ. По бокамъ сдѣланы въ видѣ клиросовъ отдѣльныя иконостасныя стѣнки и возлѣ нихъ стоятъ металлическія хоругви. Передъ иконостасомъ возвыше-

ніе и престолъ, возлѣ котораго дорогое Распятіе, обвитое голубой пеленою, по бокамъ его иконы, а на столѣ стоитъ рукописное евангеліе, оправленное въ бархатный съ серебряною чеканкою переплетъ, а по обѣ его стороны горятъ неугасаемыя лампады. Передъ иконостасомъ виситъ красивая большая люстра.

По боковымъ стѣнамъ иконъ нѣтъ и только вдѣланы большія окна по четыре на каждой сторонѣ съ крашенными бѣлилами рамами, но безъ желѣзныхъ рѣшетокъ, какъ это дѣлается во всѣхъ церквахъ и безъ болтовъ, но со ставнями снаружи, на случай града или дождя. На окнахъ устроены легкія бѣлыя занавѣски. Сбоку круглая печь, сзади другая, слѣва псалтырня: это отгородка для старушекъ инокинь, которыя «наряжаются» на опредѣленные часы читать по покойнымъ псалмы. Здѣсь цѣлыя груды книгъ, нѣсколько иконъ и старухи читаютъ все время, т. к. заказовъ всегда очень много и надо успѣть. У этихъ старыхъ сестеръ другой работы и не бываетъ, не поручается имъ, т. к. у нихъ каждодневно, помимо заказовъ, еще своя работа: надо сдѣлать всякой накрытой инокинѣ 1500 поклоновъ, которые отсчитываются по лѣствкѣ. Изъ нихъ не меньше 300 земныхъ и 700 поясныхъ. Остальные могутъ быть легкіе.

Скамей въ церкви всего восемь, изъ которыхъ четыре стоятъ вдоль стѣнъ и четыре поперекъ храма въ разныхъ мѣстахъ. Подручники болѣе чистые, есть холшевые, ситцевые и даже бархатные съ гужиками для взятія рукою. Еще есть низенькія скамеечки съ четырьмя ножками, двѣ изъ которыхъ короче, а двѣ подлиннѣе и потому самый верхъ покатый. Ее ставятъ передъ собою, кладутъ подушечку (подручникъ) и земные поклоны дѣлаютъ не становясь на колѣни, а прямо, стоя, опираются руками на подручникъ и кладутъ голову на руки. Это ускоряетъ поклоны, сокращаетъ время на нихъ и избавляетъ отъ паденья на колѣни, что при сотняхъ поклоновъ можетъ изнурить окончательно.

Часы читаются громко, а одна изъ старшихъ по чину сестеръ дѣлаетъ возгласы робкимъ тихимъ голосомъ, причемъ

когда она крестится и кланяется, тогда кланяются и всѣ, почему на моменты вторгается волна общаго шума и быстрое колебаніе сплошной черной массы производитъ жуткое впечатлѣніе. Отъ ихъ богослужебныхъ пѣснопѣній вѣетъ чѣмъ-то средне-вѣковымъ и замогильнымъ. Кажется, поютъ гдѣ-то замурованные подъ землею, замученные гоненіемъ христіане... Всѣ поютъ въ одинъ тонъ, нѣкоторыя; обязательно въ носъ, отчего скорбность и монотонность пѣнія становится еще болѣе печальной, некрасивой и ноющей. Будто кто-то плачетъ и стонетъ на колесованіи или въ темницѣ... Всюду въ церкви черныя замершія въ неподвижной молитвѣ фигуры, блестящія иконы, частью въ ризахъ, расшитыя стеклярусомъ, а частью осыпанныя цвѣтными каменьями. А изъ оконъ видны очаровательные пейзажи горныхъ кручъ, зеленыхъ подоловъ, лѣсовъ и небо со свѣтлыми облаками. Кудрявыя березы съ бѣлоснѣжными стволами, разбѣжавшіяся по зеленому, немного покатому лугу. Вблизи хорошо воздѣланные огороды, изгородь и совершенно типичныя сибирскія крыши на два ската съ шитыми лбами. Слушая древніе замогильные напѣвы, не хочешь вѣрить, что гдѣ то уже летаютъ на аэропланахъ, что гдѣ-то сидятъ въ своихъ обсерваторіяхъ астрономы, вычисляя пути небесныхъ свѣтилъ и грустно и одиноко чувствуешь себя среди молящихся. А онѣ поютъ скорбно и ноюще:

«Въ землю пріяти, яже еси отъ земли взятъ быть»... Но приходятъ на память сплошныя драмы изъ жизни русской женщины и кажется, что ей лучше здѣсь вдали отъ счастья жизни и отъ его изнурительныхъ усладъ, за которыя нужно такъ дорого расплачиваться.

И опять взглядъ тянется къ высотѣ горъ, гдѣ кажется рукою достанешь небо и снова подсказываетъ мысль, что тамъ летаютъ люди по небу, а здѣсь ползаютъ во тьмѣ.... Неужели долго еще, неужели долго?

А въ отвѣтъ несется унылое и тягучее:

—И во вѣки вѣкомъ, аминь!

Вечерня отошла. Мать Аполлинарія напоминаетъ, что мы еще голодны, и мы идемъ за нею.

Теперь она ввела насъ въ особую келью—избу, гдѣ на столѣ, покрытомъ самотканной цвѣтной скатертью, были положены вилки, ножи и ложки и поставлены чашки, покрытыя маленькими самотканными салфетками. Насъ она усадила за отдѣльныя чашки, т. к. всѣ мы разныхъ вѣръ: я православный, проводникъ мой бѣглопоповецъ, а монастырь поморскій. Довольно вкусныхъ постныхъ перемѣнъ было около пяти, пока, наконецъ, подачею малиноваго варенья и затѣмъ чистаго меда въ отдѣльныхъ блюдцахъ не былъ законченъ нашъ обѣдъ. Но мать Аполлинарія искренно извиняется, что мало перемѣнъ, т. к. не ждали такихъ дорогихъ гостеньковъ.

Всего сестеръ въ монастырѣ сорокъ, изъ нихъ накрытыхъ схимою 24, а 16 не накрытыхъ: изъ нихъ есть давшія клятву всю жизнь «поработать на Христа», часть послушницъ (бѣлицы) и часть гостей, не опредѣлившихъ своего положенія и могущихъ оставить монастырь, выйти замужъ и проч.

Обитель основана въ 1899 году лѣтомъ пріѣхавшими сюда россійскими поморками, въ числѣ 8 сестеръ, отдѣлившихся отъ поморской общины въ Уфимской губ. на Уралѣ, вблизи ст. Вязовой. Уѣхали оттуда потому, что тамъ тѣснили ихъ. Здѣсь они купили заимочку и стали жить, а въ отдѣльной избѣ сдѣлали моленную, и трудились. Года черезъ 3—4 выстроили болѣе просторную избу съ маленькой кельей для игуменьи и лишь въ 1908 году построили новую просторную часовню съ колокольней въ 6 колоколовъ и маленькимъ куполомъ. Въ этой часовнѣ имѣется и келья для игумени-матери Ираиды и, для исполняющихъ церковную службу, инокинь. Эти кельи находятся на второмъ этажѣ подъ колокольней, по одной съ каждаго бока. Въ нихъ по два окна: одно на улицу, откуда виденъ прекрасный пейзажъ и одно въ часовню прямо на иконостасъ.

Остальныя монахини распредѣлены по отдѣльнымъ кельямъ —просторнымъ и тѣснымъ избамъ. Нѣкоторыя живутъ за перегородками въ уединеньи, а нѣкоторыя по три сестры въ одной комнатѣ. Всего комнатъ около 20-ти, при чемъ нѣсколько помѣщеній пустуютъ, напримѣръ: келья старца Анто-

нія, гдѣ все содержится въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ оставилъ передъ смертью. Этотъ старецъ жилъ въ монастырѣ 4 года и умеръ 80-ти лѣтнимъ.

При монастырѣ есть больница, гдѣ находятся теперь 4 больныхъ изъ нихъ двѣ недвижимыхъ, хотя обѣ въ сознаньи.... Когда я вошелъ, то показывая на одну изъ нихъ еще молодую, лѣтъ 27—30 монахиню, отекшую и смотрящую уныло и скорбно, мать Аполлинарія сказала громко и соболѣзнующе:

—Вотъ эта скоро должна представиться... И могилка уже выкопана и домовинка сложена ей...

Монахиня перевела на мать Аполлинарію глаза и тяжко простонала ..

Но я сказалъ:

— Можетъ быть, она еще поправится!—тогда больная перевела на меня свои черные унылые глаза и снова еще больнѣе простонала.

—Нѣтъ, ужъ не встать ей!—скрѣпила равнодушно мать Аполлинарія, и мнѣ подумалось, что мать Аполлинарія не сознаетъ своей ошибки, говоря такія тяжелыя слова при больной. Она не понимала, видимо, этого состоянія: знать, что и могилка выкопана и домовинка сложена.

Сходивъ въ мастерскую, гдѣ шьютъ одежду, въ стряпчую, т. е. «келарню», гдѣ готовятъ кушанье и еще къ кое-какимъ старушкамъ, мы направились въ гору, гдѣ за 11 лѣтъ существованія скита на горкѣ успѣло вырости 15 черныхъ крестовъ, изъ нихъ 5 въ одинъ день 27 мая 1909 г. Это одновременно утопшія въ р. Убѣ пять молодыхъ монашекъ, изъ нихъ четыре послушницы и пятая накрытая 22-лѣтняя Дорофеюшка, дочь того самаго Ивана Федотовича Егорова, который посылалъ сына разыскивать истинную вѣру и крестился въ Алеѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ сами монахини нарисовали мнѣ картину этой печальной катастрофы:

25 мая прошлаго года младшія послушницы отъ 14 лѣтъ и до 22 л. во главѣ съ постриженной уже молодой дѣвушкой Дорофеей, выросшей на Убѣ и умѣюшей хорошо справляться съ ея капризами, отправились за рѣку порвать ревню. При этомъ имъ было поручено искупать больную лошадь. Перевозить на лодкѣ ихъ сталъ мѣстный житель старикъ Самойлычъ, который посадивъ въ лодку дѣвушекъ, взялъ въ поводъ и лошадь, а править лодкой заставилъ Дорофею. Понятно, лошадь тормозила, мѣшала правильному ходу лодки, а Уба между тѣмъ катила ее внизъ. Вотъ Дорофея, изнемогшая грести, не попала на опредѣленное мѣсто, а лошадь кинулась головой на носъ лодки и повернула назадъ. Тутъ случился подводный камень и лодка перевернулась. Мѣсто оказалось неглубокое, всѣмъ по плечи, но страшно быстрое и всѣхъ понесло внизъ. Дорофея кинулась спасать младшихъ, но какъ какую поймаетъ, такъ та за нее уцѣпится и не отпускаетъ. Поймала четырехъ, а пятую унесло. Эти такъ измучили Дорофею, что она пошла ко дну. Тогда эти опустились и быстро ихъ разнесло въ разныя стороны. Вотъ скоро три изъ нихъ скрылись изъ виду, а одна кое-какъ карабкалась. Дорофея, выплывъ на поверхность и увидѣвъ эту карабкующуюся, схватила и помогла ей выплыть на берегъ, но измученная сама, не могла уже справиться съ волнами, т. к. длинная намокшая риза зацѣпилась за камень .. Но вотъ островокъ, она оказалась на мели и еще не успѣла прійти въ себя и отдохнуть, какъ увидѣла за протокой спасшагося старика (онъ спокойно наблюдалъ съ берега и потомъ разсказалъ объ этомъ), который махалъ ей, чтобы она плыла напрямикъ къ нему. Она поддавшись его велѣнію, поплыла вновь, но ее сильно ударило объ огромный камень и захлестнувъ волною, укатило внизъ. Говорятъ, что Уба въ это время была еще маловодной.

Жизнь сестеръ протекаетъ чрезвычайно мирно, уютно и сыто, хотя всѣ онѣ и трудятся усердно. У каждой монахини есть свой уголокъ своя кроватка, столикъ и всѣ принадлежности домашняго обихода. Всѣ жилища выдержаны въ древ-

не-русскомъ стилѣ и всюду чистота и простота. Всѣ лавки, скамьи, окна, полотенца, передніе углы, бѣлые полы, и небѣленныя, но начисто мытыя стѣны говорятъ вамъ о близости обители къ временамъ древней Москвы или Пскова.

Всѣ обязанности распредѣлены между монахинями по ихъ способностямъ и чину, причемъ старшія не должны только указывать, но и сами больше всѣхъ обязаны трудиться; т. н. мать Ирина, завѣдуя келарней, работаетъ сама въ первую голову. Или мать Аполлинарія, завѣдуя пріемомъ гостей и экономіей, сама всюду бѣгаетъ, все устраиваетъ, подноситъ, объясняетъ. Сама же игуменья Мать Ираида завѣдуетъ самыми трудными черными работами, какъ то: постройкой, землекопкой, возкой и рубкой лѣса и проч., и та пожилая монахиня, такъ ловко и умѣло тесавшая колъ, когда я подъѣхалъ къ изгороди монастыря и была самой игуменьей. Въ тотъ же день возвращалась она позже всѣхъ съ работы и всѣ ожидали ее съ тревожной заботливостью и любовью. Я встрѣтилъ ее, поклонился и замѣтилъ, что она трудится въ ущербъ своему здоровью.

— А какъ же? Вѣдь на все надо копейки, да и нанять некого... Если же наймешь-незнаешь, что за люди, какъ бы грѣха какого не случилось...

Теперь мнѣ лучше было видно ея лицо. Она производила впечатлѣніе свѣжей, хотя и пожилой женщины, лѣтъ 50. Ея свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли быстро и ясно, въ голосѣ и словахъ не слышно было искусственности или ханжества и, разговаривая со мною, она держала себя просто, а въ манерѣ чувствовалась энергія, сила и искренняя правдивость. Небольшая ростомъ, немного коренастая и согнутая она удалялась быстрой колеблющейся походкой и не вѣрилось, что ей идетъ уже седьмой десятокъ, какъ это оказалось въ дѣйствительности. Она никогда не жила свѣтской полной жизнью и въ монастырѣ уже больше 45 лѣтъ, поступивъ въ него 17 лѣтней дѣвушкой.

На завтра она сказала мнѣ между прочимъ:

— Ну что, навѣрное скучаете? Интереснаго у насъ ничего нѣтъ. Люди мы простые, необразованные. Обойтись по хорошему не умѣемъ... Ужъ извините!..

Эта женщина вставъ утромъ въ 2 часа, трудится до 11 часовъ ночи, спитъ слѣдовательно 2—3 часа, а все остальное время она находится въ работѣ. Вставъ въ 2 часа, къ тремъ она выходитъ въ часовню, гдѣ начинается утреня, кончающаяся въ пять, затѣмъ послѣ короткой бесѣды тутъ же, начинаются часы и кончаются въ семь. Послѣ этого всѣ идутъ по кельямъ а тамъ переодѣвшись въ рабочія одежды, въ трапезную, гдѣ позавтракавъ, отправляются на работу, въ 1 часъ обѣдъ, а въ пять—вечерня, а послѣ нея, часовъ въ 8, когда всѣ придутъ съ работы, ужинъ и всѣ расходятся по кельямъ, работая на себя или молясь. У старыхъ монахинь работа одна—отправлять заказы на счетъ моленья за здравіе питающихъ и за упокой умершихъ.

О неусыпномъ трудѣ самой игуменьи говорятъ то, что всѣ 40 кроватей, столько же стульевъ, столовъ, всѣ лавки, тесовыя перегородки, разныя полочки—все это сдѣлано ея руками безъ единаго удара топоромъ кого-либо другого. При чемъ у каждой кровати, стола или стула сдѣлано по удобному и просторному яшику внутри. Келья игуменьи самая тѣсная и самая скромная, съ иконами въ дорогихъ, шитыхъ изъ цвѣтныхъ каменьевъ, ризахъ. Здѣсь же фотографія ея бывшихъ духовныхъ отцевъ съ типичными бородатыми лицали, выраженья которыхъ или суровы и сухи, или слащаво—кротки и постны.

Никакого деспотизма со стороны игуменьи не замѣтно, нѣкоторый же, плохо скрытый подъ маскою кротости и молитвы, антогонизмъ между младшими монахинями чувствуется, причемъ нѣкоторыя, еще не постриженныя монашки, на работахъ безъ старшихъ, ведутъ себя непринужденно, иногда весело смѣются и даже шутятъ, что дѣлаетъ ихъ унылую жизнь разнообразнѣе и живѣе. Нѣкоторыя изъ монахинь ушли изъ православія, напр., есть дѣвушка изъ Риддерскаго рудника. Когда пріѣхалъ навѣстить ее дядя, то она съ интересомъ вы-

спрашивала о новостяхъ и о своихъ подругахъ, и когда ей говорилъ дядя, что многія изъ ея подругъ вышли замужъ, у ней загорѣлись глаза и, полнымъ смѣха и скрытыхъ слезъ голосомъ, она выражала удивленіе, и вопросъ, и плохо скрытую зависть, но увидѣвъ старшую сестру и вспомнивъ, очевидно, что уже отрѣшилась отъ міра, она вдругъ стихла и стыдливо опустила глаза. Она прожила уже 4 года, будучи взята сюда 14 лѣтъ, теперь ей 18, а черезъ 2—3 года жизнь ея только потребуетъ себѣ полноты счастья, но это уже не для нея, ея жизнь, полная труда, тоски и насилія надъ собою, потянется долгой, тяжелой тропою къ старости и затѣмъ къ той горкѣ, скрытой густымъ лѣсомъ, гдѣ подъ тяжелыми крестами уже спятъ вѣчнымъ сномъ пятнадцать. Но было ли бы лучше, если бы она тоже вышла замужъ?.. Но сказалъ ли бы ей кто либо:

Отъ работы тяжелой и трудной
Отцвѣтешь, не успѣя расцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,—
Будешь няньчить, работать и ѣсть....

Вѣдь доля нашей женщины—такъ тяжка и безотрадна... Не даромъ же всѣ эти сорокъ пришли сюда въ эту тихую пристань.

Я прожилъ до перваго воскреснаго дня, т. к. было чрезвычайно интересно наблюдать торжественный отдыхъ монахинь.

Было дивное яркое утро. Такое утро, какое можетъ быть только въ горномъ Алтаѣ, когда умытыя росою и одѣтыя въ зеленую парчу горы, до половины освѣщены золотомъ лучей, а въ низахъ покрыты голубыми покровами тѣней и изъ глубокихъ морщинъ и рѣчекъ тихо всползаютъ на высоту горъ серебристые туманы, чтобы оттуда плавно и смѣло полетѣть въ просторъ небесный...

Странно и красиво разлилось по горамъ эхо большого колокольнаго баритона, затѣмъ голосъ мѣди запѣлъ безпре-

рывнымъ призывомъ. Всѣ сестры, одѣтыя въ черныя длинныя, праздничныя ризы съ металлическими застежками спереди до самаго подола, потянулись въ церковь. Служба была торжественная. Возглашала сама игуменья и ея тихій робкій голосъ какъ-то убаюкивалъ, уносилъ въ область вѣчнаго покоя. Пѣли, читали, молились вмѣстѣ, кланялись въ землю и были всѣ, какъ черныя тѣни, какъ заведенныя манекены.

Когда кончилась служба,—зазвонили во всѣ колокола какъ-то печально, съ переборомъ и монахини, выстроившись въ ряды, по-парно, съ пѣніемъ молитвъ, медленно пошли изъ церкви изогнутой черной линіей. Въ это время мною овладѣло странное состояніе. Во время часовъ я смотрѣлъ, какъ молодая дѣвушка—чтецъ съ сочнымъ голосомъ юноши, усердно кланялась въ землю, какъ-то путалась въ своихъ неуклюжихъ ризахъ. А когда подъ звуки колоколовъ съ печальнымъ ноющимъ пѣніемъ они тихо побрели изъ церкви по ярко зеленой травѣ въ трапезную, какъ черныя тѣни, брошенныя ярко радостнымъ утреннимъ свѣтомъ, то меня что-то больно ущипнуло за сердце. Я взглянулъ на мимо проходившую дѣвушку и глаза ея, казалось мнѣ, полные остановившихся слезъ, пристально и скорбно взглянули на меня и тотчасъ же скрылись подъ длинными рѣсницами. Она прошла, унося съ собою въ душѣ что-то тяжкое и умолкшее на вѣкъ и, задушенная темнымъ холодомъ пустоты одиночества, шла покорно рядомъ со старухами по одной длинной и мрачной тропѣ къ могилѣ. Это было ясно и безспорно. А звонъ все плачетъ переливно, точно отпѣваетъ всѣхъ ихъ. И онѣ поютъ ноюше, точно сами себя отпѣваютъ. А вокругъ дивные живые пейзажи и безпредѣльный океанъ солнечнаго свѣта...

А еще чрезъ часъ, простившись съ игуменьей и съ сестрами, я сталъ собираться въ дальнѣйшій путь. Провожать меня вышли всѣ и пока я собралъ мои вещи, моя лошадь была осѣдлана одной изъ сестеръ—конюхомъ. Простились, какъ родные... Я былъ уже далеко за изгородью и огляды-

ваясь видѣлъ, какъ мать Аполлинарія и мать Мокрина черными пятнами стояли по поясъ въ травѣ и низко кланялись мнѣ въ слѣдъ...

IX.

Вожди старообрядчества.

Тотъ самый Иванъ Федотычъ Егоровъ, который посылалъ въ 80 годахъ своего сына въ поиски за истинной вѣрой и крестился въ р. Алеѣ передъ тысячной толпою, и который имѣетъ знаменитыхъ на всемъ юго-западномъ Алтаѣ сыновъ Василія Ивановича— старообрядческаго попечителя и начетчика и Вонифатія Ивановича—главнаго старообрядческаго священника на Убѣ,—живетъ неподалеку отъ старообрядческаго женскаго монастыря.

Изъ монастыря я ходилъ на заимку И. Ф. пѣшкомъ. Дивныя картины окружали мой путь!...

Идешь по тропинкѣ внизъ, окруженный яркой зеленью травъ и деревьевъ и замкнутый крутыми склонами, далекими, сизоватыми высотами и не знаешь, такъ ли хорошо въ раю?.. Я перебираю въ памяти всѣ лучшія переживанья своей жизни, вспоминаю хорошія оперы, спектакли, музеи, музыкальныя симфоніи и ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, что я чувствую теперь. Вездѣ тамъ, вдали отъ первобытныхъ красотъ, я чувствую напряженье, какую-то болѣзненную искусственность своихъ переживаній, чувствую, что вотъ кончится симфонія и жизнь снова ввергнетъ меня въ житейскія будни и разочарованіе сцѣпитъ своими когтями... Но здѣсь такое спокойное созерцаніе и такая тишь въ душѣ, такая сладость въ сердцѣ, что ничего не хочешь больше и, смотря во всѣ стороны, поешь безмолвные гимны солнцу....

Вотъ рѣчка, скачущая по камнямъ и образовавшая внизу круглое, небольшое, прозрачное плесо, въ которомъ разгуливаютъ крошечныя рыбки. Вотъ могучая береза съ изуродованнымъ стволомъ и огромной тяжелой ризой, отъ которой

падаетъ на зеленую траву синеватая, густая тѣнь. Сажусь на камень, и изъ-подъ него выползаетъ небольшая змѣя.... Выползая спѣшитъ на утекъ, и пусть... Она тоже боится смерти. Вздрагиваю, встаю и иду тихо, спускаюсь внизъ. Показалась изгородь, а за нею пышный, мягкій и ярко зеленый лугъ, по которому разбѣжались небольшія осинки и будто замерли въ ожиданіи, пока я пройду мимо по извилистой тропинкѣ. Лавирую межъ высокой травы и цвѣтовъ, гдѣ хороводы голубыхъ бабочекъ то и дѣло кружатся, отыскивая лучшій ароматъ. Вотъ вхожу въ аллею густыхъ, высокихъ, разной величины пихтъ, березъ, осинъ и кустарниковъ. Прохладно и пахнетъ медомъ... Дорогу перегораживаетъ много лѣтъ гніющая лѣсина, упавшая еще во время большого пожара. Пни высунули сѣдыя головы изъ травы... Муравьинныя кучи, хворостъ, свѣтлый маленькій ключикъ чуть лепеча, струится по чисто вымытымъ галечкамъ. Иду, и не тороплюсь. Вотъ изъ за холмика вынырнули крыши избъ, амбаровъ. Какъ сотканные изъ паутины, безпорядочные пригоны, дворы изъ жердей и разная небрежно разбросанная рухлядь. Пасѣка разбрелась по кустарнику. Поскотина съ тяжелыми косыми воротами, мостикъ и растоптанный навозъ—этотъ обязательный атрибутъ каждой Убинской заимки, ибо среди опрятной природы жители ея все таки такъ неопрятны. Подхожу. Два дома большіе, одинъ въ два этажа, значитъ люди богатые. Вхожу въ ограду. На крылечкѣ больная блѣдная дѣвочка въ зипунѣ и возлѣ нея кудрявый, лѣтъ пяти, бѣленькій мальчикъ. Онъ весело хохочетъ надъ цыпленкомъ, которому связалъ тряпочкой ноги. Изъ избы слышенъ разговоръ мужчинъ. Вхожу. Пахнетъ кислой кожей и свѣжимъ хлѣбомъ. Сидятъ за столомъ: черный мужикъ въ сѣрой рубахѣ и бутылахъ, и въ сапогахъ, въ синей рубахѣ и черномъ ремнѣ съ саквояжемъ черезъ плечо, черноватый мужчина съ лицомъ торгаша мѣшанина.

Скороговоркой и съ манерами рядки онъ говоритъ кривому:

— Чего 200, ужъ ты хоть бы 500 штукъ срубилъ. Цѣну

дамъ хорошую... Я, братъ, не стою за цѣной... Я, вотъ увидишь, въ два года весь лѣсъ по Убѣ очищу!..

— Нѣтъ вотъ развѣ штучекъ-то 200 могу, а больше нѣтъ... Знаешь пообѣшать не мудрено, а вотъ исполнить-то какъ? —говоритъ хозяинъ степенно.

Поздоровавшись, я сѣлъ, смѣриваемый общимъ взглядомъ... А сидѣвшій у печки старикъ высокій и тонкій, какъ-то согнутый и въ спинѣ и въ ногахъ, спросилъ меня откуда я и кто.

Разговоръ шелъ все о лѣсѣ.

Но когда у старика спросилъ я, кто здѣсь Иванъ Федотычъ Егоровъ и гдѣ живетъ его старшій сынъ Ванифатій и младшій Василій Ивановичъ, то онъ встрепенулся и повелъ меня къ себѣ въ отдѣльную келейку—наполненную огромными и цѣнными старинными книгами.

— Вотъ я самый Иванъ Федотычъ и есть... И Ванифатій и Василій мои сыны! Бесѣдуй, милый человѣкъ! Пивка выпьешь?

Мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть передъ собою этого Убинскаго семидесятилѣтняго Мономаха еще такимъ бодрымъ, подвижнымъ и общительнымъ.

Мы съ нимъ очень долго бесѣдовали и онъ предложилъ въ тотъ же день сопровождать меня къ своимъ сыновьямъ, Ванифатію и Василію, которые живутъ своими заимками въ долинѣ Убы ниже. Объ обоихъ сыновьяхъ Ив. Федот. слышалъ я еще раньше, а съ Ванифатіемъ въ 1909 году имѣлъ случай даже лично познакомиться. Былъ я у него въ монастырѣ въ р. Крутой, что въ 15 верстахъ отъ Устькаменогорска. Тамъ у него жило 9 монашекъ во главѣ со свояченицей его Агафьей, съ которою въ концѣ августа онъ отплатилъ мнѣ визитъ, заѣхавъ ко мнѣ на дачу. Она правила лошадью, а онъ возлежалъ на телѣгѣ на мягкомъ тюфякѣ. Огромный и одѣтый въ длинную поддевку, не снимая шапки и не кланяясь мнѣ, ни моему сосѣду мужику—малороссу, съ которымъ мы молотили хлѣбъ, онъ лежалъ на телѣгѣ и ждалъ,

когда я подойду. Борода русая, окладистая, волосы спустились на синіе глаза, которые смотрѣли остро, презрительно и не моргая... Когда я поздоровался, онъ, не отвѣтивъ на мое привѣтствіе, сталъ задавать нужные ему вопросы. Тѣмъ не менѣе, я гостепріимно пригласилъ его къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ, снявъ шапку, усѣлся на стулѣ и тоненькимъ голосомъ, немного въ носъ, сказалъ:

—Не глянется мнѣ это мѣсто въ Крутой! хочу переселить «ихъ» куда нибудь въ другое удобное мѣсто.

При словѣ «ихъ» онъ мотнулъ глазами на Агафью, потупившую глаза и стоящую у порога.

Давъ нужныя объясненія чисто юридическаго характера относительно арендныхъ условій земли, я разстался съ отцомъ Ванифатіемъ, который снова возлегъ на телѣгу и приказалъ Агафьѣ «пошевеливать». А когда они скрылись, мой сосѣдъ сказалъ мнѣ:

—Какой же онъ христіанинъ! Онъ даже «Богъ помочь» не сказалъ, а мы вѣдь съ Божьимъ даромъ, съ хлѣбомъ, управляемся... Ненавистники они, а не христіане.

Я разсказалъ объ этомъ старику и онъ почти шепотомъ сказалъ мнѣ, грустно качая головой:

—Грубоватъ, грубоватъ, прости Христа ради!.. Грубоватъ! На счетъ вѣры—ревнитель усердный, а съ никоніанами грубоватъ! Но вотъ Василій у меня—золотое сердце! Вотъ увидишь!..

Иванъ Федотычъ быстро осѣдлалъ 2 лошади, чтобы ѣхать къ Ванифатію и Василію, но садясь въ сѣдло, онъ вдругъ завсхлиповалъ и я едва могъ слышать сквозь его рыданія:

- Нѣтъ! Вотъ, доченьку Уба у меня проглотила... Сердценько-то было какое!.. Ангельское... Одна только и была она по всей Убѣ...—и онъ долго плакался мнѣ на эту тяжелую утрату.

Въ это же время къ заимкѣ быстро подкатили два всадника и одна всадница на добрыхъ взмыленныхъ коняхъ. Ока-

залось, что двое этихъ мужиковъ украли чужую бабу изъ деревни Бутаковой и везли ее къ Вас. Ив. обратить въ «истинную» вѣру и повѣнчать съ молодымъ парнемъ. Одѣтая по крестьянки молодая женщина была очень красивой и довольно бойкой. Ѣхала она верхомъ въ штанахъ изъ пестраго холста съ подтыканнымъ подоломъ нарядnаго сарафана и въ красной гарусной шали. Мы скоро всѣ пятеро отправились въ бродъ, черезъ то самое мѣсто, гдѣ утонули монашки. Бродъ оказался очень труднымъ и мѣстами крупныя лошади, чтобы не поддаваться волнѣ, быстро повертывали грудью противъ теченія и, упираясь ею и разсѣкая волны, стояли нѣкоторое время и снова шли, осторожно нашупывая некованными ногами удобное мѣсто, чтобы тверже стать и не поскользнуться. Версты двѣ ниже на косогорѣ стояли три избы. Одна изъ нихъ съ крестикомъ на крышѣ и однимъ колоколомъ, подвѣшеннымъ надъ крыльцомъ: это молитвенный домъ, возлѣ котораго въ другой избѣ живетъ все еще не постриженная Агафья съ 5 другими послушницами, а въ третьей помѣщается самъ «Нифатій Иванычъ». Когда я вошелъ вмѣстѣ съ другими, то торгашъ Рукавишниковъ сидѣлъ уже здѣсь и пилъ пиво, закусывая хлѣбомъ, мокая его въ тарелку меда. За столомъ на лавкѣ сидѣлъ самъ Ванифатій съ всклоченной шевелюрой, въ простой пестрой рубахѣ, и еще бывшій Лосевскій богачъ, теперь устарѣвшій и раззорившійся Данила Спиридонычъ Авдѣевъ.

— Здравствуй Нифатій Иванычъ!—сказалъ я.

Онъ уставилъ на меня свои острые синіе глаза безъ зрачковъ и не подавая руки сказалъ:

— Я че то... тебя не помню...

— Ну не помнишь, не надо, а руку-то всетаки подай!— говорю.

— Нѣтъ, не подамъ! ты видишь, я обѣдаю!

Я смутился и, не зная, что на это сказать, сѣлъ на лавку, Ванифатій продолжалъ торговаться съ подрядчикомъ, а всѣ

пріѣхавшіе въ томъ числѣ и Ив. Фед. чувствовали себя неловко. Эта неловкость потребовала отъ меня, чтобы я сказалъ:

— Вотъ ты считаешься образцовымъ христіаниномъ, а съ человѣкомъ обходишься не по христіански... Киргизы принимаютъ гораздо лучше...

— А такъ и принимаю, какъ знаю!.. И потомъ же ты еретикъ, а съ еретикомъ мы не должны знаться.

А жена его подноситъ мнѣ стаканъ пива. Я отказался.

— Че на это сердиться-то? Мы тебя ничѣмъ не обезчестили!..

— Но ты меня обидѣлъ!..— сказалъ я, а онъ все тѣмъ же спокойнымъ тономъ продолжалъ, хлебая квасъ изъ чашки:

— Ни че я не обидѣлъ! Потому я иду по своему закону... У насъ такая вѣра...

Я всталъ, поклонился и вышелъ изъ избы.

— Ну что поѣдемъ, али нѣтъ къ Василію-то?—спрашиваетъ Ив. Федотычъ.

— А онъ тоже «по закону» приметъ?

— Нѣтъ, што ты... Тотъ совсѣмъ парень не такой... Тотъ по всему углу одинъ... Поѣдемъ! Чистая бѣда—мнѣ самому не ловко, прости Христа ради!

Дорогой онъ меня все утѣшалъ, всячески смягчая и оправдывая происшедшій инцидентъ. Я молчалъ, думая о томъ, что для такой религіозной роли, какую ведетъ Ванифатій, нуженъ все же большой самобытный характеръ.

Убу пришлось перебродить еще два раза, т. к. по обрывистымъ, ушедшимъ въ самое небо берегамъ, ѣхать было не возможно.

Заимка В. И. Егорова стоитъ въ срединѣ заимокъ его меньшихъ братьевъ по р. Шумишкѣ на правомъ берегу Убы и на высокомъ косогорѣ въ устьѣ падающаго въ Убу ущелья.

Дома В. И. не оказалось. Былъ въ пасѣкѣ. Солнце клонилось къ вечеру. Я ждалъ въ большой свѣтлой избѣ, гдѣ

помимо большой кровати, завѣшенной цвѣтнымъ пологомъ, стояло два стола Яшикъ, большая скамья, шкафикъ съ посудой и огромный простой шкафъ съ большой, и видимо очень цѣнной старообрядческой библіотекой. Книги были завѣшены красной занавѣской, а надъ столомъ въ переднемъ углу висѣли на гвоздяхъ разныя плохо написанныя письма, преимущественно съ церковно-славянской письменностью.

Тутъ же кадильница, лѣствовка и на стѣнахъ старинные древніе рисунки на простой бумагѣ съ священными текстами внизу изъ жизни святыхъ угодниковъ.

Прійдя изъ пасѣки В. И. еще на крыльцѣ переодѣлся въ новые сапоги и синюю поддевку и, войдя, просто, вѣжливо поздоровался, при этомъ онъ какъ-то нерѣшительно протянулъ мнѣ руку.

Разговоръ завязался быстро и оказался настолько занятнымъ, что мы не замѣтили, какъ подошло время отъѣзда. Однако хозяинъ не отпустилъ меня и, напоивъ чаемъ, (онъ имѣетъ самоваръ для гостей) уговорилъ ночевать. Я согласился. Почти до полночи мы бесѣдовали и краснорѣчивый, очень умный и симпатичный В. И. довольно основательно отвѣчалъ на всѣ мои недоразумѣнія по поводу странностей въ ихъ вѣрованіи и обрядахъ, и въ его объясненіи мои недоразумѣнія оказались просто логическими заблужденіями. Само собою, конечно, что шадя его религіозныя убѣжденія, я не переступалъ за грань догматическаго христіанства и не опирался на значеніе христіанства въ томъ смыслѣ, въ которомъ я понимаю самъ.

Во всякомъ случаѣ В. И. произвелъ на меня впечатлѣніе очень умнаго и порядочнаго человѣка, не чуждаго культурѣ и христіанской любви къ ближнему, хотя онъ и проговорился, что они должны мстить никоніанамъ за былыя гоненія, сжиганія и кровопролитія, но поправился:

— Но какъ мстить? Мстить въ духѣ кротости и борьбы словесной.

Утромъ мы снова увлеклись бесѣдой и я выѣхалъ лишь

часовъ въ семь. Утро было роскошное. Туманъ, сгущаясь въ тучи, лежалъ на плечахъ горъ и собирался уже полетѣть въ синее небо, когда мы побрели черезъ Убу, по которой плыли сотни лѣсинъ, тронувшихся сверху и подгоняемыхъ тремя десятками рабочихъ лѣсоторговца Рукавишникова, который для пущей убѣдительности иногда одѣваетъ саблю и какую то форменную фуражку... Но только на старовѣровъ это производитъ обратное дѣйствіе, они не только не боятся его, но и смѣются надъ такой пристрасткой.

Мой спутникъ Иванъ Федотычъ ѣхалъ впереди и охотно разсказывалъ о томъ, какъ хорошо раньше жилось въ Убинскихъ лѣсахъ. Высокій, бородатый и кучерявый, въ круглой, туескомъ, кошемной шляпѣ, онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ бокомъ въ три изгиба и все говорилъ, говорилъ, умолкая лишь при шумѣ перебродимой воды, когда плывущія бревна то и дѣло грозили сбить съ ногъ нашихъ коней.

—Бывало никакихъ ни даней, ни поцілинъ и въ поминѣ не было, прости Христа ради!.. Только звѣря этого, прости Христа ради, вотъ въ этомъ ущельи было, какъ скота... Не было недѣли, чтобъ двѣ, три скотины не рѣшилъ... А иная съ перепугу какъ кинется, такъ сердечная и напорется въ лѣсу-то... Ну и стали это его жечь... Жгли, жгли, а выжечь не могли весь...

Но это между прочимъ. Главной же темой нашего разговора была всетаки вѣра, и надо было удивляться свѣжести силъ этого старика и юношескому огню его убѣжденія.

Не даромъ же онъ, собирая когда то духовные соборы, не поддавался ихъ неудачамъ, а стойко шелъ впередъ одинъ, пока наконецъ не сталъ побѣдителемъ сотенъ и тысячъ такихъ же крѣпкихъ и стойкихъ, какъ онъ...

Но въ роли побѣдителя онъ по прежнему простъ, какъ и всѣ, вскормленные самой природой ея сыны.

И только ярко свѣтится въ немъ вѣра въ себя, съ которой онъ пойдетъ и на костеръ и въ заточенье, какъ и Вонифатій, умѣющій смѣло презирать, какъ и Василій, убѣжденно

зашищающій простыми рѣчами правоту своей вѣры, какъ и Федоръ Афонасьевичъ Гусевъ, обивающій пороги Петербургскихъ департаментовъ въ поискахъ правды и правъ своихъ....

X.

Убинскіе альпы и Ивановскій хребетъ.

Выше женской обители долина Убы менѣе заселена, а лѣтъ десять пятнадцать назадъ представляла собою пустыню. И только отдѣльные скитники и бѣглецы скрывались въ многочисленныхъ ущельяхъ, хотя верстахъ въ 40 отъ обители есть старое селеніе Стрененое, выросшее изъ простой заимки лѣтъ шестьдесятъ назадъ, выше д. Стрененой верстахъ въ 20 еще болѣе молодая деревня Поперечная, заселенная также старожильческимъ крестьянствомъ и преимущественно поморцами. Народъ въ Поперечной, не смотря на отдаленность его отъ культурныхъ центровъ, выглядитъ очень развитымъ, здоровымъ и духовно-дѣльнымъ. Хотя приволіе и здѣсь начинаетъ уже изсякать, ибо многіе изъ нижне Убинскихъ и Ульбинскихъ деревень начинаютъ выдѣлять изъ себя эмигрантовъ въ предѣлы Поперечинской территоріи.

Дальше отъ Поперечной хотя и есть заимка, но она главнымъ образомъ выстроена ради пасѣкъ, а еще дальше т. е. самые вершины Убы необитаемы т. к. текутъ въ области бѣлковъ и альпійскихъ высотъ, гдѣ ростетъ уже альпійская флора и гдѣ царствуютъ холода.

Изъ Убинскихъ альпъ особенно славятся суровостью Коксинскій, Турусунскій и Ивановскій хребты. На послѣдній изъ нихъ мнѣ удалось взобраться и объ этомъ я скажу болѣе подробно, неизбѣжно и вновь уклонившись въ сторону лиризма, безъ чего крайне трудно дать приблизительную картину полученныхъ впечатлѣній.

На Ивановскій хребетъ мы отправились изъ с. Риддерскаго, стоящаго какъ разъ у подола этого хребта. Огромной, темно-синей и неприступной стѣною всталъ онъ поперекъ

нашего пути къ востоку, и его усѣянный снѣжными пятнами гребень наполовину обнаженъ и безжизненъ. И мысль взобраться на вершину этого десятиверстнаго гребня, подпирающаго самое небо, расчесывающаго косматыя тучи и превращающаго ихъ обильныя слезы въ ослѣпительно бѣлые снѣжные кристаллы—даже лѣтомъ—казалась несбыточной...

Лучшимъ путемъ на его вершину считается юго-западный отрогъ упирающійся своимъ подоломъ въ кривую долину оглушительно бурной и многоводной р. Громотухи, этой старшей дочери южныхъ склоновъ Ивановскаго хребта.

Отъ Риддерска до начала этого отрога идетъ хорошая колесная дорога по роскошнымъ гладкимъ и тучнымъ лугамъ.

Отъ Риддерска кажется, что до Ивановскаго хребта рукой подать, что тутъ не будетъ и версты, но на самомъ дѣлѣ до первой тропы на хребетъ отъ Риддерска не меньше семи верстъ.

Оставивъ на заимкѣ лошадей, мы вооружились крѣпкими костылями и провизіей, и отправились на хребетъ пѣшкомъ въ 9 ч. утра.

Поднимаясь только на южный подолъ хребта, т. е. на самый отлогій подъемъ, мы то и дѣло должны были переводить духъ.

Первое время мы шли по одному изъ безлѣсныхъ ущелій и, палимые горячимъ іюньскимъ солнцемъ, очень радовались сосѣдству журчащаго сверху маленькаго ручейка, и то и дѣло цѣловались съ его серебристыми струйками...

Но вотъ ручеекъ исчезъ. И чѣмъ выше шли мы, тѣмъ труднѣе былъ подъемъ, тѣмъ глуше воздухъ и горячѣе лучи солнца. А до перваго плеча еще страшно далеко.

Идешь, заставляя себя не думать объ усталости, и то и дѣло намѣчаешь условную грань отдыха: вотъ до этого пня и сяду... Нѣтъ, вотъ до этого кустика... А когда дойдешь, еще увидишь въ пяти шагахъ какую либо мѣту и добравшись, обезсиленный, падешь... Слышно, какъ стучитъ сердце

и хрипитъ въ легкихъ, а голова идетъ кругомъ и языкъ горитъ отъ жажды.

И снова идешь и снова падаешь, забывъ цѣль и смыслъ своего труда и изнемогая подъ безпощадной теплотою солнца.

Пошли лѣса, густыя и высокія травы, море цвѣтовъ, міры насѣкомыхъ, но хребетъ все еще зоветъ вверхъ, все еще изнуряетъ оставшіяся силы...

Лежатъ полусгнившіе буреломы, сѣдые и обгорѣлые черные пни, съ корнемъ вывороченныя бурями деревья, крѣпко сжавшія въ своихъ жилистыхъ лапахъ цѣлые пласты земной почвы и сотни мелкихъ камней. Потихоньку шепчутся зеленыя верхушки елей и лиственницъ, а оставшіяся позади долины уходятъ все ниже и волны горныхъ далей все синѣе, все дымчатѣй и ползутъ вширь и вдаль на десятки, на сотни верстъ...

Вотъ показалось первое снѣжное пятно, но кажется несбыточнымъ, что когда либо до него доберешься, чтобы утолить жажду, упавъ на его холодное тѣло... И кажешься самъ себѣ ничтожнымъ, безпомощнымъ и жалкимъ и молишься душею человѣческой мысли, побѣдоносно ведущей къ техническимъ завоеваніямъ, къ покоренью воздушной стихіи и къ избавленію человѣка отъ унизительнаго пресмыканья, въ которомъ утрачивается всякая красота жизни и всякая прелесть созерцанья.

Но въ половинѣ второго пополудни я былъ уже у подножія послѣдняго огромнаго холма, оставивъ далеко позади своихъ товарищей.

А еще черезъ полтора часа я осилилъ и эту самую крутую, то и дѣло толкавшую гору и, полойдя къ мѣсту, гдѣ стоялъ когда то огромный крестъ, въ память восхожденья сюда какого-то епископа, я упалъ и первымъ словомъ моимъ было не благословеніе, а проклятіе, ибо совершенно обезсиленный, я рѣшительно утратилъ всякій смыслъ такого изнурительнаго подвига.

Упалъ и на толстомъ слоѣ бурыхъ мховъ въ ту же минуту уснулъ... А когда проснулся, то страшно дрожжалъ отъ холода и разложивъ изъ вѣтвей вереска костеръ, сталъ грѣться въ то время, какъ далеко внизу пестрѣли безсчисленныя полосы еще несозрѣвшихъ хлѣбовъ, а зеленые луга были наполовину усыпаны мельчайшими точками копенъ и стоговъ. Спутники мои не приходили.

И только потомъ, я вспомнилъ, что я нахожусь на вершинѣ Ивановскаго хребта, бѣлые гребни котораго такъ часто казались мнѣ облаками съ прозаичныхъ Семипалатинскихъ равнинъ.

И войдя на одинъ изъ жертвенниковъ бурханизма, я видѣлъ: и эти, кажущіяся далекимъ и неподвижнымъ моремъ Семипалатинскія равнины, и Зайртышскіе голубые горизонты, увѣнчанную темно-синими конусами величественную Аиртау, и бурныя волны горъ Бухтарминскаго края и безжизненныя вершины Туругунскаго, Коксинскаго и Коргонскато хребтовъ и, наконецъ, лиловый лабиринтъ, уходящей къ западу, Убинской долины...

Вблизи же меня на востокъ уходили широкимъ плоскогорьемъ совершенно безжизненныя площади вѣчныхъ снѣговъ. пѣгія какъ пантера и холодныя, какъ саванъ земли.

Далеко внизу, на краю зеленаго и гладкаго, замкнутаго въ горы плато, какъ столпившееся стадо овецъ, пестрымъ пятномъ виднѣлось с. Риддерское, а отъ самыхъ ногъ моихъ бросалась внизъ головокружительная пропасть—морщина, въ глубинѣ которой по безпрерывнымъ сѣрымъ корумамъ то и дѣло рыскали рыжіе сурки и ихъ красивому и звонкому: «Ку—фи» гдѣ-то въ сердцѣ горы вторило длительное и разсыпчатое эхо...

И всюду на склонахъ висѣли бѣлыя, снѣжныя поля, а ниже, безпрерывной зеленой щетиной, ползли густые лѣса,..

...Подложивъ подъ одинъ изъ тяжелыхъ камней свою визитную карточку, я медленно тронулся внизъ...

И когда спустился до самаго нижняго снѣжнаго поля, гдѣ отлежавшіеся и обыгавшіе отъ усталости спутники мои таяли пятый чайникъ снѣга и весело играли въ снѣжки, то солнце багровымъ пятномъ повисло уже надъ самымъ горизонтомъ и отъ длинныхъ голубыхъ тѣней глубокія горныя ущелья казались задумчиво нахмуренными...

Георгій Гребенщиковъ.

Высоты мѣстностей на Алтаѣ,

вычисленныя Г. К. Тюменцевымъ по даннымъ В. И. Верещагина.

Большая часть барометрическихъ данныхъ, по которымъ произведены вычисленія высотъ, опубликованы въ VI, IX и X томахъ «Алтайскаго Сборника» въ видѣ приложеній къ статьямъ В. И. Верещагина.

Для мѣстностей, въ которыхъ было сдѣлано нѣсколько барометрическихъ наблюденій въ разные годы, взяты среднія изъ этихъ наблюденій въ каждомъ году и потомъ вычислены среднія за всѣ года.

Звѣздочками обозначены высоты, вычисленныя изъ наблюденій, гдѣ не было показаній температуры воздуха.

Высоты вычислялись по таблицамъ Vogler'a «Graphische Barometertafeln» на Барнаулъ, за исключеніемъ №№ 82, 203-205, 206, 209, 214, 216, вычисленныхъ на Томскъ, и №№ 2, 11-20. 37-71, 77-79, вычисленныхъ на Бійскъ.

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
	I. Бійскъ—Чемалъ.		
1	Сростки	3	202.3
2	Сростинская гора	1	238.3
3	Тарханское	1	243.8
4	Суртайская	1	281.5
5	Суртайскій перевалъ	1	353,7
6	Р. Иша у перевоза	1	256.6

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
7	Чергачакъ	4	300.0
8	Улала	9	304.3
9	Бешпельтыръ	1	591.1
10	Узнезя	1	393.8
11	Чемалъ	82	451.6
	II. Улала—Пьянковскій перевалъ—Телецкое озеро.		
12	Тайная	2	259.8
13	Подчайная	1	241.9
14	Обабкова	2	254.9
15	Заимка Самарова	1	313.5
16	Пьянковскій перевалъ	1	481.0
17	Перевалъ Волынкиной горы	1	360.6
18	Берегъ р. Біи у перевоза въ 8 верст. ниже Кебезени	1	338.4
19	Артыбашъ	11	406.5
20	Урочище Кирсай	9	408.7
	III. Улала—Телецкое озеро (черезъ Никольское).		
21	Мостъ черезъ р. Сайдысъ, прит. Маймы	3	362.8
22	Пасѣка на Карасу	3	518.9
23	Перевалъ въ Салганду	1	708.0
24	Д. Салганда	1	453.9
25	Перевалъ въ Богучакъ	1	648.5
26	Перевалъ въ Саракопшу	1	725.0

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря
27	С. Никольское	1	598.8
28	Перевалъ въ Ынныргу	1	645.4
29	Д. Ынырга	1	489.5
30	Заимка	1	460.8
31	Переправа черезъ Уймень	2	352.2
32	Кебезень	4	408.3
33	Перевалъ Кебезень—Телецкое озеро	1	685.2
	IV. Телецкое озеро—Озеро Джюлю-коль.		
34	Урочище Кирсай у южнаго конца Телецкаго озера	9	408.7
35	Чулышманскій монастырь	3	419.9
36	Кумуртукъ	3	480.0
37	Устье Туура—кая	2	488.6
38	Урочище Элузы	4	683.7
39	Чулышманъ ниже Алага—тынъ—бома	1	742.1
40	Устье р. Тайболку	1	742.3
41	Чулышманъ ниже бома Титу—жёкъ	1	855.8
42	Чулышманъ между Теректуюломъ и Арыгэмомъ	1	899.1
43	Шавла, притокъ Чулышмана, близь устья	2	920.0
44	Устье Верхняго Тардая	1	1316.4
45	Чулышманъ близь устья р. Діаболу—Карагэмъ	1	1688.8
46	Р. Узунъ—оёкъ близь устья	1	2022.8
47	Оз. Джюлю—коль (Сойонская дорога)	2	2268.6
48	Чулышманъ у истока изъ озера Джюлю—коль	1	2200.3
49	Озеро Чалыкъ—коль (въ верховьяхъ р. Куркуре, праваго притока Чулышмана)	1	1435.8

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
	V. Устье р. Луойтукъ, притока Чулышмана,—верховья Чельчи—устье—Шавлы.		
50	Устье р. Луойтукъ - - - - - -	2	422.4
51	Тропа у Бардахы - - - - - -	1	1940.2
52	Бродъ черезъ р. Сурьязы - - - - -	1	1549.0
53	Озеро Ары-соёкъ - - - - - -	1	1490.5
54	Чельча близь устья р. Узунъ-колъ - - - -	2	1384.4
55	Чельча близь устья р. Богодай - - - -	1	1459.8
56	Озеро Иту-коль - - - - - -	2	1630.8
57	Тропа на р. Суулу - - - - - -	1	1757.1
58	Устье р. Менъ, прит. Чельчи - - - -	2	1819.4
59	Истоки р. Чельчи - - - - - -	1	2148.0
60	Озеро Арталышъ-тынъ-коль - - - -	1	1948.0
61	Перевалъ Лелю-артъ - - - - - -	1	2619,7
62	Озеро Эре-коль - - - - - -	1	1792.0
	VI. Озеро Джюлю-коль—верховья Башкауса.		
63	Степь Беконь-бре - - - - - -	1	2246.5
64	Пограничный столбъ въ верховьяхъ р. Бугусунъ -	1	2590.2
65	Киргизскій аулъ на р. Бугусунъ выше р. Каралья -	1	2204.1
	VII. Верховья Башкауса—Янъ Улаганъ.		
66	Башкаусъ у устья Тарбагана - - - -	1	2002,7
67	Устье р. Токпокъ, прит. Башкауса - - -	1	1801.9
68	Башкаусъ у устья р. Мукура - - - -	1	1619.6

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря
69	Башкаусъ у устья р. Нижній Эльдугэмъ - -	1	1525.2
70	Устье Саратана - - - - - -	1	1328.8
71	Устье р. Янъ-Улаганъ - - - - -	7	1236.4
	VIII. Элузы—Улаганъ—Курай.		
72	Перевалъ Элузы—Туралу, прит. Элу - - -	1	1321.6
73	Бродъ черезъ Туралу - - - - -	2	1302.2
74	Перевалъ Туралу—Янъ-Улаганъ - - - -	1	1615.0
75	Перевалъ Куадру—Курай - - - - -	1	2430.7
76	Послѣднія деревья въ верховьяхъ Курая - - -	2	2155.0
	IX. Янъ-Улаганъ—Чибитъ.		
77	Перевалъ изъ Улагана въ Чибитъ. Берегъ р. Сары-Ачекъ	1	1796.0
78	Перевалъ отъ Сары-Ачекъ къ озеру Кеделю-коль по дорогѣ изъ Янъ-Улагана въ Чибитъ - - - -	1	2050.1
79	Озеро Чейбекъ-коль по дорогѣ изъ Улагана въ Чибитъ -	1	1993.0
	X. Аносъ—Муята.		
80	С. Аносъ - - - - - - -	4	419.5
81	Перевалъ Аносъ-Юмурлу - - - - -	1	1078.5
82	Перевалъ Юмурлу-Муята - - - - -	1	1156.0
	XI. Чуйскій трактъ.		
83	Р. Поперечка - - - - - - -	3	294.4
84	С. Алтайское - - - - - - -	5	300.5
85	С. Сараса - - - - - - -	1	465.5*

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
86	Дер. Комаръ	5	661.3*
87	Перевалъ Комаръ	1	994.6
88	Чергинскій перевалъ	1	844.0*
89	С. Муята	31	725.1
90	Шаболина	7	877.7
91	Топучая	11	1194.9
92	Семинскій перевалъ	7	1688.5
93	Песчаная	6	1445.6
94	Песчанскій перевалъ	4	1495.3
95	Перевалъ передъ Теньгинскимъ озоромъ (1-й отъ Песчанскаго)	1	1487.5*
96	Перевалъ передъ Тенгинскимъ озеромъ (2-й отъ Песчанскаго)	5	1415.6
97	Озеро Теньгинское	4	1144.7
98	Теньга	27	1075.8
99	Дер. Туекта	6	1011.8
100	Онгудай	15	894.1
101	Хабаровка	2	965.8
102	Ильгуменскій перевалъ (Улегемскій) или Чике-Тамань	5	2789.4
103	Подножіе Чике-Тамань съ юга	1	1152.3
104	Мостъ черезъ Верхній Улегемъ	3	802.3
105	Ст. Керкечу	8	758.8
106	Перевозъ у Конгорара (устье Верхняго Еломана)	4	721.2
107	Перевозъ у устья р. Ини	1	841.4
108	Усть-Иня	11	826.0
109	Іодролы	5	985.1

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
110	Устье р. Саадакъ-ларъ	5	1034.0
111	Ст. Айгулакъ	1	1140.4
112	Урочище Сардума	4	1228.5
113	Чибитъ	2	1314.9
114	Урочище Бороталъ	6	1513.0
115	Аржаная гора	4	1934.8
116	Трактъ у р. Тайдилу	1	1698.2*
117	» у р. Атыртыргынъ	1	1642.0
118	Курай	36	1556.9
119	Мостъ черезъ р. Тытыгэмъ	1	1761.0*
120	Ст. Куяхтанаръ	2	1856.4*
121	Мостъ черезъ р. Куяхтанаръ	1	1882.7*
122	Трактъ противъ устья р. Чеганъ-Узунъ	5	1894.3*
123	Красная гора ниже р. Иту-дурекъ	2	1913.8*
124	Мостъ черезъ р. Иту-дурекъ	1	1878.8*
125	Красная гора выше р. Иту-дурекъ	2	1913.8*
126	Кошъ-Агачъ	120	1821.7
127	Займка Копылова въ Чуйской степи	2	1934.0*
128	Чуйскій трактъ противъ устья Бугусуна	4	1960.8*
129	Пикетъ Ташанты	10	2107.6*
130	Пикетъ Юстыдъ	14	2057.8*
131	Пограничный столбъ близь Юстыда	2	2406.0*
132	Хребетъ по лѣвую сторону р. Югуту въ ея истокахъ	1	2809.0*
133	Станъ немного выше сліянія Юстыда съ Югуту	2	2505.0*
134	Большое озеро ниже сліянія Юстыда съ Югуту	1	2374.2*

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
	XII. Теньга—Усть Канъ—Чарышская станица—Усть-Чарышская пристань.		
135	Ст. Іоло	2	1223.8
136	Р. Іоло у притора	2	1132.6
137	Перевалъ Іоло—Ябаганъ	3	1523.8
138	Ст. Ябаганъ	3	1296.7
139	Мостъ черезъ Топчуганъ	1	964.5
140	Мостъ черезъ Кайсинъ	3	927.2
141	Верховья р. Большой Кайсинъ	1	1975.2
142	Вершина Кайсинскаго хребта	1	2357.4
143	Тюдрала	41	863.9
144	Дер. Талица	2	874.2
145	Дер. Коргонъ	4	723.3
146	С. Сентелекъ	4	589.3
147	Ст. Чарышская	118	439.0
148	Маральевское	4	400.5
149	С. Огни	4	332.7
150	Коробейниково	2	206.3
151	Усть-Чарышская пристань	8	199.1
	XIII. Сарыколь-дюкъ—Ачикъ.		
152	Урочище Сары-коль-дюкъ на Чуѣ	2	966.3
153	Озеро Сарыколь	2	1227.7
154	Перевалъ Сарыколь дюкъ—Ачикъ	4	2129.5
155	Калмыцкій аилъ на р. Ачикъ	40	1729.5

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
	XIV. Курай—Каракэмъ—Артутъ—Ясатеръ—Тархатты.		
156	Р. Тёте выше Туура-оюкъ	4	1970.5
157	Граница лѣса въ верховьяхъ р. Тётё	2	2254.0
158	Перевалъ Тете—Кошконуръ	2	2626.8
159	Бродъ черезъ Кошконуръ	4	2346.5
160	Перевалъ Кошконуръ-Джело	2	2593.6
161	Устье р. Кызылъ-оекъ, прит. Джело	6	2283.7
162	Перевалъ Джело-Каракэмъ	2	2840.5
163	Граница лѣса по Каракэму	2	2345.7
164	Устье Іолдо-Айры (Бельтыръ)	3	1988.9
165	Устье р. Кумурлу-оекъ	2	1833.0
166	Устье р. Куанды-оекъ	1	1657.2
167	Станъ ниже Куанды-оекъ	6	1641.1
168	Станъ на Каракэмѣ у устья Энету	4	1483.9
169	Урочище Кемекечу на Аргутѣ противъ р. Курусай	12	1266.2
170	Урочище Эзимъ на Аргутѣ	4	1517.3
171	Бродъ черезъ Карадумышъ	6	1625.4
172	Станъ у р. Тюргунъ	4	1646.8
173	Станъ выше Кудурлу	5	1752.5
174	На Ясатерѣ ниже Аюлу	4	2243.3
175	Граница лѣса по Аюлу, прит. Ясатера	2	2341.5
176	Перевалъ Аюлу-Тархатты	2	2616.7
177	Киргизскій аулъ въ верховьяхъ Тархатты	4	2382.8

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
178	Граница лѣса по р. Тархатты - - - -	2	2304.5
	XV. Аргутъ—Устье Аккэма—Усть Иня.		
179	Устье р. Курусай, прит. Аргута - - - -	6	1312.9
180	Станъ у Узунъ-бома - - - - - -	2	1805.5
181	Перевалъ на р. Бортултагъ - - - - -	1	1705.6
182	Бродъ черезъ Бортултагъ - - - -	4	1485.3
183	Перевалъ Бортултагъ-Каиръ - - - - -	2	2246.1
184	Станъ на р. Чаарашъ - - - - -	2	1848 9
185	Перевалъ на р. Соёнъ-Чадыръ - - - -	2	2632.5
186	Бродъ черезъ р. Туукпанъ - - - - -	4	2093.6
187	Устье р. Аккэмъ - - - - - -	2	906.6
188	Устье р. Казнакты - - - - - -	4	863.5
189	Лѣвый берегъ Катуни противъ устья р. Чуи - -	2	952.2
	XVI. Тархатты—Чеганъ Бургазы—Кокъ-Сайры.		
190	Подножіе первыхъ горъ у р. Тархатты - - -	1	2200.5
191	Урочище «Какъ» на р. Тархатты - - - -	2	2142.9
192	Устье Нарымъ-кола, прит. Тархатты. Послѣднія лиственницы - - - - - - - - -	1	2283.0
193	Перевалъ съ Нарымъ-кола къ Чеганъ-Бургазы - -	1	2601.3
194	Чеганъ-Бургазы у подножія горы Тёжи - - -	1	2326.5
195	Послѣднія лиственницы на Чеганъ-Бургазы - -	1	2144.5
196	Выходъ р. Кокъ-сайры изъ горъ - - - -	2	2077.1
197	Калмыцкая могила на горѣ Кокъ-сайры-басъ или Іикту	2	2736.6
198	Перевалъ отъ Кокъ-сайры къ Сара-Каиру - - -	1	2356.8

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
	XVII. Курай—верховья Актру.		
199	Граница лѣса на р. Актру (терраса лѣваго берега) -	2	2316.5
200	Нижній конецъ ледника Актру - - - -	2	2272.8
	XVIII. Уймонскій трактъ.		
201	Катунское - - - - - - - -	4	214.8
202	Смоленское - - - - - - -	4	207.3
203	Берегъ р. Песчаной выше дер. Точильной - -	1	164.0
204	Ст. Бѣлокуриха - - - - - -	2	253.5
205	Новая Бѣлокуриха - - - - - -	1	275.6
206	С. Алтайское - - - - - - -	5	300.5
207	Куеганскій перевалъ - - - - - -	2	872.3
208	Баранча - - - - - - - -	2	631.0
209	Куяча - - - - - - - -	1	629.2
210	Куеганъ - - - - - - - -	2	578.7
211	Тоуракъ - - - - - - -	1	659.8
212	Р. Песчаная выше Тоурака - - - - -	2	712.2
213	Ануйскій перевалъ (Тоуракъ-Ануй) - - - -	2	1414.4
214	С. Маріинское - - - - - - -	3	1070.8
215	Черный Ануй - - - - - - -	6	775.8
216	Мута - - - - - - - -	1	947.3
217	Келей - - - - - - - -	2	957.3
218	Перевалъ Эконуръ-Келей - - - - -	2	1361.0
219	Перевалъ Эконуръ Усть-Канъ - - - -	2	1227.2

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
220	Усть-Канъ	8	1049.8
221	Ст. Кырлыкъ	4	1276.5
222	Перевалъ Кырлыкъ-Абай	2	1562.7
223	С. Абай	2	1205.3
224	Дер. Красноярка	2	1221.1
225	С. Коксу	2	1192.4
226	С. Нижній Чймонъ	20	1075.5
227	Перевалъ Н. Уймонъ-Котанда	2	1435.2
228	С. Котанда	2	1151.2
	XIX. Черный Ануй—Сычевка.		
229	Перевалъ между Чернымъ Ануемъ и Топольной	1	637.5
230	Солоновка	1	928.0
231	Р. Черная между Солоновкой и Сычевкой	1	240.7
	XX. Катунскіе бѣлки (Уймонъ—Рахмановскіе ключи—Аргутъ).		
232	Азбестовыя копи около Верхняго Уймона	6	1982.9
223	Верховья Кривого Окола	2	2274.8
234	Станъ на р. Сугашъ	4	1810.1
235	Перевалъ Сугашъ Зайчиха	2	2297.4
236	Перевалъ Зайчиха-Собачья	2	2199.7
237	Бродъ черезъ р. Собачью	4	1863.7
238	Перевалъ на притокъ Собачьей	2	2118.4
239	Перевалъ къ р. Тихой	2	2274.3

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря
240	Бродъ черезъ р. Тихую	4	1978.2
241	Перевалъ Тихая-Хайрюзовка	2	2111.8
242	Тальменье озеро	6	1594.7
243	Перевалъ Тальменье озеро—Становая	2	2245.2
244	Бродъ черезъ р. Становую	4	2015.8
245	Устье р. Тюргенъ	4	1628.8
246	Станъ въ варховьяхъ Катуни	4	1834.4
247	Верховья р. Катуни	8	1891.9
248	Перевалъ на Б. Берель	2	2043.6
249	Бродъ черезъ Черную Берель	4	1732.8
250	Перевалъ Черная Берель—Рахмановскіе ключи	2	2332.8
251	Рахмановскіе ключи	6	1868.6
252	Перевалъ Рахмановское озеро—р. Залавочная	2	2410.7
253	Станъ на р. Черная Берель	4	2150.9
254	Озеро Коксинское	2	2118.1
255	Устье р. Бѣлой, прит. Коксу	4	1776.9
256	Бродъ черезъ р. Коксу	4	1714.0
257	Салкечу на Акъ-Алаха	6	1640.7
	XXI. Колыванское—Суетка—Тулата—Андреевскій поселокъ.		
258	С. Колыванское	16	507.6
259	Озеро Бѣлое	4	592.3
260	Дер. Бугрышиха	2	381.2
261	Дер. Суетка	2	523.9

№№ по порядку.	Наименованіе пунктовъ.	Число наблюденій.	Высота въ метрахъ надъ уровнемъ моря.
262	С. Бѣлое - - - - - - -	2	448.7
263	С. Усть-Чагырка - - - - - -	2	463.0
264	Дер. Турата - - - - - - -	4	448.2
265	Тулатинскій поселокъ - - - - -	2	491.0
266	Яровской поселокъ - - - - - -	2	717.2
267	Тигерекскій поселокъ - - - - - -	8	521.0
368	Верховье Большого Тигерека - - - -	6	1358.0
269	Андреевскій поселокъ - - - - - -	2	618.8

Списокъ

ИЗВѢСТНЫХЪ СЕОКОВЪ АЛТАЙСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

У АЛТАЙЦЕВЪ **(алтай-кижи)** зарегистрованы слѣдующіе сеöки: аара, алматъ, байлагасъ, богусханъ, дёрбетъ (тербётъ) еёлюкъ (еликъ), иркитъ (ыркытъ), кыпчакъ (копчакъ), кергиль, кöбöкъ, кооболу, кööжö, каалъ, мундусъ, меркитъ (меркутъ), модоръ, моголъ (монголъ), меретъ, найманъ (майманъ), пурутъ (прутъ, брутъ,) соенъ, сагалъ (саалъ, чоръ-сагалъ), суузаръ, тодошъ, теöлёсъ, тонжанъ (тонжуанъ, тонгжонъ), танды, туматъ (томатъ), тогулъ (тогусъ), утты-саръ (теть-сары, паланъ), чапты, чагандыкъ, юдюбъ (юлюпъ), юсь, ярыкъ (ябыръ), оöчу (очы), канъ, чоросъ, котты.[1])

У ЧУЙЦЕВЪ **(чу-кижи)** — алматъ, иркитъ (ыркытъ), кыпчакъ (копчакъ), кергиль, кöбöкъ, мундусъ, меркитъ (меркутъ), моголъ (монголъ), оргончи, ойротъ, соёнъ, сагалъ (саалъ, чоръ-чагалъ), теöлёсъ, тонжанъ (тонжуанъ, тогжонъ), титасъ (тетытасъ, тетыдасъ), ябагъ.[2])

У ЧЕРНЕВЫХЪ ТАТАРЪ **(туба, ышъ-кижи)** — байлагасъ, кергиль, комдошъ (кöмнöшъ, кондошъ), кузень (кюзень), мундусъ, педебышъ (чедыбышъ), соёнъ, сайгыларъ (салгыларъ),

[1]) Швецовъ С. П. Горный Алтай и его населеніе, т. I стр. 91-92 и Аристовъ Н. А. Замѣтки объ этническомъ составѣ и пр. стр. 342.

[2]) Горный Алтай и его населеніе т. I, стр. 94-95.

танды, тогулъ (торгулъ, тогусъ), тентерекъ, тиберъ, тастаръ, утты-саръ (тетьсары, паланъ), шооръ (чёръ, сары-черъ), юсь, юуты (тыуты) юртасъ (тюртасъ), ярыкъ (ябыръ), яланъ, чагатъ (чыгалъ), санмай, тиргешъ, йобуръ, тонъ.[1])

У КУМАНДИНЦЕВЪ (ку-кижи) — тастаръ, тоёнъ, чоботъ, юты, кубанды (куманда), со, тонъ-кубанда, якши, чалманъ, чабрашъ.[2])

У КИРГИЗЪ китайскихъ эмигрантовъ, находящихся среди кочевій «алтай-кижи» — иркитъ (ыркытъ), кёбёкъ, кочугетъ, моголъ (монголъ), сёенъ, ябагъ, хорисалъ.[3])

У ТЕЛЕУТОВЪ — торо, очу, миркитъ (иркитъ, ыркытъ), акъ-туматъ, кара-туматъ, чоросъ, кыпчакъ сартъ, найманъ (майманъ), телесъ (теёлёсъ), торгулъ, мундусъ, кочкоръ-мундусъ, тотошъ (тодошъ), пурутъ (прутъ, брутъ), чалманъ.[4])

У ТЕЛЕУТОВЪ, живущихъ смѣшанно съ народцемъ ачъ-каштимъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ — йюрты, тёртъ-асъ, чингисъ, анъ.[5])

У ШОРЦЕВЪ — кызай (кызылъ-кая), таяшъ, кый, карашоръ, сарыгъ-шоръ, карга, чедебысъ, конгы, койы, челей, себе, тартктынъ, уста, кобый, аба, таганъ, керешъ, баръ-соятъ, шалкалъ, бешъ-боякъ.[6])

У ШОРЦЕВЪ, живущихъ смѣшанно съ телеутами въ сѣверныхъ отрогахъ Кузнецкаго Алатау — къ западу отъ р. Томи — ачъ-кештимъ, торгулъ, комношъ, камларъ, ачинъ и шю.[7])

---

[1]) Горный Алтай и его населеніе т. I, стр. 93-94 и Затѣтки объ этническомъ составѣ и пр. стр. 343.

[2]) Горный Алтай и его населеніе т. I, стр. 96 и Замѣтки объ этническомъ составѣ и пр. стр. 343.

[3]) Горный Алтай и его населеніе стр. 96.

[4]) Замѣтки объ этническомъ составѣ и пр. стр. 340.

[5]) В. В. Радловъ „AUS SIBIRIEN“ т. I, стр. 216. Народецъ каштимъ фигурируетъ въ надписи на Кая-бащи — В. В. Радловъ „Die alttürkischen In — schriften der Mongolei,“ Спб. 1895 г. стр. 428 Кештимъ подъ именемъ кешидимъ упоминается въ числѣ племенъ, покоренныхъ Чингисъ-ханомъ одновременно съ киргизами, теёлёсами и теленгу. — Труды Рос. Дух. Мис. въ Пекинѣ. т. 4. стр. 235 и Вост. сборн. т. I, 1877 г. стр. 191.

[6]) Замѣтки объ этническомъ составѣ и пр. стр. 343.

[7]) „AUS SIBIRIEN“ т. I, стр. 212—215.

СИБИРСКІЕ ЗАГОВОРЫ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Заговоры, имѣющіе въ виду непосредственно человѣка.
а) Заговоры отъ разныхъ болѣзней (№№ 1—12).
1) Отъ зубной боли (№№ 1—3).
2) Заговоры отъ укуса змѣями и въ предупрежденіе укуса ими-же (№№ 4—8).
3) Отъ разныхъ болѣзней и порѣзовъ (№№ 9—12)
в) Заговоры, произносимые съ цѣлью избавить себя отъ грядущаго «зла», порчи и т. п. (№№ 13—18).
с) Присушки и отсушки. Свадебные заговоры (№№ 19—25).
II. Хозяйственные заговоры.
а) Болѣзни животныхъ (№№ 26—28).
в) Заговоры, произносимые съ цѣлію уберечь скотъ (№№ 29—32).
с) Заговоры, произносимые съ цѣлію сохранить въ цѣлости хлѣба на пашнѣ, пасѣки и пр. (№№ 33—37).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заговоры, печатаемые въ настоящемъ сборникѣ, записаны въ разныхъ мѣстахъ Томской губ. и Семипалатинской обл. и разными лицами по просьбѣ Подъ-отдѣла. Нельзя сказать, чтобъ лица, принявшія на себя такую важную миссію, какъ запись произведеній народнаго творчества, соблюдали при этомъ необходимыя правила. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что языкъ печатаемыхъ заговоровъ подвергся, напр., исправленіямъ со стороны записывающихъ, а между тѣмъ не только интересно, но и важно имѣть подлинную (не подправленную съ орѳографическими цѣлями) рѣчь знахарей, затѣмъ, важно знать ихъ имена, лѣта, занятія, образъ жизни и т. п., ибо всѣ эти свѣдѣнія обычно необходимы для изучающихъ народное творчество и народный языкъ.

Подлинныя рукописи печатаемыхъ заговоровъ хранятся въ библіотекѣ Подъ-отдѣла подъ №№ 1, 99 и 264. Изъ рукоп. № 1 взяты слѣдующіе заговоры: №№ 6, 7, 16, 25 и 26. Они сообщены г. Е. Клевакинымъ, а записаны г. Власовымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая приписка: «Горный кандидатъ Зыряновскаго рудника А. Егор. Власовъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1887 г. былъ на Рахмановскихъ горячихъ ключахъ (вблизи Рахмановскаго озера на Южномъ Алтаѣ); тамъ онъ познакомился съ крестьяниномъ—знахаремъ, который передалъ г. Власову нѣсколько заговоровъ по разнымъ случаямъ подъ величайшимъ секретомъ и съ тѣмъ, чтобы заговоры эти не передавать людямъ старше его возрастомъ, п. ч. тогда заговоры потеряютъ будто-бы силу».

II

Изъ рукописи № 99 взяты заговоры, помѣщенные подъ №№ 3—5, 10—15, 19, 21, 23, 27, 37. Они записаны г. Поникаровскимъ; № 14 въ селѣ Камышное (Семипалат. у.) въ 1866 г.; №№ 4, 10, 15, 19, 23 въ Семипалатинскѣ въ 1866 году; №№ 3, 5, 11, 12, 13, 21, 27 и 37 въ Кузнецкомъ округѣ (Томской губ.) въ 1878 г.

Изъ рукописи № 195 взяты заговоры №№ 8, 32—36. Они записаны въ д. Усть-Тулатинкѣ (Бійскаго округа) отъ крест. этой деревни Гр. Вас. Бердюгина въ 1892 г.

Изъ рукописи № 264 взяты заговоры №№ 1, 2, 9, 17, 18, 20, 22, 24, 28—31. Они записаны учителемъ г. Полторыхинымъ въ Тулатинскомъ фарпостѣ (Чарышской станицы, Бійскаго у.) въ 1892 г.

Я. Бирюковъ.

12 сентября 1911 г.

I. Заговоры, имѣющіе въ виду непосредственно человѣка.

а) Заговоры отъ разныхъ болѣзней.

1) Отъ зубной боли.

№ 1.

1. Батюшка младъ мѣсяцъ, ходишь во дни и въ ночи, видишь живыхъ и мертвыхъ. Какъ у мертва-мертвяка зубы не болятъ, десны не ноютъ, такъ у раба Божія (имя рекъ) зубы не болѣли бъ, десны не ныли, черви не точили. (Шепчи на воскъ и лѣпи на больной зубъ).

№ 2.

2. Младъ мѣсяцъ въ небѣ, левъ-звѣрь въ полѣ, Змѣй-Горюнычъ въ морѣ; когда они сойдутся на Сіонску гору, станутъ дѣлъ дѣлить—тогда мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), станутъ зубы лить. (На щекѣ, противъ больного зуба, причеркивать безымяннымъ пальцемъ и вечернимъ зорямъ по 3 раза).

№ 3.

3. Сталъ я рабъ (имя рекъ) благословясь, пошелъ я перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, подъ востокъ, подъ восточную сторону, на окіянъ-море; на окіянъ-морѣ есть островъ, на островѣ желты пески, на желтыхъ пескахъ лежитъ 77 мертвецовъ; у 77 мертвецовъ есть Семенъ-Мертвякъ; подойду я къ нему поближе, поклонюсь пониже: «Батюшка Семенъ-Мертвякъ, болятъ ли у тебя коренные зубы или передніе?»—«Нѣтъ, у меня не болятъ ни коренные, ни передніе». Какъ у тебя не болятъ, такъ бы и у раба (имя

рекъ) не ныли и не болѣли зубы и черви десны не точили! Будьте мои слова всѣ сполна крѣпки и лѣпки—крѣпче и лѣпче остра ножа булатнаго; языкъ мой—ключъ, уста—замокъ.

2) Заговоры отъ укуса змѣями и въ предупрежденіе укуса ими-же.

№ 4.

Отъ укуса змѣей.

1) Святъ, Святъ, Самъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Пресвятая Мать, Пречистая Богородица, содержишь ты всѣхъ святыхъ за кротость Его. На морѣ на окіянѣ лежитъ белатырь—камень; по белатырѣ камнѣ стоитъ липовый кустъ; въ томъ кустѣ лежитъ овечье руно, въ томъ рунѣ лежитъ змѣя-магазея. Маха! Маха! и всѣмъ змѣямъ повиваха! унимай всѣхъ своихъ тридевять Лѣсовыхъ, тридевять Полевыхъ, тридевять Домовыхъ, тридевять Летучихъ, тридевять Ползучихъ, тридевять Болотныхъ, тридевять Подколодныхъ, тридевять Водяныхъ, тридевять Ярыхъ и вынимай и жало и ярость тому (имя рекъ). Не вымешь ты и жало и ярость и опухъ, пошлетъ на тебя Михаилъ Архангелъ каменную тучу—тебя громомъ убьетъ, а дѣтей твоихъ молоньей сожгетъ, пепелъ по чисту полю развѣетъ. Ходитъ Богъ и Пречистая по чисту полю, собираютъ цвѣты со святой травы и прикладываютъ раны рабу (имя рекъ) жатыми цвѣтами и глиною печною и вынимаетъ жалы и ярость и опухъ—и себя сербитъ (свербитъ?), себя и заживаетъ.

№ 5.

2) Господи, Іисусе Христе, Сынъ Божій, и помилуй меня грѣшнаго! У тебя, змѣя, въ ротѣ вода и въ морѣ вода; лежитъ бѣлугинъ камень въ морѣ—не знаетъ онъ ни скорби, ни болѣзни, не берутъ его ножи и ни булаты и ни змѣиныя жала—такъ бы и меня, раба Божія (имя рекъ), изъ-подъ материнаго рожденья мое тѣло бѣло не знало бы оно ни скорби, ни боли, и ни болѣзни никакой, не брали бы его ни ножи, и

ни булаты, и ни змѣиное жало. Будьте вы, слова мои, всѣ сполна крѣпки и лѣпки, крѣпче и лѣпче остра ножа булатнаго. Языкъ мой—ключъ, уста мои замокъ.

№ 6.

Заговоръ, произносимый послѣ укуса змѣей.

На сухомъ деревѣ, на рябинѣ—змѣя отпускаетъ свое жало въ синее море. Въ синемъ морѣ есть бѣлъ камень-горючъ; отъ этого камня не было плоду, отъ змѣи—(цвѣтъ змѣи) не было ходу. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь.

(Проговорить 3 раза).

№ 7.

Заговоръ въ предупрежденіе укуса змѣей.

Встану я рабъ (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на Востокъ, въ Восточную сторону, къ окіянъ-морю. На окіянъ-морѣ не боится спать сыра земля грому гремучаго, молоньи палючей. Молонья ярко сверкаетъ,—до неба высоко, до моря далеко—у змѣи (цвѣтъ змѣи—черной, сѣрой или мѣдной) жала нѣтъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь.

(Проговорить три раза и плюнуть на змѣю *) также 3 раза).

№ 8.

Отъ разныхъ вредныхъ гадовъ (змѣй и пр.)

1. Гада, ты, гада, зародилась ты, гада, не отъ Господа Бога и не отъ самой матушки Пресвятой Богородицы,—зародилась, гада, отъ самаго сатаны и отъ врага—супостата. Выдерни, гада, свое ярое жало! Не выдернешь, гада, свое ярое жало, пой-

*) Знахарь, передавшій этотъ заговоръ, говорилъ, что если змѣя не убѣжитъ послѣ троекратнаго прочтенія заговора, то ее можно взять въ руки и допустить до себя, т. к. она уже кусаться не будетъ. Однако это можно дѣлать не каждый разъ, не часто и осторожно.

ду я на тебя ко Господу Богу съ жалобой,—сошлетъ на тебя Господь 3 евангелиста и 3 прута мѣдны, 3 прута желѣзны и 3 прута булатны; разсѣкутъ тебя, гада, по частѣ вдоль и поперекъ, развѣютъ пепелъ твой! Языкъ—ключъ, уста—замокъ. Аминь.

3) Отъ разныхъ болѣзней, порѣзовъ и пр.

№ 9.

Отъ ломоты.

Уймись, озевище и ломотище, изъ буйной головы, изъ ретива сердца, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ костей, изъ мозговъ, изъ перстовъ, изъ суставовъ и утулись; брошу я тебя на быстры рѣки. Матушка, быстрая вода, идешь ты въ море—и унеси озевишу и ломотищу съ раба Божія (имя рекъ) въ море и морскую пучину, на самую кончину.

№ 10.

Когда горло болитъ.

Какъ у мертваго мертвеца нѣтъ горной болѣзни, такъ у раба Божія (имя рекъ) не было бы ни горной болѣзни, ни костной и ни жильной отнынѣ и до вѣка. Аминь. (При произнесеніи этого заговора нужно 3 раза очертить безымяннымъ пальцемъ и перекрестить крестъ на крестѣ по утру во время зари и вечеромъ).

№ 11.

Какъ остановить кровь при порѣзахъ.

Встану я благословясь, пойду я перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ, подъ восточную сторону. На окіянѣ-морѣ златъ престолъ, сидитъ Матушка Пречиста Богородица на престолѣ. У те, мать Пречиста, Пресвята Богородица, во златыхъ рукахъ златая иголочка, во златой иголочкѣ шелкова нитка; шелкова нитка исшивается,

у раба Божія (имя рекъ) кровь горяча запекатся, жила съ жилой сбѣгатся, тѣло бѣлорубцомъ заростатся.

№ 12.

Отъ всѣхъ болѣзней.

Сталъ я рабъ (имя рекъ), благословясь, пошелъ я, перекрестясь, изъ избы дверями, изъ воротъ воротами подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ утреннюю зарю Марены, подъ вечернюю зарю Маремьяны; умоюсь я утреннею росою, утрусь ризой нетлѣнной; пойду я на океанъ-море—На океанъ-морѣ есть островъ; на этомъ островѣ стоитъ бѣлая береза и зеленый дубъ. Изъ-подъ бѣлой березы, изъ-подъ зеленаго дуба выходитъ царь, въ рукахъ держитъ калену лукову стрѣлу и сострѣливаетъ съ раба (имя рекъ) порчу (названіе порчи) съ его тѣла, съ крови, съ его легкой печени, съ его ретивого сердца, съ его 77 жилъ, съ его 77 суставовъ—такъ же рабъ (имя рекъ) беру ту-же калену лукову стрѣлу и сострѣливаю съ раба (имя рекъ) порчу съ его тѣла, съ его крови, съ его легкой печени, съ 77 жилъ, съ 77 суставовъ на пни, на колоды и на зыбучія болота. Вкругъ меня желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ востока и до запада и булатныя ворота; у булатныхъ воротъ калена луковая стрѣла сострѣливаетъ съ раба (имя рекъ) порчу съ его тѣла, съ его крови, съ его легкой печени, съ его ретивого сердца, съ его 77 жилъ, съ его 77 суставовъ—такъ и я рабъ бсру ту-же и сострѣливаю тамъ-же.

в) Заговоры, произносимые съ цѣлью избавить себя отъ грядущаго „зла“, порчи и т. п.

№ 13.

Чтобъ обезопасить себя отъ всякаго зла.

Сталъ я рабъ (имя рекъ) благословясь, пошелъ я перекрестясь изъ избы дверями, изъ воротъ воротами подъ во-

стокъ, подъ восточную сторону, подъ утреннюю зорю Марены, подъ вечернюю—Марены; вкругъ меня—желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ востока до запада. Этотъ тынъ никто не можетъ ни перейти, ни переѣхать—ни еретикъ, ни еретица и ни колдунъ, ни колдуница, ни встрѣчной, ни поперечной и ни баба-простоволоска и ни дѣвка-самокрутка, ни бѣлый, ни русый, ни черный, ни черемный. Будьте всѣ слова мои сполна крѣпки и лѣпки—крѣпче и лѣпче остраго ножа булатнаго. Языкъ мой—ключъ, уста мои—замокъ.

№ 14.

Отъ всякаго зла.

Дѣва Марія, гдѣ спала—почивала? На томъ древѣ—кипарисѣ, на ирбитской на горѣ, мала чадо народила, во полотно пеленала, алы краски проливала, гвоздями убивала. Кто этому сну повѣруетъ, того Господь Богъ спасетъ отъ пули и меча, отъ востраго ножа, отъ лѣсного заблужденья, отъ воденого потопленья.

№ 15.

Отъ злого заговора.

Стоитъ мужикъ желѣзный, подперся посохомъ желѣзнымъ,—какъ у мужика ротъ не растворится и языкъ не подымется, такъ же у моего недруга ротъ бы не растворялся и языкъ не подымался бы отнынѣ и до вѣка. Аминь (трижды). (Проговорить заговоръ три раза).

№ 16.

Отъ порчи.

Дай мнѣ, Господи, на сей день Господень великую оборону—крестъ животворящій. Крестомъ опасуюсь и крестомъ сохранюсь, ключевой водой умоюсь, крестовымъ полотенцемъ утрусь, пеленой Господней заклинаюсь; въ той пеленѣ пеленаюсь, въ которой Матушка Пресвятая Богородица Истинна-

го Христа пеленала, въ той пеленѣ весь и запеленаюсь. Запри меня, Господи, и запечатай тѣло мое, сердце мое, уста мои отъ худыхъ дѣлъ, отъ злыхъ людей, отъ еретика, отъ еретицы, отъ колдуна, отъ колдуницы, отъ змія-скородѣла, отъ ужа ползучаго, отъ огня кипучаго, отъ остраго ножа, отъ зубастаго серпа, отъ огня, отъ пламя и отъ злыхъ людей— во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. (Проговорить 3 раза).

№ 17.

Отъ порчи.

Встану я благословясь, пойду я, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота подъ востокъ, подъ восточную сторону къ океанъ-морю. Въ океанѣ-морѣ стоитъ быкъ желѣзный и мѣдны рога, оловянны глаза. Ты, быкъ, желѣзный и мѣдны рога и оловянны глаза, вынь изъ раба Божія (имя рекъ) внутренну порчу и верхову, подхвати изъ него, брось въ океанъ-море, въ бѣлый мелкій жемчугъ—песокъ, въ печатную сажень, втопчи, чтобъ она не могла ни выдти, ни выплыть. (Этотъ заговоръ нужно 3 раза проговорить надъ рыбьимъ жиромъ, рѣдечнымъ сокомъ или виномъ, а потомъ этой жидкостью или смазать часть тѣла или дать выпить порченому.)

№ 18.

Отъ уроковъ.

Встану я благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ, подъ восточную сторону, на океанъ-море, на златъ престолъ. На златомъ престолѣ сидитъ Матушка Пресвятая Богородица; подойду поближе, поклонюсь пониже. Взвилась (взвылась?) Матушка Пречиста Богородица объ рабѣ Божіёмъ (имя рекъ)—снимитеся уроки, призоры съ раба Божія (имя рекъ), уймись тыкота, ломота и позѣвота съ раба Божія (имя рекъ). Будьте слова и лѣпки и крѣпки, крѣпче камня востраго, ножа булатна-

го. (Шептать нужно на воду, которой вспрыснуть больного и дать ему напиться).

с) Присушки и отсушки. Свадебные заговоры.

№ 19.

Присушка.

12 вѣтровъ, 12 братовъ, дули—подували съ востока и до запада, сушили лѣса подчерневые, травы подкошенныя; вы-же, 12 вѣтровъ, 12 братовъ, берите тоску, несите тоску, не бросайте тоску ни на калинникъ, ни на малинникъ, ни на таволошникъ, ни на жимолостникъ, ни на тихо озеро,—берите тоску, несите тоску, бросьте тоску той рабицѣ (имя рекъ) въ ретивое сердце, въ кровь горячую, во весь станъ человѣчій. Будьте мои слова и приговоры крѣпки и лѣпки—крѣпки ко мнѣ, крѣпче булата, вострѣе остраго ножа, крѣпче булатнаго острія. Языкъ—ключъ, уста—замокъ. Аминь. (Говорить въ печное цѣло (чело) или въ дымъ утромъ).

№ 20.

Присушка.

Встану я благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота подъ востокъ, подъ восточну сторону. Подъ восточной стороной етоитъ избушка, въ избушкѣ—печь, на печи доска, на этой доскѣ тоска. Тоска-тоскушша, сухота-сухотушша, плачъ-плакущща, чтобъ плакалъ—тосковалъ, съ ума-разума не спускалъ, во сну не засыпалъ, въ ѣдѣ не заѣдалъ, въ питье не запивалъ, въ холодѣ не захаживалъ. Пойду я изъ улки въ улки, изъ переулка въ переулокъ, по калиновому мосту съ 3 братцами съ буйными вѣтрами по калиновому мосту, по переходамъ, по переѣздамъ, попадаютъ мнѣ-ка 12 вихрей вихоревичей: «Гдѣ рабу Божію (имя рекъ) найдете, бѣлу грудь распорете, эту тоску—тоскушшу пустите, въ ретиво сердце положите,

чтобъ она плакала, тосковала объ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) чище сухой сушины и сухой печины и сухой вѣничины». Сидитъ рабъ Божій (имя рекъ) за столы дубовыми, за скатерти браными, за ѣсвы сахарными, за питьи діяными (медяными?)—скакала, бросалась раба Божія (имя рекъ) за столы дубовы, за скатерти браны, за ѣсвы сахарны, за питья діяны и брала бы она, раба Божія (имя рекъ) за бѣлыя руки, за златыя перстни, въ уста цѣловала, къ сердцу прижимала своимъ милымъ другомъ называла. (Хоть по вѣтру пусти до 3 разъ переговаривай и дуй; хоть на вино или что-нибудь съѣстное шепчи—это лучше; если не пожалѣешь, то прибавь: «Какъ матушка у меня слюна сохнетъ-изсыхаетъ въ ротѣ, такъ (имя рекъ) сохла бы изсыхала объ рабѣ Божіемъ (имя рекъ) раба (имя рекъ).» Эту слюну пустить въ ѣду или питье).

№ 21.

Присушка.

Всталъ я рабъ (имя рекъ) не благословясь, пошелъ я не перекрестясь не изъ избы дверями, не изъ воротъ воротами ни подъ востокъ, ни подъ восточную сторону, не подъ утреннюю зорю Марены, не подъ вечернюю—Маремьяны; пойду я не путемъ, не дорогою: встрѣчу—летитъ мнѣ лютый огненный змѣй объ трехъ головахъ и объ шести крылахъ; изъ рта пламень пышетъ, изъ ноздрей искры валятъ, изъ ушей дымъ столбомъ. Я, рабъ (имя рекъ), не устрашусь, не убоюсь, подойду поближе, поклонюсь пониже: «Гой еси, лютый огненный змѣй, куда летишь?—за горы за высокія, за лѣса за темные, за пещеры глубокія; зажигалъ я 77 дубовъ и 77 городовъ»—«Гой еси, лютый огненный змѣй, не летай за горы за высокія, за лѣса за темные, за пещеры глубокія—полетай за синее море: на синемъ морѣ есть мѣдная доска, на мѣдной доскѣ есть дѣвка-тоска, въ рукахъ держитъ тоску-тоскушую, сухоту-сухотушую, печень безконечную, неси и береги, не рони, не вырони ни въ воду, ни на землю, береги отъ вѣтра, отъ вихря, принеси и положи къ рабицѣ (имя рекъ) въ легкую печень, въ ретиво сердце, въ 77 жилъ, въ 77 суставовъ, въ

плоть и хоть, чтобъ она сномъ не засыпала, ѣдой не заѣдала, въ гульбѣ не загуливала, въ бесѣдѣ не засиживала, шитьемъ не зашивала, вѣникомъ не спаривала, водой не смывала, плакала бы и горевала и меня раба съ ума-разума не спускала. Какъ разгорается и раскипается въ горну желѣзо, такъ бы и разгорались и раскипались у рабы (имя рекъ) легка печень, ретиво сердце, 77 жилъ, 77 суставовъ, плоть и хоть. Будьте вы, слова мои, всѣ сполна крѣпки и лѣпки, крѣпче и лѣпче остраго ножа булатнаго. Языкъ мой—ключъ, уста—замокъ.

№ 22.

Отсушки.

1. Какъ ты, порогъ, лежишь поперекъ, такъ бы и ихны слова шли поперекъ; не стрѣли-бы, не плѣли-бы ко мнѣ.

2. Какъ ты матушка—матица, во святой горницѣ лежишь поперекъ и такъ ихны слова шли бы поперекъ: не стрѣли бы, не плѣли бы ко мнѣ. («Станешь пить что либо, носомъ отдуй и взгляни на матку. Если въ избу заходишь, то и это на умѣ, а въ блюдцѣ чай отдуй носомъ». Слова знахаря).

№ 23.

Отъ тоски.

Горитъ гдѣ, мати, бѣлокирпичная печь, сохнетъ и колется, не отходитъ отъ бѣлодубоваго столба тоя, и рабица Божія (имя рекъ) не могла бы она дни дневать, часы часовать, денные часы и полуденные, во всѣ сутки, во всѣ двадцать четыре часа; на молоду и на ветху и на перекрой, при утренней зорѣ—Марьѣ, при вечерней—Маремьянѣ та ли бы рабица раба (имя рекъ) въ яствахъ не заѣдала, въ питьяхъ не запивала, во снѣ не засыпала, въ мыльной банѣ не смывала, дабы рабица Божія раба на умѣ, на разумѣ держала такъ, и будьте мои слова и приговоры всѣ сполна и исполна—передни слова на переди, задни назади—моимъ словамъ аминь. На аминѣ самъ Господь утвердилъ небо и землю: такъ и мои слова будьте лѣпки и крѣпки.

Свадебные заговоры

№ 24.

1. Какъ туясъ безъ дна, такъ и дружка и весь поѣздъ безъ ума. [«Съ улицы пошаркаешь туясомъ о скобу; первый возьмется дружка,—вино станетъ подавать и обдувать» (т. е. глупить)].

2. Идетъ медвѣдь изъ берлоги, ложится на дорогу, чтобы кони хропали, скакали, гужи и завертки обрывали. («Медвѣжьимъ ногтемъ шабаркни, передъ поѣздомъ въ церковь, нѣсколько разъ по дорогѣ». Слова знахаря).

3. Въ дымное окно подкладное бревно,—какъ подкладное бревно вперевертъ, и со свадьбой полусанки вперевертъ.

4. Какъ съ поганаго ведра обручъ колесомъ, такъ и дружка съ сѣдла колесомъ («передъ поѣздомъ катни спавшій обручъ; какъ дружка доѣдетъ до этого мѣста, такъ и вылетитъ изъ сѣдла». Слова знахаря).

№ 25.

Портить свадьбу, чтобы лошади взбѣсились.

Тридесять горошинокъ, десятая невѣста— конь ни съ мѣста. Медвѣдь въ берлогѣ! выходи изъ берлоги, становись на дорогу, чтобы кони боялись и храпали,*) дуги выскакивали, чтобы никто не могъ излѣчить, окромя меня раба Божія (имя рекъ). (Передъ этимъ нужно поймать вошь, привязать на нитку къ столбу у воротъ дома жениха или невѣсты).

*) Очевидно «храпѣли».

II. Хозяйственные заговоры.

а) Болѣзни животныхъ.

№ 26.

Отъ «ногтя» у лошадей.

Встану я рабъ (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на Востокъ, въ Восточную сторону, къ окіану-морю. На окіанъ-морѣ стоитъ столбъ, на столбѣ сидитъ батюшка Фролъ, Лаверъ и Егорій Храбёръ—въ рукахъ держитъ тугой лукъ и калену стрѣлу. Батюшки, Фролъ, Лаверъ и Егорій Храберъ, подойду я къ вамъ поближе и поклонюсь пониже! Натягай тугой лукъ и калену стрѣлу, стрѣляй съ Востока до Запада, съ Полдёнъ и до Сѣвера, выстрѣливай изъ добра коня (нужно сказать масть коня) 12 ногтей изъ ясныхъ очей, изъ печени горячей, изъ ретивого серца, изъ семидесяти жилъ, изъ семидесяти семи суставовъ, изь всего конскаго стана. Сошлю я ихъ въ Шведскую сторону, гдѣ люди не ведутся, гдѣ скотъ не плодится, на мышь ихъ дѣтей,—пусть они тѣшатся и потѣшаются, тухнутъ и потухаютъ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. (Проговорить 3 раза).

№ 27.

Отъ ногтя.

Сталъ я рабъ (имя рекъ) благословясь, пошелъ я рабъ перекрестясь изъ избы дверями, изъ воротъ воротами, подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ утреннюю зорю—Марену, подъ вечернюю—Маремьяну. Пойду я на океанъ на море. На океанѣ есть островъ; на островѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень; изъ-подъ этого бѣлъ горючъ камня выбѣгаетъ бѣлъ горностай. Какъ на этомъ бѣлъ горностаѣ не держатся ни утреннія росы и не дождевыя воды, такъ бы и на моемъ добромъ конѣ не держались никакія ногти: ни нутрен-

ной, ни жильный, ни суставной, ни хребтовой, ни закожный, ни моровой, ни головной, ни стремной, ни поперечный, ни продольной, ни проходный, ни вѣтреный. Выйди вы, всѣ двѣнадцать, во заднюю ногу, въ лѣвую щетку; идите вы, ногти, на пни и колоды и на зыбучія болота—тамъ вамъ питье и ѣда. Червь моя голова, языкъ мой—ключъ, уста—замокъ.

№ 28.

Отъ ногтя.

Ты, змѣй-змѣишка, во гнилой колодѣ! подойду къ тебѣ поближе и поклонюсь пониже- у рыжей лошади выѣшь, выщепли изъ ноздрей, изъ ушей, изъ челки, изъ хребта, изъ мозговой головы, изъ лодыжекъ, изъ костей, изъ суставовъ 77 ногтей съ ногтенкомъ. («Вырѣзай волосъ изъ челки, хвоста, самой рѣпицы, стриги его мелко, смѣшивай съ купоросомъ или солью—и въ носъ»).

в) Заговоры, произносимые съ цѣлью уберечь скотъ.

№ 29.

Когда отпускать весною скотъ, то говорить:

Стану я благословясь, пойду я перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ, подъ восточну сторону, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну Господню, и попрошу Михаила Архангела и Егорья Храбраго—«пособи, помоги мнѣ лошадокъ сохранить: вы мои помощники, заступники». Загорожу я желѣзный тынъ и мѣдный тынъ отъ Востока до Запада—за имя (т. е. за ними) каменна стѣна, передъ имя огненна рѣка, подъ имя громъ да молонья. «Отъ кого ты огородъ городишь?—«Отъ чернаго звѣря, отъ сѣраго волка, отъ рыскучаго, отъ бѣгучаго, чтобъ онъ не могъ похитить, побѣдить моихъ лошадокъ. Межъ имя огненный столбъ—чтобъ конюшки никуда не разбѣгались, свое гнѣздо знали, къ нему собирались. (Березовый колъ на степи вбивай и приговаривай: «какъ мурашки вьются—увива-

ются вкругъ своего гнѣзда, такъ и мои лошадушки вкругъ березоваго кола». Потомъ вокругъ кола на версту что ли объѣдешь и къ колу пріѣдешь, такъ и лошади будутъ ходить въ чертѣ, а къ ночи—къ колу).

№ 30.

Чтобы кони не терялись на пастбищѣ.

Стану я благословясь, пойду я перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подъ востокъ, подъ восточну сторону, подъ луну Господню,—подойду поближе, поклонюсь пониже: «Матушка, Настасья, святая, милостивая! помоги и пособи!» Загорожу я желѣзный тынъ и мѣдный тынъ—за имя (за ними) каменная стѣна, передъ имя огненная рѣка, межъ имя огненный столбъ, чтобъ онѣ моего голку не боялися, свисту не страшились. «Отъ кого ты огоролъ городишь?» —«Отъ чернаго звѣря, отъ сѣраго волка, отъ краснаго, отъ рыжаго, отъ чернаго, отъ двоезубаго, отъ троезубаго, чтобъ не могли похитить, побѣдить; отъ дѣвки—самокрутки, отъ бабы двоеволоски, чтобъ не могли похитить, побѣдить. Въ чистомъ полѣ я хожу съ Михаиломъ Архангеломъ, съ матушкой Пресвятой Богородицей: они заступники мои и помощники». «Какъ поясочекъ мой вьется—обвивается вкругъ меня, такъ чтобъ и овечушки округъ меня обвивались; какъ ворота отъ пяты не отстаютъ, такъ чтобъ овечушки отъ своего гнѣзда не отставали, свое гнѣздо знали.» (Поясокъ въ воротахъ протяни и чрезъ него овецъ прогони).

№ 31.

При выгонѣ весной на пастбище коровъ.

1. *Молись Богу и говори:* «Матушка, святая и милостивая, и пособи, и помоги мнѣ коровушекъ прилучить къ своему дому». 2. Затѣмъ положи заслонку на цело и говори: «Какъ ты, матушка заслонка—заслоночка, день и ночь у печи,—такъ, чтобы и коровушки день и ночь торчали у дому своего». По-

томъ поскоблить цело ножомъ и приговаривать: «Какъ ты, матушка—печка, сохнешь отъ огня, такъ, чтобъ и коровушки объ своемъ домѣ сохли, объ своемъ гнѣздѣ». Послѣ этого нужно посыпать соли на кусокъ соли, дать его коровѣ и при этомъ шепотомъ произнести слѣдующее: «Какъ ты, матушка—соль, сладка и солена, такъ и имя (т. е. имъ) сладкій и соленый домъ былъ, свое гнѣздо». Затѣмъ нужно протянуть поясокъ въ воротахъ и сказать: «Какъ поясокъ вьется—увивается вкругъ хозяюшки, такъ и коровушки вились и увивались вкругъ своей хозяюшки».

№ 32.

Чтобъ рогатый скотъ не спалъ въ полѣ.

Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ двора въ ворота въ чисто поле, на окіянъ—море. На морѣ на окіянѣ стоитъ солома, а во той соломѣ сидитъ 12 вѣтровъ и 12 вихоревъ. Какъ вы, 12 вѣтровъ и 12 вихоревъ, служите Господу Богу и Матери Божьей и всей небесной силѣ, такъ и мнѣ рабу Божьему (имя рекъ) сослужите: слетайте за горы и за долы и за темные лѣса и за кипучіе ключи, снимите съ тюремщиковъ и подтюремщиковъ тоски—тоскущей и сухоты—сухотущей и со любовью своей несите, не оброните, ударьте мою скотину во очи ясныя и брови черны, въ 77 жилъ и во 77 суставовъ и въ черныя печени и не могла бы моя скотинка меня раба Божія (имя рекъ) въ ѣдѣ заѣдать и въ питьѣ запивать и подъ полонъ мѣсяцъ и на перекровъ мѣсяцъ. Языкъ мой—ключъ, уста—замокъ. Аминь. (Всегда на умѣ содержать: утромъ до солнца и вечеромъ при солнцѣ).

с) Заговоры, произносимые съ цѣлью сохранить въ цѣлости хлѣбъ на пашнѣ; пасѣки и пр.

№ 33.

Отъ птицъ на хлѣбахъ (на пашнѣ).

Сороки и воро́ны и черные во́роны и галицы черныя! ле-

таете по чистому полю и облетаете храмъ Божій и не видите въ храмѣ Божіемъ предъ Батюшкой Спасомъ и предъ Матушкой Богородицей неугасимыя воску ярова свѣчи—такъ бы вамъ летать и не видать моей пшеницы бѣлояровой. Языкъ мой—ключъ, уста—замокъ. Аминь.

№ 34.

Отъ воровъ и звѣря на пасѣкахъ.

Батюшко красное Солнце и свѣтелъ Мѣсяцъ и частыя Звѣзды и вся Лунь Господня! Какъ ты, батюшко, красное Солнышко, не стоишь ни день, ни ночь, ни часу, ни минуты, обойди мою пасѣку и моихъ райскихъ птичекъ—пчелочекъ вокругъ трижды разъ и заградите мою пасѣку, св. угодники Зосима и Савватій, тыномъ желѣзнымъ отъ земли и до небесной высоты и заприте и замкните тремя златыми замками и тремя булатными ключами.—Языкъ мой—ключъ, уста—замокъ. Аминь.

№ 35.

Чтобъ пчелы велись на пасѣкахъ.

Богородица мати Елена въ землю садила, заповѣдью скрѣпила. Мои райскія мухи! сидѣть, не шумѣть и не гремѣть, другъ друга не рубить, уста свои не кровенить, летать въ чисто поле, на зеленые луга, на ракитовы кусты, на медяныя росы,—на чужую пасѣку не влетать, на свою не запущать. Языкъ мой—ключъ, уста—замокъ. Аминь.

№ 36.

Отъ муравьевъ на пасѣкѣ.

Царь—муравей! уйми своихъ дѣтей—мурашей, чтобъ твои дѣти—мураши не ѣли, не кусали моихъ райскихъ пташечекъ—пчелочекъ; у моихъ райскихъ птичекъ—пчелочекъ тѣло мѣдно, кости желѣзны. Батюшки—мураши, ступайте на Съ-

веръ, на Полдень, на Востокъ и на Западъ! Языкъ мой—ключъ, уста—замокъ. Аминь.

37.

Чтсбъ копилась сметана.

Чего паришь?—подойникъ. Отъ чего?—Отъ коровьяго нюханья, отъ человѣчьяго бздеку, отъ быка—третьяка. У быка—третьяка булатные рога какъ не гнутся, не ломаются, такъ бы и у меня раба (имя рекъ) снимокъ не гнулся, не ломался, снимокъ толстой, простокваша густа. Еретикъ съ еретицей, не стегай мою кринку масла—тебѣ ножъ булатный въ ретивое сердце. Языкъ мой—ключъ, уста мои—замокъ. (Говорить нужно, когда собираются парить подойникъ).

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР